Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина») Ministry of Science and Higher Education Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University" (FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. ОбразованиеHuman. Culture. Education

Hayчно-образовательный и методический журнал Research and instruction journal

Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)

On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

(Higher Attestation Commission List)

№ 3 (37) 2020

Сыктывкар Издательство СГУ им. Питирима Сорокина Syktyvkar SyktSU Press 2020 Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал Peer-reviewed research and instruction journal *Учредитель и издатель* — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55) *Founder and publisher* — Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University" (167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Аврамкова Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, директор Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Барахсанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюзев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

EDITORIAL BOARD

Avramkova Irina Semenovna, Doctor of Education, Professor, Director of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ardashkin Igor Borisovich, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia. Tomsk):

Barakhsanova Elizaveta Afanasevna, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Brazgovskaia Elena Evgenevna, Doctor of Philology, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm);

Dagbaeva Nina Zhamsuevna, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Vinokurova Uliana Alekseevna, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Goncharov Sergei Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Zherebtsov Igor Liubomirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Zabulionite Audra-Kristina Iosifovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ziuzev Nikolai Fedoseevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Jonkus Dalius, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Korobeinikova Larisa Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Mangone Emiliana, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Mosolova Liubov Mikhailovna, Ph. D. in Art history, Professor Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nichols Lawrence T., Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Scott Thoe, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Survo Arno, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finalnd, Helsinki);

Survo Vera Viktorovna, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finalnd, Helsinki);

Tulchinsky Grigory Lvovich, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tumanian Tigran Gurgenovich, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Shabaev Iurii Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Shadrina Irina Mikhailovna, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Shapinskaia Ekaterina Nikolaevna, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Erdyneeva Klavdiia Gombozhapovna, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikal State University (Russia, Chita).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна — старший преподаватель кафедры информационных систем института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

> Адрес редакции: 167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а. E-mail: lrudenko@bk.ru

CHIEF EDITOR

Gurlenova Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Departament of Cultural Science end Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar) 167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a **E-mail**: *Irudenko@bk.ru*

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Свободная ценаПодписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Стоимость подписки 618 руб. на полгода.
Subscription Code E34110, Russian Post catalogue 78782.
Subscribe on «Pressa po podpiske» www.akc.ru
Subscription price for six months — 618 roubles.Flexible pricing© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», 2020
© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ PHILOSOPHY OF CULTURE

Макаров Е.Б. Реальность мифов в информационную эпоху. Семиотическая схема мифологизированного мышления на основе концепции означающего Р. Барта Makarov E. B. The Reality of Myths in the Digital Age. Semiotic Scheme of Mythologized Thinking Based on R. Barthes, the Signifier Concept
Пахомов С. В. Представление о бессмертии в сотериологии индуистского тантризма Pakhomov S. V. The Concept of Immortality in Hindu Tantric Soteriology24
КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY
Афанасьева Т. А. Свадебная обрядность в новгородской деревне середины XX века(по материалам УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ 2000—2001 гг.)Afanasyeva T. A. Wedding Ceremonies in the Novgorod Village of the mid-20th century(Based on the Materials of the Educational and Scientific Laboratory of Ethnologyand History of Culture of NovSU 2000—2001)
Васильева Е. В. Национальная романтика и интернациональный стиль: к проблеме идентичности в системе финского дизайна Vasil'eva E. V. National Romanticism and International Style: to the Problem of Identity in the Design in Finland
Емельянов А.А., Иткулов С. 3. Специфика нонсенса как лингвокультурологической категории на примере английского рифмованного сленга Emelyanov A. A., Itkulov S. Z. The Specifics of Nonsense as a Cultural Linguistics Category as Exemplified by English Rhymed Slang
Иванищева О. Н. Динамика русских культурных смыслов (на примере речевого употребления зоонима nonyzaŭ)Ivanishcheva O. N. Dynamics of Russian Cultural Meanings (on the Example of the Speech Use of the Zoononym Parrot)
Леонов И. В., Ройттер Г., Кириллов И. В. Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX—XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества Leonov I. V., Reutter G., Kirillov I. V. Transformation of Forms and «Semantic Aura» of Sacred Placesin the Culture of 19—21 century Russia: the Case Study of Religious Architecture Monuments
Найденов Н. Д. Оценка эффективности мероприятий по сдерживанию пандемии COVID-19 в Республике Коми (культурологический и экономический аспекты) Naydenov N. D. Evalution of Effectiveness of the Measures for Control of the COVID-19 Pandemic in the Komi Republic (Russia): Cultural and Economic Aspects

Проект «Культура провинции» Project «Culture of the Provinces»

Добрецова С. А. Провинциальные художники: коллективный «портрет» и жанр портрета Dobretsova S. A. Provincial Artists: Collective «Portrait» and Genre of Portrait149
ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY
Гурленов В. М., Трофимова Ю. И. Как пользоваться знаниями о возрастных психологических особенностях при планировании и реализации урока иностранного языка Gurlenov V. M., Trofimova Y. I. How to Use Age and Psychological Characteristics When Planning and Implementing a Foreign Language Lesson
Зезегова О. И. Становление и развитие системы сетевой формы реализации образовательных программ в зарубежных и российских моделях образования Zezegova O. I. Formation and Development of the Phenomenon Interaction System in Foreign and Russian Education Models
Сердюк Е. В. О последовательных содержательных контекстах при обучении монологической речи в языковом педагогическом институте Serdyuk E. V. Successive Semantic Contexts in Teaching Monologue in the Pedagogical Language Institute
Сведения об авторах199

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 194

Е. Б. Макаров

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-8

независимый исследователь, г. Калининград

Реальность мифов в информационную эпоху. Семиотическая схема мифологизированного мышления на основе концепции означающего Р. Барта

Сегодняшнее информационно-ориентированное мироустройство способствует отрицанию материального мировоззрения и обращению к мифологическому мышлению как базовой альтернативе логосу. Современный индивид в процессе обучения и социализации всё более склонен приобретать знания об объектах (явлениях) исходя из его внешних проявлений. С наступлением нового информационно-технологического уклада «система мнений» обрела свою собственную логику развития и воплотилась в борьбе этих систем. В их основе — устоявшиеся стереотипы, а также различные культурноисторические мифы. Легитимизация и закрепление мифов в качестве устойчивых идеологем происходит путём институализации и распространения их как социально значимых образцов мышления. Идеология — это мифология в действии или идеология как перформативная мифология.

Далее рассматривается соотнесение мифологического сознания с сознанием субъекта. В качестве схемы соотнесения предлагается многоуровневая семиотическая модель, которая иллюстрирует наглядную связь ментального и физического в процессе семиозиса субъективной реальности. В качестве основных элементов модели предлагается рассмотреть конвергенцию различных понятий: субъективная реальность, код и нейро-

_

[©] Макаров Е. Б., 2020

динамическая система и соответствие их определённым научным дисциплинам. ТРИ-О — последовательность мифологизации сознания: «от знака до мозга».

Информационно-коммуникативное пространство как имманентное свойство современного информационно-технологического уклада является семиотической системой. Бесконечное нарастание данных и информации о её содержании ведёт к перегрузке логического мыслительного аппарата, несёт риски, связанные с потерей самоидентификации личности, и в конечном счете способствует переходу к упрощению жизненного опыта как наиболее релевантного способа самосохранения в сложившейся ситуации и обращению к «привычному» мифологическому пониманию жизненного мира.

Ключевые слова: мифология, идеология, семиотика, сознание, нейронаука, коммуникация, информационно-технологический уклад.

E. B. Makarov

Independent researcher, Kaliningrad

The Reality of Myths in the Digital Age. Semiotic Scheme of Mythologized Thinking Based on R. Barthes, the Signifier Concept

Today information-technological order contributes to the negation of material and the emergence of mythological worldview as an alternative of complicated and incomprehensible to the usual and familiar in dominating social practices. A modern individual is prone to getting knowledge about objects (phenomena) in the process of training and socialization based on its exterior emergence. With the beginning of the new information-technological order the «opinion system» had its own logic of the progress and it had been implemented in their struggle. In their foundation there are stereotypes as well as different cultural and historical types.

Legitimization and consolidation of the myths in the capacity of sustainable ideologemes occur by institualization and its spreading as socially significant patterns of thinking. Ideology is the mythology in action or ideology as performative mythology.

Further, we are treating correlation of the mythological and subject conscience. In the capacity of correlation scheme it is suggested a multi-levels semiotic model, which illustrates visual bound of the mental and material in subjective reality in semiosis process. In the capacity of main elements of the model we suggested to treat the convergence of different notions like subjective reality, code, neurodynamic system and its correlation with related sciences. Three-S is a sequence of consciousness mythologization, «from sign to a brain».

The information-communicative space is a semiotic system which is immanent property of the information-technological order. Infinity growth of data and information about its substance leads to cognitive apparatus overload and it is connected with the risks of self-identification lost. Totally, it leads to simplification of life experience as the most relevant way of self-preservation and appeal to the «mundane» mythological understanding of the life world.

Keywords: mythology, ideology, semiotics, consciousness, communication, information-technological order, neuroscience.

Введение. Научная новизна теоретического исследования заключается в том, чтобы показать внутренний механизм междисциплинарного синтеза семиотики, нейронауки и мифологии, используя рамки существующих семиотических понятий как наиболее релевантного методологического опыта. Отправной точкой исследования послужили следующие идеи и высказывания.

А. А. Зиновьев писал, что чувственный аппарат человека с течением времени всё больше испытывает влияние знакового [1, с. 12—13]. В работах Д. И. Дубровского, Т. В. Черниговской и коллег [2; 3] по изучению сознания и мозга человека привычные дихотомические оппозиции, такие как «Я» / «Не-Я», правое / левое полушарие, традиционное (архаическое, мифологическое) / новое (логическое, «вычислительное») мировоззрение, и означаемое / означающее, приобретают новую смысловую тональность.

Кроме того, автор полагается на цитату Платона о трёх онтологических видах: «Бывающее, то, в чём оно бывает, и по подобию чего происходит бывающее» [4, с. 990]. Для «простоты» можно редуцировать высказывание в категориях, имеющих значение для нашего исследования.

Бывающее — это информация о мире, конституирующая этот мир таким, каков он бывает (есть). То, в чём бывает — в природе окружающего нас мира, это соотносится со знаковыми свойствами объектов, явлений и событий, выраженных в информации о себе.

По подобию чего происходит бывающее — по подобию генетически и биологически обусловленных механизмов восприятия и трансформации материи, доступной для нашей субъективной реальности.

И наконец, для будущей семиотической модели важным является то, что Р. Барт называет натурализацией понятий как основной функцией мифа, — придать значение — обеспечить естественность или природность для явлений окружающего нас мира. Исследова-

тель пишет, что любая семиотическая система имеет дело с ценностями, но их значения для потребителя мифов принимаются за систему фактов [5, с. 291].

Если говорить о значимости данного исследования, то, вопервых, сам по себе междисциплинарный подход, объединяющий сферы гуманитарного и естественного знания, может представлять интерес для различных эпистемических культур.

Во-вторых, такой подход позволяет охватить на первый взгляд не связанные между собой явления и сделать попытку объяснения контингентности в развивающихся социально-культурных процессах.

Гипотеза заключается в следующем: сегодняшний информационно-технологический уклад способствует отрицанию материального (как бы это ни звучало странно) и эмерджентности мифологического мировоззрения как альтернативы сложного и непонятного привычному и знакомому в доминирующих социальных практиках: культуре, экономике и политике.

Рассматривая эту мысль далее с позиции семиотической гносеологии, можно сказать, что в пространстве информации и коммуникации мы пребываем в особых символических условиях, в ограничениях, заложенных в семиосфере¹. Понятие границы в данном случае носит фундаментальный характер и функционирует на уровне отделения своего от чужого, фильтрации и перевода внешних сообщений, т.е. «…семиотизации поступающего извне и превращения в информацию» [6, с. 14].

Есть расхожая фраза, что современный человек «заточен» под визуальную информацию. Это значит, что объекты окружающего пространства рассчитаны на визуальную, а значит, на знаковую саморепрезентацию. Но ведь разве было когда-то иначе? Платон писал, что зрение явилось для нас величайшей пользой, «...ибо из теперешних наших рассуждений о вселенной не было бы произнесено ни слова <...> из чего явилось нам кругообращение звёзд и планет, понятие о времени и привело к величайшему творению — созданию философии» [4, с. 988], а впоследствии, как мы понимаем, рождению дифференцированного объективированного научного знания, основанного на опыте. У этого утверждения есть и иная подоплёка. В эпоху Просвещения, когда были заложены основы естественно-

¹ Семиосфера — семиотическое пространство, вне которого невозможно существование семиозиса, т.е. знакового описания реальности [6, с. 13].

научного знания, в эпоху Возрождения или Ренессанса в живописи сформировалась «...новая визуальная установка на жизненный мир человека с опорой на идею опыта и глаза и видения как основного инструмента» и, как далее пишет В. Розин, стало падать значение слова как основного элемента коммуникации человека и Бога [7, с. 193]. С этого момента, можно считать, визуальное стало преобладающей формой восприятия.

Однако необходимо различать информацию как источник данных об окружающем жизненном мире — эпистемологический и гносеологический подходы, и информацию как набор мнений и нерефлексивных суждений о фактах, событиях, а также в целом о порядке вещей окружающего нас мира — идеологический подход. В первом случае это функция поддержания жизнеспособности организма (системы), в том числе и социального; во втором — функция перераспределения позиционных благ.

По сути, с того момента, как Д. Белл ознаменовал переход к постиндустриальному обществу, он предложил переход к миру, в котором функция научного знания конституируется как новый принцип распределения благ [8]. Это мировоззрение породило следующий виток постиндустриализма — новый информационнотехнологический уклад, и исказило первоначальную предпосылку о гносеологической концепции мира. Даже более того, процесс познания, с философской точки зрения представляющийся как процесс восхождения к истине, по Платону, был подменён распространением «системы мнений», в которой истина заменена подобием [9]. Именно с наступлением нового информационно-технологического уклада «система мнений» обрела свою собственную форму и логику развития в представленной форме. При этом логика развития предмета подразумевает онтологическую сущность, воплощающуюся в его смысле, и, соответственно, предполагает отождествление этого предмета со знаком, выражающим определённые значения. Но вот договориться по поводу этих значений в отсутствие понимания смысла становится всё труднее, что и порождает такое понятие, как борьба мнений, или досксофилия (от греч.: $\Delta \acute{o} \xi \alpha$ — «мнение» и ϕ ιλία — «любовь») — борьба мифологических конвенций в семиотической обёртке с опорой на средства массовой коммуникации. Ярким примером может служить разворачивающаяся полемика по поводу модной концепции — «распад правды» (truth decay) — уменьшение

роли фактов в общественной жизни Америки¹, изучением которой занимается аналитический центр (think tank) — корпорация Рэнд.

В рассуждениях Платона об истине, справедливости, государственности мнение последовательно противопоставляется познанию и олицетворяет, скорее, «систему заблуждений», хотя и добровольную. Ведь мнение есть у того, кто «мнит», как утверждает Платон [4, с. 863], соответственно «мнимый», например, объект — это воображаемый, кажущийся. «Кто основывается на мнении, а не на истине, пребывает в спячке» [4, с. 904]. Сон, как полагали 3. Фрейд и К. Г. Юнг, — это царство бессознательного и мифологического[10, с. 264]. Стоит ли в связи с этим полагать, что люди, живущие в реальности и мнящие о своей реальности как о сне, живут в бессознательном и эксплицируют миф наяву? Основа мифа — стазированное значение, когда смысл отстраняется путём исторической аберрации или коммуникационного плюрализма, основанного на различных системах интерпретации и реинтерпретации, т.е. мнениях. При этом значения как бы наслаиваются в зависимости от ценностно-волевых качеств интерпретатора. По мнению Р. Барта, искажение (деформация) и отстранение первоначального смысла, паразитирование на нём, является центральным проявлением всякого мифа и вызывает к жизни форму значения, т.е. отдельно форму и присвоение ей определённого значения как самоцель мифотворчества. «Миф — система двойная; он как бы вездесущ — где кончается смысл, там сразу же начинается миф» [5, с. 281].

Коротко можно сказать, что миф — это язык описания, удобный для выражения социальных моделей и сущностных законов бытия [10, с. 262]. А также, как утверждает Н. И. Шестов, это фундамент идеологии, её непосредственный источник [11, с. 101]. О трансформации мифа ученый говорит следующее: «Идеология возникает путём преобразования мифа, добавляя к его оформлению элементы научности² и системности» [11, с. 28]. Это можно расценить, что легитимация и закрепление мифов в качестве устойчивых идеологем

¹ Подробности проекта: URL: https://www.rand.org/research/projects/truth—decay.html (дата обращения: 17.12.2019).

 $^{^2}$ О процессе «онаучнивания» идеологии и идеологизации науки см.: Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. 208 с.

происходит путём институализации 1 и распространения их как социально значимых образцов мышления.

В теоретическом плане наиболее яркую схему, характеризующую общество и общественные отношения как систему, функционирование которой поддерживается экспликацией и демонстрированием конформных образцов мышления и поведения, предложил Т. Парсонс. В теории социального действия он определил социальную систему как совокупность четырех функциональных подсистем: политическая (целеполагание), экономическая (адаптация), социальный контроль (интеграция) и культурная система, отвечающая за поддержание образца [12, с. 24]. Можно также сказать, что политическая подсистема заимствует и использует наиболее значимые и устойчивые мифы из других подсистем, в то время как культурная сфера отбирает, придаёт форму и является поставщиком «материала» для других подсистем, в особенности для политической. В семиотическом отношении здесь хорошо укладывается цитата В. Розина: «Художественная сфера является означающим и символизирующим остальные сферы» [7, с. 100]. Миф является естественным, выраженным в общественном сознании, социетальным инструментом целеполагания для политической деятельности. В этой связи можно сказать, идеология — это мифология в действии. Чтобы заставить миф действовать, нужна воля, чтобы данное в «слове» стало данным в действии или по крайней мере данным в будущем. Таким образом, можно сделать ещё одно обобщение относительно контекста, касающегося лингвистического содержания данного суждения, в котором идеология представляется как перформативная мифология.

Методы исследования, теоретическая база. В политических и социальных науках идеологию рассматривают «как систематизированную совокупность идей, выражающих интересы, цели и намерения больших групп, таких как партии, классы, нации, общности и т. д.» [13, с. 13]. Здесь нужно сделать существенную оговорку. Сами по себе группы, партии и народы не выражают собственных интересов, они лишь транслируют и потребляют предложенные мировоз-

¹ Так, например, в ст. 29 п. 4 Конституции Российской Федерации закреплены информационные права граждан, в частности сказано, что каждый гражданин РФ в праве иметь свободный доступ к получению, производству и распространению информации.

зренческие программы. Истинными выразителями являются лидеры и руководители этих социальных объединений. И тогда становится очевидным, что идеология является средством одних людей воздействовать на сознание и поведение других, как это определяет А. А. Зиновьев [1, с. 25]. Задача идеологии, по его мнению, — стандартизация сознания, выработка одинакового понимания явлений бытия [1, с. 26], по сути, организация единого информационного пространства для сохранения общности, группы или нации, как единой социальной целостности в будущем и как имманентного способа самовоспроизводства, управляющего данной целостностью аппарата. В этом отношении Дж. Урри вообще радикально относится к пониманию будущего, он пишет: «Частные интересы буквально "владеют" общественно значимыми вариантами будущего» [14, с. 287]. Что, как мы знаем, выражается в пресловутом «образе будущего», широко распространённом мифе информационно-технологического уклада. При этом «Образ Будущего» в этом контексте не носит общий или нарицательный характер, а именно относится к классу вещей как объект, обладающий именем собственным (т.е. выступает как знак, символизирующий субъективную реальность некоего абстрактного будущего). В связи с высказыванием можно вспомнить, что Ю. М. Лотман производит отождествление общего значения собственного имени в его предельной абстракции с мифом [6, с. 61]. И в дальнейшем он приходит к выводу, что наполненность мифологического пространства именами собственными носит конечный характер, а само пространство является отграниченным [Там же, с. 63]. Проводя дальнейшие рассуждения, мы получаем такую картину: ограничения, границы, демаркационные линии — это признаки дифференциации и иерархиизации структуры, выражающиеся в утрате разнообразия и тем самым ведущие к упрощению сознания, т.е. обратно к архаическому — мифологическому сознанию, которое, по точному выражению Ю. М. Лотмана, «...принципиально непереводимо в план иного описания, в себе замкнуто и, значит, постижимо только изнутри, а не извне» [6, с. 67].

Чтобы раскрыть сущность соотнесения мифологического сознания с сознанием субъекта на психическом (феноменологическом) уровне, нужно отобразить схему соотнесения как многоуровневую семиотическую модель, описывающую определённую реальность и связанную с ней логику мышления. Коротко это утвержде-

ние можно определить так: схема задаёт новую реальность, а знак — новую деятельность [7, с. 243], а значит — действительность. В данной схеме отображаются уровни, соответствующие процессу многоступенчатого семиозиса знакового сообщения и переводу в кодовую структуру нейродинамической сети в коре головного мозга. Вопрос о связи ментального и физического теоретически прорабатывали ещё наши советские учёные и пришли к следующему выводу. Всякое явление (событие) реальности — это информация, воплощённая в коде, носителем которого является нейронная структура (естественная нейродинамическая система), расположенная в коре головного мозга, а значит, она имеет материальное воплощение в пространстве и времени [2, с. 61, 128; 15, с. 87]. Код, по словам А. Н. Лука, «предполагает соответствие между реальными объектами и их моделями в нервной системе» [15, с. 87]. Также необходимо добавить, что информация как знаковая система, описывающая реальность для субъекта, обладает принципом инвариантности, т.е. одна и та же информация может быть передана разными физическими носителями [2, с. 124]. В образе объекта может быть выделена структурная инварианта, позволяющая опознавать его не по тождественному, а по вероятностному совпадению [15, с. 88]. Этот принцип порождает такое важное свойство знаковых систем, как избыточность информации, когда меньшего объёма данных достаточно, чтобы восстановить (мысленно) цельный образ объекта¹, что приводит нас к одному из основополагающих свойств знака в целом, а именно к возможности сохранения больших объёмов данных или информации в малых формах (образах). Современная нейронаука может объяснить возникновение образов путём возбуждения определённой группы нейронов (невральные, или ментальные, паттерны) в мозговой коре для формирования когнитивных единиц в зависимости от типа получаемого сигнала [3, с. 357], например: образ, получаемый от визуального канала восприятия. Предпосылка для подобных аргументов лежит в предложенных ранее Д. И. Дубровским высказываниях: «Психический образ действительно существует в мозгу, но не в виде вещественной копии, а в качестве информации о соответствующем объекте. Эта информация воплощена в своём носителе — определённой нейродинамической

 $^{^{1}}$ Очень наглядный пример приводит Г. Бейтсон: достаточно видеть крону дерева, чтобы получить информацию о размере его корневой системы [16].

системе. Последняя является кодом переживаемого субъективного образа» [2, с. 193]. Таким образом, эту связь можно представить схематично в виде последовательности:

Информация — Код — Нейродинамическая система (Мозг).

Таков семиозис «Субъективной реальности» (СР), т.е. той реальности, которая, по определению Дубровского, являет собой «...динамический континуум сознаваемых состояний человека...» [2, с. 14].

В начале работы мы приняли к рассмотрению предмет различных областей знания и задались вопросом их конвергенции. Теперь мы можем соотнести их с конкретными употребляемыми нами понятиями, такими как СР — психика, КОД и информация — семиотика, НДС (мозг) — биология.

Но, чтобы информация обрела форму «субъективной реальности», как пишет автор концепции, необходимо двухступенчатое кодовое преобразование на уровне эго-систем: первое представляет информацию как таковую, второе преобразование «открывает» и тем самым актуализирует её для «самости» (т.е. для собственного «Я»), делая доступным для оперирования и управления [2, с. 152—153]. Для краткости можно представить данные уровни так:

Уровень 1 — сенсорные данные, коммуникативное и иное сообщение об окружающей среде или внутреннем состоянии организма.

Уровень 2 — информация о явлениях, связанных с уровнем 1.

Таким образом, Д. И. Дубровский конституирует, что информация, являющаяся содержанием конкретной нейродинамической системы и имеющая значимость для этой эго-системы, представляет собой «естественный код» второго порядка, или информацию об информации [2, с. 153].

В семиотическом аспекте, что интересно, мы имеем классическую связь, выраженную в знаковой системе, выведенную ещё Ф. де Соссюром, между означаемым и означающим. Первый принцип соссюровской эпистемологии говорит о произвольности знака, возникновении целого из некой ассоциации произвольного означаемого и означающего. И если у Соссюра слово — это языковой знак и отношение понятия и акустического образа как отношение между означаемым и означающим для данного знака [17, с. 69—70], то в нашем случае эта связь представлена в виде «информации как таковой» (Ур. 1) и «открытой информации» (Ур. 2). Возникает лишь

вопрос о функциональной особенности преобразования информации (или об «открытии» у Дубровского) как способе действия, означающего по отношению к означаемому.

Используя приведённый выше принцип, вернёмся к семиозису СР как созависимости информации и нейродинамической системы и далее можем отметить, что код, в котором воплощается информация для физического объекта (мозга), является означающим по отношению к данной информации. Информация как отдельная семиотическая система является семиозисом коммуникации и сообщения [18]. В итоге базис данной модели — само сообщение (рис.).

Рис. Схема соотношения знаковых систем в СР

Для фиксации связи между мифологической и субъективной реальностями будем использовать трехступенчатую структуру знаковых систем. В основании её будет лежать миф как источник сообщения и «похититель языка» в бартовском выражении. Первая знаковая система отражает понимание Р. Барта о мифе как о метаязыке (как и у Дубровского выше — информация об информации), на котором говорят о языке—объекте: «...миф овладевает этим языком—объектом чтобы построить собственную систему» [5, с. 272]. И для данной знаковой системы миф являет функцию означающего по отношению к первичному языку—объекту, т.е. означаемому. «Мифу свойственно превращать смысл в форму», — говорит далее Р. Барт, а в форму чего — становится понятно, когда мы включаем в

этот ряд действия по отношению или действия в отношении чегото или кого-то. Трансформация происходит не сама по себе, она несёт в себе чью-то волю, чьё-то намерение. В таком виде миф обретает форму сообщения.

Чтобы система могла длиться, сохраняться, она должна передавать информацию о своём состоянии в изменяющемся относительно себя же положении (производная от функции времени). В свою очередь, сообщение как элемент следующей знаковой семиотической системы, в котором понятие коммуникации обретает смысл означающего для данного сообщения, образует информационный объект (система 2). На высшей ступени информация, являясь частью чувственного континуума, десигнатом субъективной реальности, обретает сущностный смысл в физическом воплощении сознания — мозге.

Результаты исследования. Из вышеприведённой модели можно сделать вывод. Во-первых, мы видим определенную таксономическую семиотическую структуру СР, слагаемую из дихотомической оппозиции означаемого и означающего. Если представить иерархически элементную составляющую этих понятий из предложенных семиотических систем, то эти понятия можно показать в виде ТРИ-О последовательностей:

Означаемое: Знак (Язык—объект) — Сообщение — Информация; Означающее: Миф — Коммуникация — Код (Мозг).

И если означаемое представляет «техническую» сторону вопроса развития коммуникации и образования информации как таковой на основе какой-либо знаковой системы, то означающее можно рассматривать как правило (структуру) функционирования передачи сообщений в данной многоуровневой семиотической системе.

Во-вторых, рассматривая означающее как набор правил по переводу информации на уровень выше «от знака до мозга», мы видим, как сознание в итоге мифологизируется. Так как миф в основании данной схемы индифферентен к иному плану описания и доходит до высших нейронных структур мозга как данность, как замкнутый объект (т.е. образ, воплощённый в нейродинамическом коде), то этот миф может быть описан лишь изнутри, если принять во внимание слова Ю. М. Лотмана [6, с. 67]. Таким образом, субъективная реальность индивида вульгаризируется и приобретает оттенок бытия сна, фантазии, основанной на реальности мифа.

Если вернуться к высказыванию Платона о том, что, полагаясь на мнения, мы спим или грезим, и перевести это на современный язык информации и коммуникации, то можно сказать, что мы эффективно самоизолируемся и умышленно «усыпляем» своё восприятие, используя сетевые фильтры-пузыри, не допуская в наше субъективное пространство мнений, отличных от нашего (эффект «эхо-камеры»). И дабы избежать дальнейшей неопределённости и межличностных конфликтов, мы даже идём в сторону радикализации наших мнений. Всеобщее распространение получил такой механизм, как «склонность к подтверждению своей точки зрения» (confirmation bias). Об этом пишет исследователь глобальной коммуникации MIT¹ Э. Цукерман, ссылаясь на работы К. Санстейна [19, с. 116, с. 129]. Но если осуществляется радикализация мнения, то радикализируется и сам миф, на котором это мнение основывается, а значит, и идеология как порождённый этим мифом перформативный акт, воплощённый в воле отдельных личностей.

Возникает закономерный вопрос: при такой диспропорции в коммуникации не велика ли вероятность вернуться к нуменозному мышлению? Архаичный человек не принимал решения без санкции богов [7, с. 152]. Так и сейчас многие люди не могут принять решения без составления очередного запроса в Интернет. И тогда возникает следующий вопрос: а сегодня Интернет, и в частности социальные медиа и поисковые системы, — это не новые нуменозные боги, принимающие решения за людей?

Информационно-ориентированная эра представляется в этом случае как нечто противоестественное, это идеология угнетения формального и логического жизненного пространства путём фальсификации окружающего универсума, точнее бесконечного нарастания информации о его содержании и о самой себе в пространстве коммуникативном. Д. И. Дубровский отмечает, что с развитием цивилизации генетически заданный механизм тождества личности несёт всё увеличивающуюся нагрузку в силу «умножения числа вещей, потребностей, коммуникаций, видов деятельности <...> умножение нарастает в геометрической прогрессии, что создаёт угрозу идентичности "Я"» [2, с. 82].

Основываясь на результатах, полученных в ходе исследования нейрофизиологических языковых компетенций [3, с. 231—249], можно сделать вывод, что левое полушарие, отвечающее за форма-

¹ МІТ — Массачусетский технологический институт.

лизацию и обработку новой поступающей информации, не справляется с таким потоком и находится в перманентном состоянии перегрузки¹ (т.е. угнетения), в результате чего функцию управляющей системы берёт на себя правое полушарие, обладающее целостным, гештальтным восприятием и являющееся возможным носителем метафорического, архаического и мифологического сознания [3, с. 249]. Такое гештальтное мировосприятие способствует переходу к упрощению жизненного опыта как наиболее релевантного способа самосохранения в сложившейся ситуации и обращению к «привычному» мифологическому пониманию жизненного мира. Таким образом, на первый план выходит мир детского нерефлексивного самосознания, в котором желания превалируют над всем остальным, а стереотипы и мифы — над здравым, логическим мышлением, упрощая и одновременно вновь «заколдовывая» окружающий универсум.

В философском осмыслении и в исторической ретроспективе мы видим проявление гегелевского закона «отрицание отрицания» в том виде, что сначала в человеческом развитии мы отказались от идеи традиционного, архаического основания бытия, а затем стали отказываться от идеи научно-гносеологического познания, вследствие чего стимулируется возвращение предшествующих конвенций.

Заключение. Таким образом, мифология продолжает оказывать существенное влияние на нашу жизнь в условиях информационного общества и цифровизации. Сохраняется актуальность сказанных двадцать семь столетий назад слов Платона: «Мы должны воспитывать детей на собственных мифах, чтобы формировать их души» [4, с. 787]. Но если раньше речь шла о мифологии в рамках конкретной культурно-исторической традиции, то в современном информационном обществе поставщиками мифов и мифологического контента транслируемого медиа (новости, кино, сериалы и т.д.) всё больше являются в основном другие культурно-исторические общности.

Библиографический список

1. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.

¹ Не случайно в знаменитой встрече Ельцин — Клинтон закралась «оговорка»: вместо перезагрузки в отношениях думали об односторонней перегрузке.

- 2. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект : сб. статей. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
- 3. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. 3-е изд. М.: ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.
- 4. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2018. 1311 с.
 - 5. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
- 6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.
- 7. Розин В. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 256 с.
- 8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
- 9. Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии. М.: Наука, 2003. 576 с.
- 10. Кемеров В. Е., Керимов Т. Х. Социальная философия: Словарь. 2-е изд.М.: Академический Проспект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2006. 624 с.
- 11. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М.: Олма-Пресс, 2005. 414 с.
- 12. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- 13. Сирота Н. М. Идеология и политика : учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2015. 216 с.
 - 14. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
- 15. Лук А.Н. Очерки эвристической психологии. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 228 с.
- 16. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- 17. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
- 18. Макаров Е. Б. Хэштег как предикат контекста коммуникативного потока в коммуникативном сетевом пространстве Twitter // Коммуникации. Медиа. Дизайн, 3(3), 81—95. URL: https://cmd-journal.hse.ru/article/view/8153 (дата обращения: 13.01.2020).
- 19. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.

References

- 1. Zinov`ev A. *Ideologiya partii budushhego* [Ideology of the political party of future]. Moscow, Algoritm, 2018. 240 p. (In Russian)
- 2. Dubrovskij D. *Soznanie, mozg, iskusstvenny'j intellekt: sb. statej* [Consciousness, brain, artificial intelligence: collection of Articles]. Moscow, Strategiya-Centr, 2007. 272 p. (In Russian)

- 3. Chernigovskaya T. *Cheshirskaya uly`bka kota Shryodingera: yazy`k i soznanie* [Schrodinger's Cheshire cat smile: Language and Reasoning]. Moscow, YaSK: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2017. 448 p. (In Russian)
- 4. Plato. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, Al'fa-Kniga, 2018. 1311 p. (In Russian)
- 5. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008. 351 p. (In Russian)
- 6. Lotman Yu. *Stat`i po semiotike i tipologii kul`tury. Tom I.* [Articles on semiotics and typology of culture. Volume I]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 479 p. (In Russian)
- 7. Rozin V. *Semioticheskie issledovaniya* [Semiotic research]. Moscow, PER SE; St. Perersburg, Universitetskaya kniga, 2001. 256 p. (In Russian)
- 8. Bell D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo* [The coming of postindustrial society: A venture of social forecasting]. Moscow, Academia, 2004, 788 p. (In Russian)
- 9. Gouldner A.W. *Nastupajushhij krizis zapadnoj sociologii* [The Coming Crisis of Western Sociology]. Moscow, Nauka, 2003. 576 p. (In Russian)
- 10. Kemerov V., Kerimov T. *Social naya filosofiya: Slovar'* [Social philosophy: Dictionary]. Moscow, Akademicheskij proekt; Ekaterinburg, Delovaya Kniga, 2006. 624 p. (In Russian)
- 11. Shestov N. *Politicheskiĭ mif teper' i prezhde* [Political myth now and before]. Moscow, Olma-Press, 2005. 414 p. (In Russian)
- 12. Parsons T. *Sistema sovremennyx obshhestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p. (In Russian)
- 13. Sirota N. *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Moscow, Aspekt Press, 2015. 216 p. (In Russian)
- 14. Urry J. Kak vy`glyadit budushhee? [What is the Future?] Moscow, «Delo» RANHiGS, 2018. 320 p. (In Russian)
- 15. Luk A. *Ocherki jevristicheskoj psihologii* [Essays on heuristic psychology]. Moscow, BINOM, Knowledge laboratory, 2011. 228 p. (In Russian)
- 16. Baetson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psikhiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology]. Moscow, Publ. Smysl., 2000. 476 p. (In Russian)
- 17. Sossure F.de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Ekaterinburg, Ural. un-t, 1999. 432 p. (In Russian)
- 18. Makarov E. Hashtag as a predicate of the context of the communicative stream in the Twitter communicative network space. *Communications. Media. Design*, 3(3), 81—95. (In Russian)Available at: https://cmd-journal.hse.ru/article/view/8153 (accessed 13.01.2020).
- 19. Zuckerman E. *Novy'e soedineniya. Cifrovy'e kosmopolity' v kommunikativnuyu e'poxu* [Digital Cosmopolitans in the Age of Connection]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 336 p. (In Russian)

УДК 294

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-24

С. В. Пахомов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Представление о бессмертии в сотериологии индуистского тантризма

В статье рассматривается категория бессмертия в индуистском тантризме применительно к теме освобождения. Эту категорию мы анализируем в контексте двух ключевых принципов понятия духовного освобождения — принципа избавления и принципа единения. В случае принципа избавления акцент ставится на преодолении смерти как важного элемента сансары. В случае принципа единения речь идет о связи человека с бессмертной трансцендентной сущностью. Мы также различаем телесное и духовное бессмертие. Духовное бессмертие безоговорочно признавалось всеми тантрическими направлениями, но по отношению к бессмертию телесному мнения расходились. Тема бессмертия тела в основном поднималась в тех «деятельных» школах, которые уделяли внимание тантрической хатха-йоге, прежде всего в движении сиддхов. Телесное бессмертие предполагало парадоксальную ситуацию смерти для земного мира. Умирает тело грубое, но вместо него рождается «божественное» тело, которое уже не может умереть. Частью движения сиддхов является школа натха, которая выделяет в бессмертии две ступени: бессмертие в «совершенном» теле (относительное бессмертие), а затем в «божественном» теле (абсолютное бессмертие). Показывается связь идеи телесного бессмертия с расаяной — индийской алхимией, которая с начала VIII в. вступила в тантрический период своего развития. Особенную важность в алхимии играла обработанная ртуть, именно она, по мнению алхимиков, делала тело бессмертным и молодым. Делаются выводы о том, что и духовное, и телесное бессмертие индивида связаны с идеалом освобождения, обретаемого им еще при жизни.

Ключевые слова: освобождение, сиддхи, хатха-йога, натха, расаяна.

S. V. Pakhomov

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The Concept of Immortality in Hindu Tantric Soteriology

[©] Пахомов С. В., 2020

The article considers the category of immortality in Hindu Tantrism in relation to the liberation. We analyze this category in the context of two main principles of spiritual liberation, i. e. the principle of deliverance and the principle of unity. In the case of the principle of deliverance, the emphasis is on overcoming death as an important element of the samsara. In the case of the principle of unity, we can say about a person's connection with the immortal transcendental principle.

We also distinguish between bodily and spiritual immortality. While spiritual immortality was recognized by all tantric movements, opinions regarding bodily immortality diverged in Tantrism. The theme of the corporeal immortality was emphasized in those "active" Tantric schools that paid great attention to Hatha Yoga, especially in the Siddha movement. Physical immortality assumed a paradoxical situation of death for the usual human world. The gross body dies, but the "divine" body is born in its place and doesn't die longer. Part of the Siddha movement was the Natha tradition, which distinguishes two stages in immortality: immortality in the "perfect" body (relative immortality), and then in the "divine" body (absolute immortality). We present the connection of the concept of bodily immortality with Rasayana (Indian alchemy) which since the beginning of the 8th century entered the tantric period of its development. Treated mercury was of particular importance in Alchemy; it was mercury that, in the opinion of the alchemists, made the body immortal and young. It is concluded that both the spiritual and bodily immortality of the individual are connected with the ideal of liberation which he attains during his lifetime.

Keywords: liberation, Siddhas, Hatha Yoga, Natha, Rasayana.

Введение. Принцип избавления и принцип единения. Категорию бессмертия в сотериологическом контексте индуистского тантризма мы рассматриваем через призму ключевых принципов понятия духовного освобождения — принципа избавления и принципа единения (см., в частности, наши работы [1; 2]).

В случае принципа избавления акцент ставится на преодолении смерти как значимого признака сансары, и бессмертие следует понимать здесь как сотериологическое состояние, радикально избавленное от тлена и распада, присущих миру страдания. Некоторые тантрические тексты не жалеют красок, описывая ужасы, связанные со смертью. Например, «Куларнава-тантра» утверждает: «Детей, молодежь, стариков, даже эмбрионов в утробе — никого не щадит смерть; так заведено в этом мире» («Kulārṇava Tantra», І. 45). Йогины-натхи тоже подчеркивали зловещий характер смерти и предостерегали от тех условий, в которых оказывается человек, прямиком движущийся к смерти. Известен миф об основателе натхи Матсьендранатхе (Минанатхе), который пал жертвой колдовских чар прелестниц из маги-

ческой страны Кадали и забыл о своей цели — обретении бессмертия. Исследователь натхи Ш. Дасгупта в данной связи отмечает, что «история о падении Минанатха среди женщин Кадали показывает, что мирское наслаждение в форме телесных радостей ведет человека к болезням и распаду и смерть в этом случае становится неизбежной катастрофой драмы жизни. Самозабвение Минанатха символизирует забвение человеком своей истинной бессмертной природы, а чары Кадали репрезентируют клещи жизни» [3, р. 222].

В случае же принципа единения мы полагаем, что речь идет о связи человека с той высшей трансцендентной сущностью, которая является вечной, несозданной и бессмертной. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Главный объект культа той или иной тантрической традиции выступает своего рода эталоном бессмертия. Бессмертие для смертного возможно потому, что последний может соединиться с бессмертным по своей сути Богом. В этом смысле бессмертие Бога представляет собой нечто вроде архетипических координат, задающих ориентиры для поиска бессмертия практикующим. Трансформируясь в высшее божество, соединяясь с ним, адепт переходит одновременно от смертного статуса к бессмертному, от зависимого положения — к освобожденному.

Тантрические произведения, перечисляя эпитеты высшего божества, непременно упоминают среди них также и бессмертие или преодоление смерти. Например, в «Камакхья-тантре» Шива говорит о себе как о нестареющем и бессмертном («Кāmākhyātantram», IV. 5). В «Нетра-тантре» Дэви называет Шиву «победителем смерти» и «владыкой бессмертия» (VI. 1—2). Лакшми в «Лакшми-тантре» прославляет «господа Васудеву» (Вишну) в аналогичных характеристиках — как «нестареющего и бессмертного» («Lakṣmītantra», XIV. 2), а затем и о самой Лакшми говорится в том же духе (XXIX. 37—38) — она описывается как «сущность бессмертия», «победительница смерти» (mrtyumjaya), «уничтожительница смерти».

Поэтому, будучи бессмертным само, божество способно даровать бессмертие и своим последователям — либо напрямую, по благодати, либо с помощью тех или иных средств практики. Так, «Рудраямала» отмечает, что почитаемая Махадеви способна принести бессмертие, блаженство и освобождение («Rudrayāmalam», VI. 26). В «Ананда-тантре» Камешвара (Шива) говорит своей супруге о том,

что она «всегда приносит спасение от смерти, небеса и освобождение» («Ānandatantram», XVI. 105).

Не удивительно в этой связи, что стремление к бессмертию коррелирует со стремлением обретения «состояния божества». Как отмечает Ш. Дасгупта, у натхов «бессмертие признается как квинтэссенция высшей природы Бога; достижение парамукти через дживанмукти есть по сути то же самое, что и достижение состояние Махешвары <...> Реальное значение достижения бессмертия — это достижение состояния великого Бога» [3, р. 221]. Аналогично этот вопрос решается и в школе шривидья. Согласно комментарию «Дипика» Амритананды (ок. XIII—XIV вв.), который комментирует шлоку 85 из «Йогини-хридаи»¹, именно высший Шива обладает природой юности и бессмертия, следовательно, «обретение высшей природы Шивы есть [обретение] освобождения» («Yoginīhrdaya», р. 86). Отождествляясь с основным объектом культа, практикующий приобретает его характеристики, в том числе и имеющие отношение к бессмертию. Кашмирский мыслитель Кшемараджа в комментарии к «Шива-сутрам» (І. 6) перечисляет, со ссылкой на «Бхаргашикху», что именно «поглощает» адепт, достигший идентичности с Шивой, и среди поглощенного встречаются, в частности, смерть и время («The Shiva Sūtra Vimarshinī», р. 21).

Тантрические божества зачастую амбивалентны по своему характеру, и это сказывается на отношении к смерти и бессмертию. Повелевая смертью и сами будучи бессмертными, они также способны уничтожать что и кого угодно по своему усмотрению, вносить хаос в мир, вводить существ в заблуждение. Великая Кали в «Каливиласе», например, описывается как «смерть и заблуждение» («Kālīvilāsa Tantra», XVII. 5). Однако, неся смерть и разрушение одним, такие божества одновременно даруют бессмертную жизнь, спасительную трансформацию другим, тем, кто готов выдержать их силу. Убийственные для непосвященных, бессмертные энергии становятся спасением для прошедших инициацию в практики. Как говорит кашмирский мыслитель Утпаладева в «Шива-стотравали» (XX. 12), «там, где скорби превращаются в счастье, а яд — в напиток бессмертия, где сансара становится освобождением, — там пролегает путь шиваизма» (Utpaladeva. Śivastotrāvalī with Commentary by Ksemarāja, p. 347).

¹ «Совершенная, великая чакра приносит юность и бессмертие».

Телесное и духовное бессмертие. Кроме того, применительно к тантрической среде важно различать телесное и духовное бессмертие. Телесное бессмертие — исключительно сложная задача, требующая от садхаки огромной затраты сил и неустанной практики, предполагающей трансформацию естественного физического тела. В отличие от телесного бессмертия, которое представляет собой задачу на будущее, духовное бессмертие является не задачей, а данностью, поскольку оно есть состояние души, априори считающейся бессмертным существом — правда, обычно не понимающим этого своего состояния. В этом смысле освобождение, среди прочего, означает также осознание душой своей бессмертной, вечной природы.

В то время как духовное бессмертие и как данность, и как цель, безоговорочно признается всеми тантрическими направлениями (при этом такое бессмертие полностью тождественно духовному же освобождению), по отношению к бессмертию телесному мнения расходятся. Соответственно, удельный вес ценности подобного бессмертия варьируется от одной тантрической линии к другой. Например, такие школы, как трика или шривидья, не слишком интересуются телесным бессмертием. Относительно шривидьи американский исследователь Д. Р. Брукс, в частности, пишет: «Адепт, который знает о своем освобождении, не беспокоится о том, что случится с телом по его смерти. В отличие от других тантристов, которые обсуждают телесное бессмертие как одно из первых благ садханы, адепты шривидьи мало озабочены такими вопросами» [4, р. 126]. Выдающийся представитель этой школы, мыслитель Бхаскарарая (1690—1785), говорит о бессмертии, объясняя в комментарии к «Трипура-махаупанишаде» (15) «сущностную природу всего»: «Брахма — создатель всего мира, Вишну — сохранитель, а Рудра — разрушитель. Чего же больше? Раб, рыбак, плут и т. д. — [любое] живое существо наделено этой, [как сказано в тексте], "формой всего". Произойдет ли смерть тела в силу накопленной [кармы] в одно время или в другое, в том месте или ином, это совершенно неважно, ведь то, что должно быть осуществлено, уже осуществилось — таков смысл [текста]» («Tripurāmahopanisat», р. 31). Контекст таких рассуждений понятен: гораздо важнее познать собственную природу, свое истинное «я», чем добиваться бесконечного продления жизни в физическом теле.

Неоднородность тантрических направлений заметна в их целевых установках. Д. Г. Уайт прочерчивает мысленную шкалу от «деятельных» до «познавательных» тантрических школ. Чем более «познавательной» (созерцательной) является школа, тем меньше она интересуется телесным бессмертием. Соответственно, «практикующие, которые "делают" свою тантру, подчеркнут соматические цели телесного бессмертия, удовольствие и магические силы, а те, кто "знает" свою практику, нацелятся на самообожествление скорее в когнитивном или психологическом ключе» [5, р. 12]. Поэтому не удивительно, что тема бессмертия тела часто муссируется в тех «деятельных» школах, которые огромное внимание уделяли тантрической хатха-йоге. В первую очередь мы имеем в виду различные течения сиддхов, или «совершенных» — йогинов, алхимиков, целителей и поэтов; широкомасштабное движение сиддхов захлестнуло Индию чуть менее чем полторы тысячи лет назад. Пренебрегая теоретическими спекуляциями, они активно штурмовали твердыню смертного удела человека. Идущее из глубин индийской архаики стремление к бессмертию было подхвачено этими подвижниками и развито до весьма сложной и высокой степени. Сиддхи «учили о реализации "бессмертия" посредством телесного совершенства и, как часто считалось, обладали эликсиром жизни» [6, р. 23]. Пластичность мировоззрения сиддхов, обращавших внимание скорее на практику, чем на теорию, их пренебрежение ритуальными предписаниями и социальными стандартами часто осуждались консервативно настроенными авторитетами, но в то же время вызывали сочувствие и интерес среди простого народа. Сиддхов уважали, почитали, но в то же время и опасались из-за их необычных оккультных «сил» (которые также назывались «сиддхи»). Эти «силы», в свою очередь, были следствием упорных психопрактических тренировок в рамках хатха-йоги, совокупности приемов, которые, как свято верили сиддхи, вели к обретению телесного бессмертия. Именно сиддхи, как считается, и разработали систему хатха-йоги, которая в значительной степени отличалась от прежних аскетических форм йоги, составлявших главный поток духовных практических движений в дотантрическую эпоху.

Тела, которые развивали сиддхи посредством хатха-йоги, имели особую природу. Они разительно отличались от обычных физических тел. Ученые отмечают: «Сиддхи ищут освобождения в трансформиро-

ванном, нематериальном, т. е. в совершенном, теле. <...> Это неразрушимое духовное тело, полностью свободное от элементов омрачения (aśuddha-māyā), но все же связанное с элементами вишуддха-майи, которые препятствуют ему становиться абсолютно статичным и действуют как полностью очищенный, динамичный принцип, ведущий к дальнейшей эволюции этого [тела] через все более тонкие ступени, приводя его к окончательному состоянию — парамукти» [3, р. 219]. В подобном теле сиддха помогает своим ученикам, занимаясь передачей духовного знания, при этом такая деятельность уже не омрачает его, поскольку ашуддха-майя никак на него не влияет [Ibid.].

Будучи состоянием совершенно невозможным, немыслимым в глазах физического мира, телесное бессмертие предполагает парадоксальную ситуацию смерти для этого мира. Умереть, чтобы родиться снова и больше никогда не умирать, — таков девиз сиддхов. Умирает грубое тело, но рождается тело божественное, тело совершенное. Такое тело «можно разрушить, можно убить, но нельзя заставить его умереть» [7, р. 281]. Поскольку умирание и смерть — естественные, природные процессы, то настойчивое избегание их означает, что духовный путь по преодолению смерти представляет собой «неестественную» в природном смысле слова траекторию, возвращающую индивида в непроявленное, недифференцированное, интегрированное состояние: «...бессмертие не может быть обретено иначе, нежели прекращением проявленности, а значит, и прекращением умирания и распада; необходимо "плыть против течения" и заново обнаружить первичное, неподвижное Единство, которое существовало до всякого расщепления» [8, с. 268].

Частью паниндийского движения сиддхов является и школа натха, где идеал бессмертия, а именно бессмертия телесного, также играет очень большую роль. Поэтому все то, что выше говорилось относительно сиддхов, справедливо и для натхов. В частности, натха градуирует бессмертие и выделяет в нем две ступени. Сначала обретается бессмертие «в совершенном теле (siddhadeha), а затем в божественном теле (divyadeha)» [3, р. 219], которое представляет собой нематериальное, «духовное» тело, уже не подверженное распаду. При этом натхи распределяют эти тела по степеням телесного бессмертия: совершенное тело относится к разряду относительного бессмертия, а божественное тело — к абсолютному [3, р. 255]. По крайней мере первое тело обретается уже при жизни практикующего.

Исследователь бенгальской мистической литературы И. А. Товстых, размышляя о развитии натхи в ходе истории, полагает, что стремление натхов к бессмертию с течением веков никуда не исчезло; это понятие стало восприниматься в иных терминах, при этом сохранив свою силу и притягательность для адептов: «Конечная цель натхов — это достижение бессмертия, которое со временем под влиянием догм индуизма стало пониматься как "освобождение при жизни", как средство преодоление сансары» [9, с. 8]. Иначе говоря, не идеал освобождения потеснил прежний идеал бессмертия: скорее «старое вино» бессмертия было влито в «новые мехи» освобождения, изменилась только форма, но не содержание.

В похожем ключе Мирча Элиаде рассуждает о том, почему йога, которая поначалу, как он считает, стремилась к свободе, «переориентировалась» со временем на бессмертие. По его словам, «йога в какой-то момент стала пониматься индийским сознанием не только как идеальный инструмент освобождения, но и как "тайна" покорения смерти <...> Какая-то часть индийцев <...> начала связывать йогу не только с путем, ведущим к святости и свободе, но и с магией — в частности, с магическими средствами победы над смертью. Другими словами, мифология дживанмукты уже не ограничивалась одним лишь стремлением к свободе, но стала включать еще и жажду бессмертия» [8, с. 325]. Эта «жажда бессмертия», в сущности, является ренессансом древнего стремления к бессмертию, которое доминировало в ведийско-брахманистской Индии до возвышения идеала освобождения. Тантра невольно реанимировала этот идеал, наделив его новыми значениями.

Большую роль играли представления о телесном бессмертии и в индийской алхимии — расаяне. Формируясь (в течение I тыс. н. э.) в контексте аюрведических предписаний, связанных с продлением обычной человеческой жизни, расаяна со временем стала все больше интересоваться його-тантрическими практиками, которые могли быть эффективными при достижении этой цели, но при этом и сама скорректировала свои теоретические постулаты в сотериологическом духе. По словам историка химии П. Ч. Рая, ок. 700 г. расаяна вступила в «тантрический» период своей истории, который продолжался примерно шестьсот лет, и именно в этот период «практика алхимии достигла своего высшего развития» [10, р. 115]. Логика тантрических алхимиков вполне ясна: поскольку высшей сотериологи-

ческой ценностью является не просто обретение освобождения, но освобождение при жизни, то оно не может не быть спасением в физическом теле. Соответственно, выдвигаются особые требования к такому телу, которое не должно подвергаться распаду, т. е. оно должно быть бессмертным. Предлагаемые алхимиками средства и процедуры способствуют, по их мнению, трансформации тела, достижению бессмертия. Особенно большое значение в этой связи имела обработанная ртуть (rasa), которую хлестко называют также «убитой ртутью» (mṛtasūtaka). В частности, средневековый историк индийской философии Мадхава в 9-й главе своего трактата «Сарвадаршанасанграха» цитирует некий алхимический текст, в котором сказано, что «именно царственная ртуть делает тело нестареющим и бессмертным» (Mādhava. Sarvadarśanasaṃgrahaḥ, р. 208). Символическая параллель между «убитой» ртутью и «умершим» для земного мира тантрическим йогином-сиддхом достаточно прозрачна.

Раса является квинтэссенцией, «семенем» Шивы, которое также называют «парадой» (pārada), потому что оно помогает переправиться на другой (para) «берег» (бытия). Вещество, которое получается в результате соединения «семени» Шивы и «семени» Гаури (Шакти), или слюды (abhraka), способно уничтожить смерть (Mādhava, p. 203, 204).

Устанавливая связь между освобождением и ртутью, алхимический трактат «Расарнава» возглашает: «О Сурешани, освобождение [возникает] из знания, а знание — из сохранения жизненного дыхания. О Богиня, тело устойчиво там, где властвует ртуть. Благодаря использованию ртути, о Богиня, быстро обретается нестареющее и бессмертное тело, а также концентрация ума» (І. 20—21). Ртуть поистине сакральна в глазах алхимиков. Та же «Расарнава» советует относиться к ней как божеству: надо-де созерцать ртуть, касаться ее, поглощать ее, и даже просто о ней памятовать, в общем, всячески поклоняться ей (І. 37)¹.

Справедливости ради следует отметить, что алхимическое сообщество не было единым в вопросах телесного бессмертия. Так, Д. Г. Уайт упоминает школу махешваров (махешвара-сиддхов), которые «искали не телесного бессмертия (дживанмукти) <...>, но в

 $^{^1}$ Интересно, что аналогом расы в натхе является сомараса – «бессмертная жидкость», стекающая из сахасрара-чакры вниз, в глубины организма [4, р. 254].

большей степени вдохновлялись иным типом освобождения — парамукти. <...> Целью махешваров было не «совершенное» физическое тело (сиддхадеха), но божественное тело (дивьядеха), имевшее скорее эфирную, бестелесную природу. <...> Их алхимия была просто средством продления жизни тел, в которых сердце и ум могли бы открыть внутреннее единство с универсальной сущностью» [7, р. 102]. В отличие от них авторы таких текстов, как «Расарнава», «Какачандешваримата», «Расаратнакара» и др. настойчиво подчеркивают именно телесное бессмертие [7, р. 145].

Знание победы над смертью считается эзотерическим, и его нельзя разглашать посторонним. «Кауладжняна-нирная» полагает, что такое знание «следует тщательно скрывать в этом жалком мире смертных людей» и «передавать [его только такому человеку], который предварительно был испытан в течение года» («Kaulajñānanirṇaya», V. 35). В «великой тайне» должны держаться также и некоторые мудры из «Хатха-йога-прадипики», поскольку они «побеждают старость и смерть» (Svātmārāma. *Наṭhayogapradīpikā*, III. 30).

Практики обретения бессмертия и образ жизни бессмертных. Тантрические тексты разрабатывают различные методы обретения бессмертия. Их очень много, и не имеет смысла приводить множество примеров. Некоторые были уже упомянуты выше. Поэтому мы ограничимся только несколькими описаниями, в которых непосредственно упоминается результативный эффект в виде бессмертия.

Так, Т. Н. Ганапати рассказывает о трех методах трансформации человеческого тела в бессмертное. Первый из них является алхимическим. «В манускрипте "Богар-7000" мы находим ссылку на рецепт приготовления величайшего из лекарств — муппу — при введении которого в тело последнее превращается в дивья-деху, бессмертное золотое тело. Второй — метод Кундалини-йоги, применяемый всеми Сиддхами. Третий метод предполагает так называемую улта-садхану (практику противостояния), в основе которой лежит утверждение о том, что половое влечение, должным образом культивируемое, способно вернуть человека к самому сердцу реальности. При сублимации и трансмутации сексуальной энергии йогин перестает идентифицировать себя с физическим телом» [11, с. 38].

По всей видимости, созерцательные практики кундалини-йоги особенно занимают и автора «Кауладжняны-нирнаи». В 5-й главе этого текста, который огромное внимание уделяет теме телесного бессмертия и молодости, предлагается серия различных созерцательных практик. Например, йогина инструктируют созерцать божественную лунную амброзию, которая растекается по различным энергетическим каналам: тот, кто делает это, «быстро станет победителем смерти» (V. 6—7). Далее приводится наставление в медитации на Луне, «находящейся» в пупке, голове и сердце практикующего. Трактат обещает, что если заниматься этой практикой в течение года, то она способна привести йогина к независимости (svātantrva), избавлению от старости и смерти (jarāmarana) (V. 16—17). Неслучайна символика Луны в этих фрагментах: в индийской традиции Луна с древнейших времен считается вместилищем божественной амриты. В 7-й главе тот же текст рекомендует созерцать 8-лепестковую чакру, тоже напоминающую Луну и располагающуюся на стыке черепа и позвоночного столба. Полугодовая (или годовая) практика такого рода приводит к ликвидации старения и смерти (VII. 16—17).

Тамильский сиддха Боганатар в своем стихотворении «Шивайога-джнянам» пишет, что при длительной концентрации на аджня-чакре «тело станет прочным и неуязвимым, подобно скале, и повергнут будет владыка Смерти» [11, с. 133].

Любопытно, что исследователь натхов Дж. Бриггс на основании их текстов устанавливает связь между чакрами и ценностями бессмертия и освобождения, причем последняя ценность возвышается иерархически над первой. Если вначале «джива, достигая аджни, созерцает свет в виде сверкающего пламени, становясь бессмертным» [12, р. 333], то, двигаясь еще выше по чакральной лестнице, душа на уровне сахасрары, испытывая «постоянные переживания блаженства, достигает окончательного освобождения (final release)» [Ibid.]. То есть освобождение наступает уже после обретения бессмертия.

В «Хатха-йога-прадипике» (III. 30) «старость и смерть» побеждают такие практики, как махамудра, махабандха и махаведха, которые при этом объявлены «великой тайной» (mahāguhyam). Аналогичный результат вызывает и кхечари-мудра, или введение языка (с перерезанной уздечкой) внутрь глотки (III. 38), куда, соглас-

но представлениям средневековых индийских йогинов, медленно «капает» сверху бессмертная жидкая субстанция. Сватмарама, автор текста, обещает: «Утвердив язык в верхнем положении, знаток йоги пьет сому, достигая победы над смертью за полмесяца — нет в том сомнения» (III. 44).

Во время некоторых тантрических обрядов с использованием вина практикующий пьет этот напиток, который символически понимается как божественный бессмертный нектар. Вкушая это питье, садхака сам символически становится бессмертным. Например, в тантрических практиках упоминается ритуал «привлечения с помощью вина» (madyākarṣaṇa). Практикующий символически подносит Дэви череп с вином, трансформировав последнее с помощью мантр в духовный напиток. «Подобно нектару богов, это духовное вино становится источником бессмертия для садхаки» [13, р. 238].

Большое значение в тантрических практиках имеет регулировка дыхания. Поэтому все та же метафорика бессмертия встречается и при описании пранаямы. «Сваччханда-тантра» отмечает, что «если [жизненная сила] идет вниз, происходит творение, а если вверх — разрушение; когда [она] идет вниз, происходит рождение, а если вверх — смерть. Отбросив рождение и смерть, следует двигаться вслед за жизненным принципом» (VII. 240—241)¹. Судя по всему, тантра сопоставляет вдох с эволюционным разворачиванием мироздания на пути творения (pravṛtti), тогда как выдох для нее коррелирует с инволюционным «сворачиванием» бытия (nivṛtti) на пути разрушения; выход за пределы выдоха и вдоха (задержка дыхания) аналогичен символическому выходу индивида из сансары.

Итак, как уверяют многие тантрические произведения, практикующий в ходе своей садханы обретает бессмертие². Освобожденный йогин, утверждает «Йога-биджа», «посредством силы йоги побеждает смерть» («Yoga Bīja», 56), для него сама смерть «умирает» (57)³. В своем отношении к смерти такой человек кардинально отличается от всех остальных людей. Он живет там, где все умирают, и напро-

 $^{^{1}}$ Смысл фразы, видимо, состоит в указании на особый тип задержки дыхания.

² «Он становится бессмертным», по «Рудраямала-тантра» (ХХІ. 7).

 $^{^3}$ «Его смертное [состояние] умирает». Ср. знаменитую фразу из Пасхального тропаря в православном богослужении: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ».

тив, мертв там, где живут «глупцы» (mūḍhās) (57—58)¹. Обретя бессмертное тело (согласно представлениям сиддхов), подвижник пребывает вечно в состоянии самадхи. В другом хатха-йогическом трактате, «Шива-самхите», говорится о том, что благодаря практике созерцания йогин на уровне аджня-чакры обретает власть над первоэлементами. После этого йогин «не умрет даже за сотню циклов жизни Брахмы» и, «уничтожив изначальные семена кармы, пьет напиток бессмертия («The Śiva Saṃhitā», III. 65, 66). «Наделенный анимой и другими [сверхспособностями], он обретает нестарение и бессмертие, любовь йогини, власть над всеми "собравшимися"², о Дэви! Еще при жизни он [окажется] освобожденным. И хотя он совершает поступки, они не приносят кармический плод», полагает «Виджняна-бхайрава-тантра» («Vijñāna Bhairava», 35—36)³.

В «Сиддха-сиддханта-паддхати» освещается облик и образ жизни этих идеальных людей: они носят раковину и мудры (серьги), спутанные волосы, пьют чистую амриту («Siddha-siddhāntapaddhati», V. 13) и т. д. Неуязвимый для богов и демонов, подобный йогин «играет» словно Бхайрава (V. 34). Текст специально отмечает, что «носители таких совершенных тел поистине владеют всеми сверхъестественными способностями» (V. 17). В 6-й главе того же трактата такой совершенный называется авадхутой — тем, кто «прекратил натиск омрачений и пут, словно срезал волосы с головы, освободился от всех состояний» (VI. 3). Он пребывает внутри своего духа, не ищет предпочтений в мире (VI. 15); проявленный и непроявленный одновременно, он поглощает проявленное (VI. 18) и превосходит все ашрамы (VI. 21). Живя посреди динамичного, меняющегося мира, он перестает воспринимать его как источник страданий, но рассматривает его теперь как исполненный блаженства и духовного света.

«Сваччханда-тантра» сообщает: «Так, в постоянном соединении с Атманом, он становится подобен Амритеше. Отбросив болез-

¹ «Там, где всех [забирает] смерть, живет "друг". Там же, где живут глупцы, он всегда мертв». Ср.: «Это означает смерть профанного "я", изменчивого, проявленного эго, и возрождение вечного, бессмертного состояния бытия» [14, р. 80].

² То есть над мистическим «собранием» сиддхов и йогини.

³ В оригинале более изящно и лаконично: «...и завершено то, что делает» (kurvannapi ca ceṣṭitam).

ни, смерть, старость, он играет анимой и другими сверхспособностями. Так, созерцая эту амриту, он становится победителем времени и смерти. Созерцая высшую истину, он освобождается от движения времени» (VII. 225—226).

В тантрических произведениях почти не приводится подробной картографии трансцендентных областей, в которых пребывают бессмертные люди, избавленные от оков материального мира. Когда речь заходит об «освободившемся при жизни», то тексты отмечают скорее характер его состояния посреди забот земного мира (как в «Сиддха-сиддханта-паддхати», например), а если говорится о тех, кто обрел «божественное тело», то здесь скорее указывается на их вездесущность, пребывание в любой желаемой сфере.

Тем не менее мы можем иногда встретить в тантрических сочинениях пассажи о конкретных областях высшей реальности, особенно в сочинениях школ с яркой, чувственной образностью и мистической символикой. В частности, в сочинениях вишнуитской сахаджии описывается запредельная божественная обитель, куда настойчиво пытаются попасть адепты. Эта обитель выглядит как чарующее райское место, в котором нет ни старости, ни смерти. Проводя аналогии с земным городком Вриндаваном, местом детских развлечений маленького Кришны, сахаджии верят в «вечный Вриндаван, где нет ни ночи, ни дня, но есть только бесконечное наслаждение; там вечно цветут цветы, растут деревья, в тени которых можно отдохнуть; в изобилии вьются медоносы; жужжат пчелы, опьяненные ароматом их белых и золотых цветов; здесь нет смерти, но есть только вечная юность. В другом тексте говорится, что вечный Вриндаван — далеко отсюда, однако все же он находится в пределах четырнадцати миров; его населяют молодые люди, знатоки расы, содержащейся в них самих, знатоки путей пракрити и великолепия пуруши. Это место, где нет ни приходов, ни уходов, ни становления, где все устойчиво и где нет ни обмана, ни фальши <...> Это место, где вечно юный Кришна вечно развлекается со своей Радхой» [15, р. 166]. В то же время все эти описания можно воспринимать как аллегорию состояний сознания идеального человека в учении данной школы.

Заключение. Подведем итог нашему исследованию. Разнообразные тантрические школы в ходе своей истории никогда не оставляли без внимания тематику бессмертия. Все они (как и практически все

остальные индийские традиции) как минимум были уверены в духовном бессмертии, из-за наличия в теле бессмертной души, сопряженной мистическим образом с высшим духом, абсолютной реальностью. Помимо этого, немало школ «деятельного» (Д. Уайт) характера стремились и к обретению бессмертия телесного, трансформируя посредством практик хатха-йоги обычное грубое тело в более тонкое, совершенное, не подверженное распаду. Истоки обоих представлений достаточно архаичны, уходя во времена, когда идеал духовного освобождения еще не сформировался в полной мере. Тем не менее, когда этот идеал появился, понятие бессмертия успешно приспособилось к нему. Как можно судить по нашему исследованию, и духовное, и телесное бессмертие тесно связаны с ценностью освобождения, которое наступает еще при жизни практикующего. Духовно свободный индивид обретает просветленное видение всех вещей как они есть, преодолевая «рождение и смерть» и даже «повелевая» ими через отождествление с высшим объектом своего культа (чаще всего это Шива). «Телесно-бессмертный» адепт, вдобавок к этому, получает также совершенное, неуязвимое, тело, которое он отныне свободно и вечно использует по своему усмотрению; полученное им бессмертие и есть по сути его освобождение.

Библиографический список

- 1. Пахомов С. В. Принцип единства в сотериологии индуистского тантризма // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. Вып. 1. С. 205—214.
- 2. Пахомов С. В. Принцип окончательного избавления в индуистской тантрической сотериологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 278—289.
- 3. Dasgupta Sh. Obscure Religious Cults. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1962. 463 c.
- 4. Brooks D. R. The Secret of the Three Cities. An Introduction to Hindu Śākta Tantrism. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1999 (1st ed. in 1990). 307 c.
- 5. White D. G. Introduction // Tantra in Practice / Ed. by D. G. White. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2001. P. 3—38.
- 6. Gupta S., Hoens D. J., Goudriaan T. Hindu Tantrism., Leiden, Köln: E. J. Brill, 1979. $208\ c.$
- 7. White D. G. The Alchemical Body. Siddha Traditions in Medieval India. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2004. 596 c.
- 8. Элиаде М. Йога. Бессмертие и свобода / пер. с англ. С. В. Пахомова. М.: Академический Проект, 2012 (1-е изд. в 1999). 428 с.

- 9. Товстых И. А. Предисловие // Шекх Пхойджулла. Победа Горокхо / пер. с бенг. И. А. Товстых. М.: Наука, 1988. С. 3—22.
- 10. Ray P. C. History of Chemistry in Ancient and Medieval India. Calcutta: Indian Chemical Society, 1956. 494 c.
- 11. Ганапати Т. Н. Йога сиддха Боганатара : пер. с англ. М.: Ezo-Terra, 2005. 398 с.
- 12. Briggs G. W. Gorakhnath and the Kanphata Yogis. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2001 (1st ed. in 1938). 380 c.
- 13. Gupta L. Tantric Incantation in the Devī Purāṇa: The Padamālā Mantra Vidyā // Roots of Tantra / Ed. by K. A. Harper, R. L. Brown. Albany: SUNY Press, 2002. P. 231—250.
- 14. Khanna M. Yantra. The Tantric Symbol of Cosmic Unity. London: Thames and Hudson, 1994 (1st ed. in 1979). 176 c.
- 15. Dimock E. C. The Place of the Hidden Moon. Erotic Mysticism in the Vaiṣṇava-sahajiyā Cult of Bengal. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992 ($1^{\rm st}$ ed. in 1966). 300 c.

References

- 1. Pakhomov S. V. Printzip edinstva v soteriologii induistskogo tantrizma [The unity principle of in Hindu Tantric soteriology]. *Vestnik RHGA*, 2019, vol. 20, Iss. 1, pp. 205—214 (In Russian).
- 2. Pakhomov S. V. Printzip okonchateľ nogo izbavleniya v induistskoj tantricheskoj soteriologii [The principle of the final salvation in Hindu Tantric soteriology]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 278—289 (In Russian).
- 3. Dasgupta Sh. *Obscure Religious Cults*. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1962. 436 p.
- 4. Brooks D. R. *The Secret of the Three Cities. An Introduction to Hindu Śākta Tantrism.* New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1999 (1st ed. in 1990). 307 p.
- 5. White D. G. Introduction. *Tantra in Practice*. D. G. White (ed.). Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2001. Pp. 3—38.
- 6. Gupta S., Hoens D. J., Goudriaan T. *Hindu Tantrism*. Leiden, Köln: E. J. Brill, 1979. 208 p.
- 7. White D. G. *The Alchemical Body. Siddha Traditions in Medieval India*. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2004. 596 p.
- 8. Eliade M. *Joga. Bessmertie i svoboda* [Yoga: immortality and freedom]. S. Pahomov (tr.). Moscow, Akademicheskij Proekt, 2012 (1st ed. in 1999). 428 p. (In Russian).
- 9. Tovstykh I. A. Predislovie [Introduction]. Shekh Phoijulla. *Pobeda Gorokho* [Gorokho's victory]. I. Tovstykh (tr.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 3—22 (In Russian).

- 10. Ray P. C. *History of Chemistry in Ancient and Medieval India*. Calcutta: Indian Chemical Society, 1956. 494 p.
- 11. Ganapati T. N. *Joga siddha Boganatara* [Yoga of Siddha Boganathar]. Tr. Moscow, Ezo-Terra, 2005. 398 p. (In Russian).
- 12. Briggs G. W. *Gorakhnath and the Kanphata Yogis*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers, 2001 (1st ed. in 1938). 380 p.
- 13. Gupta L. Tantric Incantation in the Devī Purāṇa: The Padamālā Mantra Vidyā. *Roots of Tantra.* K. A. Harper, R. L. Brown (eds.). Albany: SUNY Press, 2002. Pp. 231—250.
- 14. Khanna M. *Yantra. The Tantric Symbol of Cosmic Unity*. London: Thames and Hudson, 1994 (1st ed. in 1979). 176 p.
- 15. Dimock E. C. The Place of the Hidden Moon. Erotic Mysticism in the Vaiṣṇava-sahajiyā Cult of Bengal. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992 (1st ed. in 1966). 300 p.

Primary Sources in Sanskrit, Hindi and English

Ānandatantram // Muktabodha Indological Research Institute. URL: http://muktalib5.org/dl_catalog/dl_catalog_user_interface/dl_user_interface_create_velthuis_text.php?hk_file_url=..%2ftexts%2fetexts%2FAnandatantramHK. txt&miri_catalog_number=M00066_(date accessed: 20.03.2020).

Kālīvilāsa Tantra. P. C. Tarkatīrtha (ed.). London: Luzac & Co., 1917.

Kāmākhyātantram. With «Jñānavatī» Hindi Commentary. R. Chaturvedi (ed., comm.). Varanasi: Chaukhamba Surbharati Prakashan, 2004. 112 p.

Kaulajñānanirṇaya // Kaulajñānanirṇaya and Some Minor Texts of the School of Matsyendranātha. P. C. Bagchi (ed.). Calcutta: Metropolitan, 1934. Pp. 1—84.

Kulārṇava Tantra. A. Avalon, Tārānātha Vidyāratna (eds.). London: Luzac and Co., 1917. 320 p.

Lakṣmītantra. Paṇḍita Kṛṣṇamacarya (ed.). Adyar: Adyar Library and Research Center, 1959. 385 p.

Mādhava. *Sarvadarśanasaṃgrahaḥ*. M. M. Vāsudev Śāstri Abhyaṃkar (ed.). Mumbai: Nirṇayasāgaramudra, 1924. 703 p.

The Netratantram with commentary by Kṣemarāja. P. M. Kaul Shastri (ed.). Bombay: Tatva Vivechaka Press, 1926. 302 p.

Rasārṇava. P. C. Rāy, K. C. Kaviratna (eds.). Calcutta: The Asiatic Society, 1985 (repr. 1910). 551 p.

Rudrayāmalam. Uttara-tantra. J. Vidyāsagara (ed.). Calcutta: Vācaspatyantra, 1937. 481 p.

The Shiva Sūtra Vimarshinī, being "The Sūtras" of Vasu Gupta with Commentary called "Vimarshinī" by Kshemarāja. J. C. Chatterji (ed.). Srinagar: Archaeological and Research Department, 1911. 234 p.

Siddha-siddhānta-paddhati and Other Works of the Nātha Yogīs. K. Mallik (ed.). Poona: Oriental Book House, 1954. 158 p.

The Śiva Saṃhitā. R. B. S. Chandra Vasu (ed., tr.). Allahabad: The Pāṇini Office, $1914.87~\rm p.$

The Svacchanda Tantram with Commentary by Kshemarāja. M. Kaul Shāstrī (ed.). Vol. III. Bombay: Nirnaya-Sagar Press, 1926. 352 p.

Svātmārāma. Haṭhayogapradīpikā with commentary «Jyotsna» by Brahmānanda. Bombay, 1882.

Tripurāmahopaniṣat // Kaula and Other Upanishads. With comm. by Bhāskararāya. S. Shāstrī (ed.). Calcutta: Āgamānusandhāna Samiti, London: Luzac & Co., 1922. Pp. 9—33.

Utpaladeva. *Śivastotrāvalī with Commentary by Kṣemarāja*. Rājānaka Lakṣmana (ed.). Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series Office, 1964. 375 p.

Vijñāna Bhairava. With commentary partly by Kṣemarāja and partly by Śivopādhyāya. Mukunda Rāma Shāstrī (ed.). Bombay: Tatva-vivechaka Press, 1918. 233 p.

Yoga Bīja. M. M. Brahmamitra Awasthi (ed., tr.). Delhi: Swami Keshananda Yoga Institute, 1985. 112 p.

Yoginīhṛdaya. With commentaries Dīpikā of Amṛtānanda and Setubandha of Bhāskara Rāya. K. Chattopadhyaya (Gen. ed.). Varanasi: Varanaseya Sanskrit Vishwavidyalaya, 1924. 447 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 392

Т. А. Афанасьева¹

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-42

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

Свадебная обрядность в новгородской деревне середины XX века (по материалам УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ 2000—2001 гг.)2

В статье автор рассматривает бытование в новгородских деревнях традиций и обрядов, связанных со свадебной обрядностью и записанных в ходе этнологического изучения Новгородской области студентамикультурологами и сотрудниками Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Статья нацелена на то, чтобы ввести в научный оборот новые полевые материалы по традиционной культуре региона; оценить возможности дальнейшего использования архивного материала Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры НовГУ в том числе и в русле изучения свадебной обрядности; показать во времени бы-

[©] Афанасьева Т. А., 2020

¹ Статья была представлена на XIV Международной научной конференции «Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» (6—7 декабря 2019 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

² Выполнено по гранту «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX—XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорноэтнографических экспедиций» РФФИ №18-49-530002.

тование тех или иных традиций и обрядов, обнаружить причины их изменений; проследить региональную специфику свадебной обрядности. Для написания статьи использованы отчеты этно-культурологических экспедиций 2000 года (Любытинский район Новгородской области), 2001 года (Пестовский район). Полученные в ходе учебной практики материалы хотя и не позволяют полностью воссоздать традиции свадебной обрядности Новгородской области, но дают возможность выделить ее региональные особенности, помогают раскрыть полноту региональной наполненности обряда, поскольку наряду с общепринятыми моментами мы находим и отличительные черты. Сравнение с этнографическими и фольклорными материалами, собранными в более ранний период, позволяет проследить традицию во времени — устойчивость и ареал ее бытования.

Ключевые слова: народное христианство, традиционная культура, полевые исследования культуры, свадебные обряды, Новгородская область.

T. A. Afanasyeva

Yaroslav - the - Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod

Wedding Ceremonies in the Novgorod Village of the mid-20th century (Based on the Materials of the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology and History of Culture of Novsu 2000—2001)

The article deals with traditions and rituals concerning wedding ceremonies in Novgorod villages collected by students during ethnological study of the Novgorod region that was organized by the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology and Cultural History of the Novgorod state University named after Yaroslav the Wise (NovSU). The purpose pursued by the article is to include into scientific circulation new materials on the traditional culture of the region; to assess the possibility of further use of archival material of the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology and History of Culture of the Novgorod state University; to show existence of certain traditions and rituals and to discover the reasons for their changes; to track region-specific wedding rituals. To write this article, we used the reports of ethno-cultural expeditions in 2000 (the Lyubytinsky district of the Novgorod region), 2001 (the Pestovsky district). The materials obtained during the training practice, although they do not allow us to fully recreate the traditions of wedding rites in the Novgorod region, make it possible to highlight its regional features. Their comparison with ethnographic and folklore materials collected in an earlier period allows us to trace the tradition over time. The materials help to reveal the fullness of the regional wedding traditions, because along with generally accepted things, we also find distinctive features.

Keywords: folk Christianity, traditional culture, field studies of culture, wedding ceremonies, the Novgorod region

Введение. Семейная обрядность, включающая в себя традиции, связанные с родами, крестинами, свадебной и поминальной обрядностью, представляет собой наиболее значимую часть традиционной культуры народа. Семейная обрядность новгородской деревни изучена неравномерно. Работы современных исследователей традиционной культуры Новгородской области, посвященные тем или иным аспектам семейной обрядности, являются в основном представлением результатов полевых исследований определенного региона Новгородской области: фольклорных экспедиций (В. И. Жекулина, О. С. Бердяева)¹, проводимых в том числе учащимися и сотрудниками МАУДО «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора» (М. К. Бурьяк); полевых экспедиций ФГБУК «Новгородский государственный объединённый музей-заповедник» (НГОМЗ) (см. статьи: О. Бевз. Е. В. Китаева. Т. А. Климова. Е. Н. Мигунова). этнокультурологических экспедиций НовГУ (М. И. Васильев, Т. А. Воскресенская, И. А. Мельников) и др. Объем полевых материалов, которые благодаря публикации (например, на страницах журнала «Витославлицы: альманах»), становятся доступными как для специалистов, так и для людей неравнодушных к культуре региона, все время увеличивается. Появляются новые формы подачи материала. В период пандемии COVID-19 сотрудниками Музея народного деревянного зодчества «Витославлицы» (НГОМЗ) в рамках проекта «#МузейПро тивВируса#НовгородскийМузейОнлайн» подготовлен ряд видеорассказов о новгородской свадебной обрядности конца XIX — начала XX в.², которые размещены на странице учреждения «ВКонтакте». Однако большая их часть все еще остается неизвестной, скрываясь в архивах различных учреждений культуры и образования региона.

Свадьба является наиболее изученным элементом семейной обрядности региона. Собранные материалы уже позволили реконструировать обряды Старорусской [см. 1, 2], Валдайской [3], Поддорской

¹ Часть материала составляет основу архива Учебно-научной лаборатории фольклора НовГУ.

² #ВитославлицыLive: Досвадебная обрядность, #ВитославлицыLive: Свадьба крестьян Новгородской губернии (первый день), #ВитославлицыLive: Свадьба крестьян Новгородской губернии (второй день)

свадьбы. Отдельные элементы свадебной обрядности (сватовство [4], рукобитье [5]) рассмотрены в работах сотрудников НГОМЗ.

Данная статья нацелена на то, чтобы ввести в научный оборот новые архивные материалы по традиционной культуре региона; оценить возможности дальнейшего использования архивного материала Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры НовГУ в том числе и в русле изучения свадебной обрядности; показать во времени бытование тех или иных традиций и обрядов, обнаружить причины их изменений; проследить региональную специфику свадебной обрядности.

Методы исследования, теоретическая база. Студенты Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого благодаря стараниям известного исследователя русской традиционной культуры, доктора исторических наук Михаила Ивановича Васильева внесли вклад в изучение традиционной культуры Новгородской области. На протяжении полутора десятилетий (2000—2015 гг.) студенты-культурологи ежегодно в рамках четырехнедельной летней этнологической практики совершали этно-культурологические экспедиции в районы Новгородской области. Объектом изучения в том числе стала семейная обрядность. С 2015 г. этно-культурологические экспедиции проводятся сотрудниками Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры¹ и будущие культурологи принимают участие в изучении культуры региона только в качестве волонтеров.

В ходе полевых исследований студенты опрашивали носителей культуры: местных жителей; уроженцев Новгородской области, детство которых прошло в пределах изучаемых регионов, впоследствии сменивших место проживания; жителей региона, переехавших на Новгородчину и определенное время (достаточное для знакомства с культурой региона) проживших на указанной территории. Возрастной состав информантов колеблется от 1920-х до 1940-х годов рождения. Поэтому временными границами изучения становится военное и послевоенное время (40—60-е годы XX века). По воспоминаниям о жизни родителей иногда удается восстановить картины семей-

¹ С 2017 г. она является частью Центра этнологических и социокультурных исследований Инновационного комплекса «Антоново» НовГУ. Подробнее см. http://www.novsu.ru/dept/24465109 (дата обращения: 27.07.2020).

ного быта довоенного периода — второй, а иногда и первой (дореволюционной истории России) четверти XX века. При этом необходимо помнить, что опрос информантов проводился в 2000—2001 гг. и это обстоятельство не могло не повлиять на полученные материалы. Изменение общественного и экономического уклада жизни, возрождение храмов, «возвращение религии» в конце XX — начале XXI в. нашло отражение в материале, записанном от деревенских жителей.

В статье использованы наиболее ранние по времени получения материалы: отчеты этнокультурологических экспедиций 2000 г. (Любытинский район Новгородской области) и 2001 г. (Пестовский район).

Для исследования привлечены опубликованные материалы по свадебной обрядности Новгородской области, авторы которых предприняли попытки восстановить складывавшуюся на протяжении многих веков в целостную систему традиционных для региона обрядов, то есть традиций, обусловливавших жизнь общества на рубеже XIX—XX вв. Свадебная обрядность рубежа веков рассмотрена с привлечением материалов НГОМЗ [см. 4—8]. Реконструкцию свадебного обряда Новгородской области указанного периода (использованы данные Старорусского района) на основе фольклорных записей преподавателей и студентов НовГУ, фиксируемых с середины 60-х годов XX века, мы находим в сборнике «Фольклор Новгородской области: история и современность» [1].

Результаты исследования и их обсуждение. XX век внес значительные перемены в семейные традиции и обряды, изменив в некоторых случаях разительным образом уклад жизни деревенского жителя, который складывался на протяжении многих столетий. Новгородская деревня пусть не очень быстро, но тоже принимала новые формы, ценности и принципы, в том числе и семейной жизни, что подтверждают опрошенные информанты.

Прежде всего изменения коснулись самого института брака. Сакральность и нерушимость брачных уз оказались не востребованы новым временем и новым строем, что сделало возможным неоднократное вступление в брак. В дореволюционный период подобная ситуация касалась в основном вдовцов, обязательно находивших себе спутницу жизни, которая брала на себя обязанности по уходу за детьми от первого брака и ведение хозяйства. Другие случаи в сознании дере-

венского жителя были невозможны. Для всех остальных действовала формула, озвученная информантом: «Как сойдутся, так и живут» (1, с. 2). Упразднение церковного брака, закрытие деревенских храмов, создание новой (гражданской) системы регистрации и расторжения браков упростили обрядовую составляющую свадебной игры. Как описывает информант из д. Богослово Пестовского района, раньше в сельсовете «записывались»: «он в фуфайке был, а я в жилетке — вот и весь наряд...» (2, с. 1). В советский период стали возможны браки с разведенными. Нередки были случаи создания семей, в которых воспитывались дети от предыдущих браков как мужа, так и жены.

Свадьба, как описывает О. С. Бердяева, представляет собой «сложный комплекс различных ритуальных действий», одним из основных назначений которого является «прием в семью нового ее члена — работника и продолжателя рода» [1, с. 87]. По определению исследователя, «старинный свадебный обряд, зафиксированный на территории нынешней Новгородской области, относится к северной традиции» [1, с. 87] и включает следующие основные моменты обряда: сватовство, рукобитье, баня, девичник, приезд жениха с дружкой, утро венчального дня, отъезд к венцу, свадебный стол, «яишня» (яичница), или хлибины [1, с. 89]. По словам О. С. Бердяевой, свадебный обряд в фольклорном архиве НовГУ представлен неплохо. При этом автор отмечает, что записи, сделанные в 60-е годы, не всегда интереснее и качественнее, чем те, которые поступили в 80-е и 90-е гг.» [1, с. 87]. Вероятнее всего в этом плане всё зависит от самой традиции, а также способов ее передачи и сохранения в каждом конкретном регионе.

Долгое время обряды перехода были освящены церковными обрядами. Так смена семейного положения была связана с необходимостью венчания в церкви. Хотя уже в конце XIX в. начинает формироваться альтернативная форма вступления в брак, Е. Мигунова отмечает, что «на территории Новгородской губернии в конце XIX — начале XX в. в крестьянской общине существовало две формы заключения брака: традиционная свадьба и свадьба "убёгом"» [8, с. 54]. Называть эту форму могли по-разному: краденая, уходом, уводом, самохотка, самоходка. По мнению сотрудника НГОМЗ, «возникновение этого самобытного явления, возможно, уходящего корнями в языческое прошлое (похищение невесты), обусловлено рядом причин экономического и этического характера» [7, с. 54], среди которых сокращение расходов на свадьбу с обеих сторон и воз-

можность избежать осуждения для тех, кто не смог обеспечить свою дочь приданым. Новая форма учитывала симпатии самих молодых людей в отличие от традиционного обряда, где главную роль в создании новой семьи играли родители.

Реалии 40—60-х годов XX в. были таковы, что большинство информантов вышли замуж именно «уходом», или «самоходкой», то есть без разрешения родителей. Но если родители одних знали, что жених увезет их дочь и не противились выбору, то родители других бросались на поиски увезенной дочери (7, с. 5). В последнем случае всё могло заканчиваться положительно для сбежавших (то есть родители соглашались на брак, отдавали приданое и даже играли свадьбу), а могло обернуться проклятием со стороны последних.

Причиной для заключения браков нередко выступала необходимость. «Запрятали замуж» — так говорили те, кто вынужден был выходить замуж, поскольку семья родителей была очень бедной (3, с. 7) или в связи с невыносимостью проживания в одном доме с невестками после смерти матери (3, с. 8).

Традиционным временем для свадеб было время после окончания сельскохозяйственных работ, но чаще всего свадьбы играли зимой в мясоед. Как подходящий срок для заключения брака называли еще и масляную неделю (1, с. 5). Средний брачный возраст составлял 18-22 года для девушки, мужчины были, как правило, постарше. По данным отчетов, ранних браков не было (говорили: «Пускай поживет, пускай ума накопит,... наживется еще...» (6, с. 3)). В деревнях были и те, кого называли «старыми девами» (6, с. 2), женщины, так и не создавшие семью.

По давней традиции [1, с. 88] главная роль в выборе будущего мужа или жены отводилась родителям или старшим в роде. По рассказам информантов, девушка «в те времена выходила замуж по воле родителей» (6, с. 3). «Присматривали» пару на посиделках и во время деревенских праздников. Состав сватов в каждом случае различен, но чаще всего это были родственники или друзья жениха. Е. Мигунова отмечает, что сватать обычно приглашали человека, состоящего в браке (это могла быть и замужняя женщина, например мать, если она была вдовой), удачливого в таком деликатном действе и с «хорошо подвешенным языком» [4, с. 109]. По ее же данным, специальная одежда «красные кушаки у сватов» упоминается лишь в Пестовском районе [4, с. 109]. Сваты, приезжая, говорили: «Печка ваша — невеста

наша» (такой приговор, по данным Е. Мигуновой, встречается в Мошенском районе [4, с. 110]) или «Не надо ли вам такого-то жениха?». Если невеста отвечала положительно, то пришедших приглашали за стол для дальнейшего обсуждения, угощали. По данным Е. Мигуновой, в Пестовском районе гости приходили не с пустыми руками (на сватовство «зять привез четверть самогонки, а хозяева ставили самовар») [4, с. 110]. Из того же источника черпаем сведения о том, что сваха при положительном сватовстве могла попросить у хозяев задаток, например платок. Студентами-культурологами НовГУ в Пестовском районе был описан интересный обычай, согласно которому при получении отрицательного ответа незадачливый жених мог «головешку получить» (то есть обнаружить у себя в санях обожженные головешки, подброшенные подружками его избранницы (2, с. 3)). Е. Мигунова упоминает о традиции в таком случае привязывать к саням жениха соху, «чтоб больше такой жених сватать не ездил» [4, с. 112].

Даже если свадьба ограничивалась только записью в сельсовете, приданое всё же играло немаловажную роль. Перевоз приданого — сундука с салфетками, скатертями, половиками, полотенцами, подушками, одеялами, перинами, всего того, что необходимо было в каждом хозяйстве, и того, что девушка готовила для будущей семейной жизни с детства, а также (по возможности) скотины: лошади, коровы, овцы, предметов мебели — являлся значимым событием и имел свое словесно-действенное сопровождение. Невеста развешивала «все свое добро» в доме мужа, чтобы ее мастерство, трудолюбие и богатство могли оценить все желающие (был такой обычай — «любоваться полотенцами» (6, с. 3)). Раньше говорили: «На свадьбу идут с глазами, а на похороны с животом», то есть на похоронах — едят, на свадьбе — смотрят (8, с. 4). Заходя в дом жениха с приданым в Любытинском районе, родственники невесты говорили: «Снимай все свое хорошее, мы хуже повесим» (8, с. 1). Иногда «хитрили», брали расшитые полотенца у знакомых и соседей, а после свадьбы возвращали обратно, кроме того, что готовила невеста в качестве подарков для родни жениха (родителей, золовушек, деверьёв) (2, с. 5).

Перед свадьбой девушки устраивали невесте баню, где они и сама невеста «голосили» (плакали голосом), после чего устраивали вечерину — «девичник» (вечерина у жениха называлась, по словам информантов, «парневник»). Во время вечерины, под звуки свадебных песен (в Любытинском районе это была «На горе-то стоит

телочка» (7, с. 6)) и «причитающих старух» невеста прощалась с девичеством и вольной волюшкой. Свидетельством чего могли быть «красотинки» (д. Назарьено, Пестовского района) — ленты, которые подружки вплетали в косу невесты после бани: «Когда ее приведут из бани, эти то из косы выплетают и подружкам раздают на память» (2, с. 3). Г.Е.И. вспоминала о том, что во время «девочника» невеста готовила «кусочники», или «куснечки», — тряпочки разных цветов, из которых делали ленту и вплетали невесте в волосы (косу) (7, с. 6). Сама невеста обращалась к подружкам со словами: «Благословите вы, подружки милые, во чужую-то деревню, ко чужому-то чужанину. Что мне там не угадать, как и потому-то идти. Как меня еще примут-то там» (7, с. 6). Подобный обычай с подробным описанием обрядовой бани (байни), девичника (вечерины) и прощанья с «красной красотой» является частью реконструкции свадебного обряда в Старорусском районе [1, с. 109—119].

В день регистрации брака утром жених (1, с. 4) приезжал за невестой на повозке с впряжёнными лошадьми. Летом свадьбы играли на телегах, зимой — на санях. Упряжь украшали лентами, бантами, бубенцами и колокольцами, лошадям плели косы. Из обычаев, связанных с приездом жениха и выкупом невесты, информанты припомнили традицию скрывать ее от жениха. Невесту вместе с подружками накрывали чем-нибудь, а жених должен был угадать свою суженую (2, с. 5).

Перед свадьбой невесту «окручали» (одевали) подружки, делали прическу. В бытность опрошенных информантов готовых платьев не было, по возможности шили платья белого, голубого или розового цветов или надевали юбку с кофтой («однопарку»). Голову могли украшать восковыми цветами. Белое платье, фата — это атрибуты свадьбы их матерей (свадебное платье берегли: «В чём венчалась, в том и кончалась» (1, с. 3)). Сохранились лишь воспоминания о головном уборе, игравшем атрибутирующую роль в женском традиционном костюме, а потому обряд перехода девушки во взрослую семейную жизнь сопровождался несколькими значимыми ритуальными действиями, связанными с головным убором и прической. Говоря о свадебном обряде Новгородской области, О. С. Бердяева упоминает о женском головном уборе — кика новгородская [1, с. 88], при реконструкции старорусской свадьбы упоминается также шлык и повойник [1, с. 117]. Опрошенные информан-

ты из Любытинского района вспоминали о таком головном уборе замужней женщины, как «повойник», и о том, что во время свадьбы невесте две косы заплетали вместо одной «девичьей» или «валик во всю голову делали» (6, с. 5), пряча под него ее волосы. В Пестовском районе упоминали о головном уборе невесты — «красота» («На голове у невесты была красота такая, сделанная из бус разных. Она горьма горит») и о женском головном уборе — «сборник». По описаниям, «красота — это полотенце с нашитыми всякими тряпочками. Она разными цветочками была украшена... Красоту как платок назад завязывали, а мышки вперед протягивали», «Красота — это цветочки бусами расшиты, такая лента на сборнике» (2, с. 4). По старорусским записям, «красная красота, символ девичества представляет собой веночек с лентами, надетый на голову невесты» [1, с. 114]. З.В.М. из д. Заручевья пояснила, что «красота» была частью сложного головного убора невесты: «Сначала сборник, потом красота, а сверху бархатину надевают». Девушки наряжали невесту в «красоту» еще до свадьбы, а снимали, оставляя только головной убор замужней женщины «сборник» уже после свадебного застолья. Замужняя женщина «потом весь век так в сборнике и ходит» (2, с. 4).

Частично удалось получить информацию и о других элементах свадебной обрядности. Так, перед венцом невеста шла к родителям за благословением, приговаривая следующие слова: «Родители, благословите меня. Отправляюсь-то я к чужому-то чужанину, во чужуюто во деревню, где мне по полу-то не пройти» (7, с. 5). Обращаясь к родственникам, она пропевала: «Благослови, родима матушка, что во путь-то во дороженьку, к чужому-то отцу с матерью» (7, с. 6).

По словам одного из информантов, перед венчанием родители «образовывали» жениха и невесту, то есть обходили вокруг них с иконой. Под ноги невесте и жениху кидали шубу, а вокруг носили хлеб, на котором стояла икона (7, с. 6). В д. Вятка Пестовского р-на согласно экспедиционным записям НГОМЗ жениха и невесту благословляли такими словами: «Благословляю: сложите хлеб с хлебом, соль с солью, любовь с любовью и живите!» [3, с. 132]. Традиция благословения молодых, стоящих на шубе, иконой (в некоторых регионах и хлебом), перед венцом, описана в книге «Фольклор Новгородской области» [1, с. 120].

Молодым, направлявшимся от венца на праздничное застолье, перегораживали дорогу, и жених откупался деньгами (1, с. 5). Общей

традицией является встреча молодых от венца хлебом-солью, посыпание их житом, по словам информантов, «чтоб в достатке жили». В д. Неболчи и д. Бор Любытинского района жених и невеста в дом первые входили, перед ними расстилали дорожку (половик) (6, с. 5). По другим сведениям, молодые, входя в дом, проходили через двор, где стоит скотина, а гости посыпали их просом и мелочью. При этом загадывали, сколько зернышек проса поймаешь, столько и детей будет. По словам другого информанта, это делалось для того, чтобы невеста все убрала как можно быстрее, так молодой проверял проворность своей жены (7, с. 7). Старорусская свадьба в этом сегменте дополнялась обрядом «раскрывания» молодой в доме мужа [1, с. 125], память опрошенных информантов подобного обряда не сохранила.

Г.Е.И. утверждает, что все дни свадьбы молодые ели и пили из одного комплекта посуды (одна тарелка, одна ложка, вилка и даже стопка), чтобы понять, близки они друг другу или все же нет (7, с. 7). После застолья молодожены отправлялись спать. Для них была приготовлена отдельная кровать (7, с. 7).

На второй день молодых будили подружки и звали к завтраку. В Любытинском районе при этом в трубу могли кидать миску с кашей и смотрели: сколько черепков — столько и детей (7, с. 7). Молодая жена спрашивала у родителей мужа, как их называть (как правило, их называли мамой и папой) (6, с. 5), демонстрировала свои умения и характер. «Горшки били» повсеместно [1, с. 129], то есть клали деньги и солому в горшок, который после разбивали, а невеста должна была веником собрать мусор и деньги (1, с. 5). В Любытинском районе испытание ждало молодую, когда та ходила за водой к колодцу. Деревенские мальчишки подбегали и опрокидывали ей ведра. Молодая должна была смиренно и с усердием снова и снова повторять эту работу (6, с. 5).

Завершением свадебного обряда служило посещение тещи на второй или третий день свадьбы. Теща готовила зятю «яишню». Если жених начинал ее есть с середины, то все понимали, что жена ему досталась нечестная, если с края — честная («в чести» замуж вышла) (6, с. 5). В отличие от старорусского обряда хлибины, в Любытинском районе говорили, что кто-то мог положить в яишню деньги. Если их находили, это сулило богатство (если их найдешь — богатым будешь) (7, с. 7).

До XXI века сохранилась память о приметах, предвещавших молодым их будущую жизнь в браке. Одна из них, связанная с венча-

нием, гласит, что «тот, кто в церкви первый встанет на подножье, — «тот и будет верховодить» в семье» [1, с. 120], подтверждается одним из информантов (6, с. 5). В Любытинском районе зафиксирована примета: когда жених начинал раздевать невесту после праздничного застолья, то нередко у нее из валенка выпадала мелочь. Это значило, что невеста будет богата (7, с. 7). Е. Мигунова упоминает о традиции, когда молодая разувала супруга, то могла найти в сапоге деньги, что также означало богатство. Если же в сапоге она находила плеть, это означало, что муж «будет суровый» [6, с. 136].

Все обрядовые моменты свадебной игры сопровождались определенными песнями или приговорами. Описывая старинный свадебный обряд, О. С. Бердяева отмечает, что «поэтические жанры в составе обряда были традиционными». Главные из них — лирические обрядовые песни, которые исполнялись девушками, подружками невесты, и причитания — «вой на голос», исполняемые в основном невестой, ее матерью, сестрой» [1, с. 89]. К сожалению, свадебные плачи не сохранила память информантов. Однако о некоторых лирических песнях информанты вспомнили. Так утром перед венчанием невеста могла слышать песни, которые описывали ей будущую жизнь:

....Приплывала лебедь белая, Да что со стада лебединого, Приплывала лебедь белая, Да что ко стаду-то серым гусям. Те гуси стали ее щипати, А лебедушка-то стала кликати: «Не щиплите, гуси серые! Не сама я к вам залетела, Занесло меня погодаю, Да, что погодою-невзгодою...» (7, с. 6—7).

Песня «Из-за лесу, лесу тёмного», фрагмент которой представлен выше, была также частью репертуара довенечной части старорусского свадебного обряда [1, с. 116]. Свадебное застолье сопровождалось свадебными песнями (к примеру, «Как при вечере, вечере, при последней поры времечко...» (1, с. 5)).

Во время застолья кричали: «Горько» — заставляли целоваться, хвалили молодых и их родителей. Реконструированный обряд старорусской свадьбы содержит несколько образцов величальных песен. В Любытинском районе жениха величали следующей:

Кто у нас хороший,

Кто у нас пригожий,

Люленьки-люли, люленьки-люли

Коленька хороший,

Коленька пригожий,

Люленьки-люли, люленьки-люли

На коня садится Колька

Да веселится...(6, с. 6).

Для гостей использовали другую припевку, за которую величаемые по имени платили деньгами:

У нас Оленька хороша,

Она девочка пригожа,

Одари нас не рублем, не полтиною,

А золотою шести гривною (7, с. 7).

Для величания молодых могли использовать присказки: на слова кого-то из гостей «В стакане гуж...», невеста должна была ответить: «Иван Петрович — мой муж», или в ответ на фразу: «Я выпил бы стакан, да в нем пшена...», жених кричал: «Ольга Алексеевна — моя жена» (7, с. 7). Подобные присказки встречаются в записи о свадьбе жительницы г. Пестово, имевшей место быть в конце 40-х гг. XX века [1, с. 131]. Подобным образом величать молодых могли уже на второй день свадебного застолья.

Полноценный свадебный обряд, как отмечает О. С. Бердяева, перестал существовать в новгородских деревнях в 30-е гг. ХХ в. [1, с. 130]. Рассмотрев полученный в 2000—2001 гг. материал, мы вынуждены согласиться с исследователем, которая резюмировала: «Старинный свадебный обряд претерпел серьёзные изменения, особенно в советский период, когда резко менялось сознание человека, а прежние обычаи воспринимались молодежью как пережитки прошлого. Полнокровный сложный свадебный обряд уходил в прошлое, сохранялись лишь его отдельные элементы, которые часто переосмысливались» [1, с. 89]. Полученные в рамках этнокультурологических экспедиций НовГУ данные не позволяют даже приблизиться к реконструкции свадебного обряда, однако дают возможность выявить некоторые особенности состава свадебной обрядности исследованных регионов.

Заключение. Полученные в ходе учебной практики материалы дополняют ранее опубликованные, помогают выявить возмож-

ную полноту региональной наполненности обряда. Их сравнение с этнографическими и фольклорными материалами, собранными в более ранний период, позволяет проследить традицию во времени — устойчивость и ареал ее бытования. В дальнейшем привлечение полевых материалов из других регионов поможет нам понять и обозначить сущность тех элементов обряда, которые до настоящего времени не нашли должного объяснения.

Как мы видим, свадебная обрядность в XX в. претерпела значительные изменения. Вместе с семейным укладом менялись ценностные ориентиры целых поколений. Нарушение традиционных принципов наследования культуры (от поколения к поколению) изменило существовавшую систему обрядности. Новое же время не смогло принести достойной и полноценной замены былым традициям. Может быть, именно поэтому за последние годы мы неоднократно возвращаемся к культурной памяти народа, к его культурному наследию, вынужденные по крупицам воссоздавать в том числе и обрядовую красоту и многогранность региональной культуры.

Список архивных источников

- 1. Отчёт Каретниковой И. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
- 2. Отчет Пастуховой Е. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
- 3. Отчет Вакарук О. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
- 4. Отчет Григорьевой Е. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г
- 5. Отчет Гурковой А. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
- 6. Отчет Щетинкиной В. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
- 7. Отчет Фарафоновой К. // Архив УНЛ ЭиИК Нов
ГУ. ЭКЭ 2000 г.
- 8. Отчет Гуркиной Л. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
- 9. Отчет Ерофеева Д. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
- 10. Отчет Васильевой И. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.

Библиографический список

- 1. Бердяева О. С. Фольклор Новгородской области: история и современность / сост. О. С. Бердяева. М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. 352 с. (Золотая коллекция). См. также Бердяева О. С. Проект «Фольклор Новгородской области». URL: http://www.novgorod.ru/city/history/folklor
- 2. Жекулина В. И. Старорусская свадьба (методические рекомендации в помощь клубным работникам). Новгород, 1988. С. 7—8.
- 3. Жекулина В. Валдайская свадьба / Новгор. обл. центр народ. творчества. Новгород: [б. и.], 1994. 83 с.

- 4. Мигунова Е. Сватовство // Витославлицы: альманах / Новгор. гос. объед. музей-заповедник, Музей нар. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2014. Вып. 3. С. 107—113.
- 5. Мигунова Е. Н. «Рукобитьё» («Большой запой») в структуре свадебной обрядности // Ежегодник новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2003. Великий Новгород, 2004. С. 157—160.
- 6. Мигунова Е. «Как свадьбу сыграешь, так и жить будешь» // Витославлицы: альманах / Новгор. гос. объед. музей-заповедник, Музей нар. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2014. Вып. 3. С. 130—138.
- 7. Мигунова Е. Девичий «навоз» // Витославлицы: альманах. Великий Новгород, 2011. Вып. 2. С. 49—52.
- 8. Мигунова Е. Свадьба «уходом», «самохотка в охапку» // Витославлицы: альманах / Новгор. гос. объед. музей-заповедник, Музей народ. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2009. Вып. 1. С. 54—55.

References

- 1. Berdyaeva O. S. Fol'klor Novgorodskoj oblasti: istoriya i sovremennost' / Sostavitel' O. S. Berdyaeva. Moscow, Izdatel'skij dom «Strategiya», 2005. 352 p. (Zolotaya kollekciya). (In Russian)
- 2. Zhekulina V. I. Starorusskaya svad'ba (metodicheskie rekomendacii v pomoshch' klubnym rabotnikam). Novgorod, 1988, pp. 7—8 (In Russian).
- 3. Zhekulina V. Valdajskaya svad'ba / Novgor. obl. centr narod. tvorchestva. Novgorod : [b. i.], 1994, 83 p. (In Russian)
- 4. Migunova E. Svatovstvo. Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej nar. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2014, vyp. 3, pp. 107—113 (In Russian).
- 5. Migunova E. N. «Rukobit'yo» («Bol'shoj zapoj») v strukture svadebnoj obryadnosti. Ezhegodnik novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika 2003. Velikij Novgorod, 2004, pp. 157—160.
- 6. Migunova E. «Kak svad'bu sygraesh', tak i zhit' budesh'». Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej nar. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2014, vyp. 3, pp. 130—138 (In Russian).
- 7. Migunova E. Devichij «navoz. Vitoslavlicy: al'manah. Velikij Novgorod, 2011, vyp. 2, pp. 49—52 (In Russian).
- 8. Migunova E. Svad'ba «uhodom», «samohotka v ohapku». Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej narod. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2009, vyp. 1, pp. 54—55 (In Russian).

УДК 74.01

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-57

Е. В. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Национальная романтика и интернациональный стиль: к проблеме идентичности в системе финского дизайна

В статье рассматривается специфика программы финского дизайна и особенности ее формирования в контексте двух основных направлений — национально-романтических художественных движений и интернационального стиля, связанного с традицией архитектурного модернизма. Исследование исходит из предположения, что финский дизайн формирует специфическую художественную программу. Особенность этой платформы — в соотношении национальных и интернациональных характеристик, в стремлении использовать элементы национальной художественной традиции и формат международного стиля. Автор исходит из предположения, что особенность финского дизайна заключается в использовании интернационального дизайна и концепции международного стиля в процессе формировании национальной идентичности. Именно это соотношение, применительно к художественной системе финского дизайна, подразумевало формирование национальной программы. Особенность этой системы — использование принципов и форм интернационального стиля в процессе формирования внутренней художественной практики. Концепция финского дизайна связала национально-романтические концепции с принципами архитектурного модернизма и международного стиля. Финская художественная программа XX столетия была реализована посредством универсальных форм интернационального стиля. Тем не менее особенность системы финского дизайна заключается не только в поддержке этой преемственности, но и в попытках выразить внутреннюю идентичность через формы интернациональной художественной программы. Платформа европейского модернизма, включенная в систему интернационального стиля, стала для финского дизайна одним из способов репрезентации нации.

Ключевые слова: скандинавский дизайн, финский дизайн, национальный романтизм, Движение искусств и ремесел, интернациональный стиль, Алвар Аалто, модернизм

E. V. Vasil'eva

Saint Petersburg State University, St. Petersburg

[©] Васильева Е. В., 2020

National Romanticism and International Style: to the Problem of Identity in the Design in Finland

The article examines the specifics of the Finnish design program. The features of its formation are examined in the context of two main areas — national romanticism and international style, that is associated with the tradition of architectural modernism. The study proceeds from the assumption that design in Finland forms a specific art program. The peculiarity of this platform is the balance of national and international forms, the desire to use elements of the national tradition and the system of international style. The work proceeds from the assumption that the peculiarity of Finnish design is the use of international forms and the concept of international style. These international elements take place in the process of creation of national identity. This relation of national and international, the reference to the artistic system of Finnish design, implies the formation of national program. The specific of this system is the use of the principles and forms of the international style in the artistic practice. The concept of Finnish design links national romantic concepts with the principles of architectural modernism and international style. The Finnish art program of the 20th century was realized through universal forms of international system. The study proceeds from the assumption that the international program can be recognized as a product of national romanticism. The article shows that many concepts of European modernism were formed on the basis of national romantic programs. Nevertheless, the design system in Finland not only supported this balance, but also expressed internal identity through the forms of the international art program. The platform of European modernism, included in the system of international style, has become for Finland one of the ways of representation of nation.

Keywords: Scandinavian design, design of Finland, national romanticism, Arts and Crafts Movement, international style, Alvar Aalto, modernism.

Введение. Финский дизайн: национальное и интернациональное. К постановке проблемы. Обращение к проблеме финского дизайна — это попытка исследования круга вопросов, которые до настоящего момента рассматривались академическим сообществом фрагментарно. Проблематика формирования финского дизайна, его история и идеологическая основа являются важной частью исследований в области дизайна [1]. Основной интерес традиционно представляет история развития финской дизайн—традиции в целом [2], специфика отдельных исторических периодов [3] и деятельность наиболее важных представителей финского дизайна [4]. Как правило, обращение к финскому дизайну проходит или

в рамках скандинавской специфики, или в контексте исследования дизайна в целом. И несмотря на то, что аспекты финской идентичности вызывают очевидный интерес [5], проблема соотношения национальной романтики и интернационального модернизма остается на периферии академического знания.

Цель данного исследования — изучение финского дизайна 1930—1960-х годов и определение его специфики в контексте двух основных направлений — национально-романтических художественных течений и традиции модернизма. Финский дизайн формирует специфическую художественную платформу, специфика которой — использование форм интернационального стиля как инструмента представления внутренней идентичности.

Изучение национальной специфики финского дизайна представляется важным направлением. Финская традиция формирует в высшей степени интересную модель — возможность представления внутренней идентичности на базе универсальной художественной программы. Изучение национальной динамики финского дизайна, в свою очередь, опирается на последовательную историографическую традицию [2].

Методы исследования, теоретическая база. Проблема перверсии национального романтизма в системе интернационального стиля рассматривалась еще в классических исследованиях по теории архитектуры, в частности в работах Кеннета Фремптона [6]. Идеологическая, а отчасти и технологическая близость этих направлений вступала в противоречие с их конструктивными особенностями и декоративными принципами. Вопрос идеологической близости и визуальной дистанции национального романтизма и интернационального стиля, проблема их сходства и различий, преемственности и конфликта — до сих пор открытый и не до конца изученный.

Другая важная аналитическая платформа — исследования, посвященные динамике финского дизайна. К их числу можно отнести крупные выставочные и исследовательские проекты, посвященные проблемам формирования и развития финского дизайна. Эти проекты были реализованы венецианским фондом Джорджио Чини [7], музеем Атенеум и Музеем дизайна в Хельсинки [8]. В качестве примера можно привести монографические проекты, посвященные Алвару Аалто [9] и Тапио Вирккала [4].

Следует обратить внимание, что изучение финского дизайна как инструмента национальной идентичности — один из тех вопросов, который возникает в контексте современных исследований [3; 5]. Тем не менее эта тема не часто становится объектом самостоятельных исследований [5]. Несмотря на очевидный интерес, она занимает периферийное положение в аналитическом пространстве. Это касается как исследований национального романтизма, так и финского дизайна в системе интернационального стиля.

Исследование построено на сравнительном анализе таких явлений, как национальный романтизм и интернациональный стиль [10, с. 72], что можно считать методологическим регламентом исследования. Такие общности, как национальный романтизм и интернациональный стиль, рассмотрены в контексте финского дизайна.

Результаты исследования и их обсуждение

Национальная романтика — интернациональный стиль и проблема разграничения. Данное исследование посвящено проблеме взаимодействия двух явлений в финском дизайне — национальной романтики и интернационального стиля. Каждое из этих направлений стало формообразующим для художественной системы финского дизайна и маркирует автономный вектор развития финской идентичности. Соединение платформы национальной романтики и интернационального стиля стало системой, на основании которой была построена идеология финского дизайна. Использование и развитие этой программы позволило обозначить финский дизайн одной из наиболее влиятельных художественных общностей XX века [5; 7].

Национальный романтизм и интернациональный стиль не сложно представить взаимоисключающими явлениями. Национальная романтика ориентирована на формирование художественного пространства, связанного с определением народной или традиционной программ. Интернациональный стиль, напротив, регламентирован формированием универсального международного стандарта — использованием всеобъемлющей, а не локальной художественной системы [6, с. 248].

В то же время такое разграничение спорно. Интернациональный стиль и национальная романтика имеют больше точек соприкосновения, нежели различий. Представление интернационально-

го стиля и национальной романтики как непримиримых антагонистов вызывает сомнения. При видимом несовпадении художественных и декоративных программ национальная романтика и интернациональный стиль остаются частями единой художественной платформы.

Финский дизайн в данном случае — интересный прецедент. Он может выступать как образец единства интернациональной системы. Финский дизайн — один из примеров того, что идея национального может быть реализована в формах модернизма [5]. Система финского дизайна обнаруживает, что традиционное разграничение интернационального и национального не всегда соответствует действительному положению дел.

Национальный романтизм: специфика программы. Явление национальной романтики сформировалось в европейских странах, и прежде всего в странах Северной Европы, на волне романтических движений XIX столетия [6]. Этот художественной феномен, связанный с такими странами, как Германия и Англия, определил развитие национальной романтической доктрины и в Скандинавских странах [11]. Новая художественная идеология была связана с установлением новых визуальных ориентиров и смысловых принципов. Помимо идей романтического сопротивления, которые стали маркером европейской культуры на протяжении всего периода Нового времени [12], романтизм, а позже и национальный романтизм, использовали и другие ориентиры для формирования художественной программы.

Европейский романтизм — и художественный, и литературный [13] — был формой противостояния классицизму. Развитие романтической практики подразумевало нарушение классической традиции. Пафос несоответствия, заложенный в романтической доктрине, во многом был реализован за счет преодоления классической традиции. Риторика Йенской школы [13], живописная программа работ Каспара Давида Фридриха, художественные приоритеты прерафаэлитов были в той или иной форме направлены на сопротивление системе классицизма [14].

Традиция романтизма (это будет свойственно и для национальной романтики) была ориентирована на художественную практику Средних веков. Романтическая эпоха была первым масштабным европейским опытом обращения к средневековой традиции [15].

Средневековье, которое было использовано в практике национального романтизма, в сущности, стало продолжением романтической доктрины.

И романтизм начала XIX века, и национальная романтика второй половины XIX столетия были обращением к национальной платформе, которая до того редко становилась предметом непосредственной художественной практики. Романтизм оказался первым интернациональным стилем, привязанным к системе национальных культур. Национальные формы маркировали принадлежность интернациональной практике. Романтизм был масштабной международной программой: идея всеобщего универсального стиля сформировалась в рамках романтической доктрины. Интернациональный пафос романтической культуры был реализован на фоне интереса к локальным национальным школам.

Говоря о романтической и национально-романтической традиции, мы обращаем внимание на смену художественных приоритетов, на изменение художественного стандарта. Фактически переход к романтизму подразумевал принятие новой идеологии формы. Новая художественная программа подразумевала развитие новой системы формообразования.

Национальная романтика и модернизм: идеология формы. С развитием новой концепции формы было связано появление новой академической риторики. Она сложилась в работах Джона Рескина, а затем была продолжена в немецком искусствознании второй половины XIX — начала XX века. Концепция формы как принципиального базиса художественной программы была поддержана в работах Готфри Земпера [16] и Вильгельма Воррингера [17], Генриха Вёльфлина [18], Эрнста Гомбриха [19] и Эрвина Панофского [20]. Эта идея сменила собой персонифицированную биографическую историю искусства, начатую Вазари.

Новая доктрина обозначила основным критерием развития искусства преобразование художественного стиля. В рамках формального метода художественную форму часто представляли инструментом выражения национального характера. Вёльфлин, Воррингер, Гомбрих и Панофский сделали историю формообразования основой истории искусства. Изменение формы стало принципиальным критерием в идентификации художественной программы.

Романтизм, как и национально-романтическая традиция, был ориентирован на художественную реконструкцию прошлого. Этот принцип справедлив и для британского «Движения искусств и ремесел», и для финского национального романтизма. Архитектурный модернизм, напротив, формировал иную программу, выбирая в качестве ориентира не прошлое, а будущее [12]. Он отдавал предпочтение нейтральным архитектурным формам, стремился к универсальной декоративной программе [10] и рассматривал орнамент как недостаток [21].

В то же время дистанция между национальным романтизмом и архитектурным модернизмом была, скорее, мнимой, нежели фактической. Как и модернизм, национальный романтизм подразумевал разрыв с классической традицией, видоизменял декоративный принцип и подразумевал развитие новой художественной программы.

«Движение искусств и ремесел» и национальный романтизм: специфика программы. Национально-романтическое движение редуцировало привилегию классических искусств — живописи, скульптуры, архитектуры, сделав акцент в пользу прикладных форм. Сферы, получившие новый художественный статус, отличались от академического набора. Классической программой в этом смысле стало британское «Движение искусств и ремесел», повлиявшее на художественные стратегии многих стран [22]. Интерес к декоративно-прикладной платформе оказался формообразующим для всего европейского искусства второй половины XIX начала XX века. С некоторыми оговорками, к пространству Arts and Crafts Movement можно отнести и Венские мастерские, и русский «Мир искусства», и традицию финского ткачества Рюйю, связанную с привлечением таких художников, как Аксели Галлен—Каллела. Концепция европейского функционализма, связанная с интересом к прикладной сфере, была фактически установлена «Движением искусств и ремесел».

Косвенным итогом этого принципа оказалась идея серийного производства. Здесь важную идеологическую роль сыграло все то же «Движение искусств и ремесел». Оно исходило из преимущества малого тиражирования и рассматривало его частью не только художественной доктрины, но и социальной программы [23]. В новой

концепции были важны лимитированный характер выпуска и возможность промышленного тиражирования объекта.

Ограниченный тираж поддерживал идею художественного статуса бытовых предметов. Возможность тиражирования отражала изменение художественной программы и подразумевала производство вещей, которые могли выпускаться промышленным способом. Идея серийного производства, которая была использована при формировании художественных программ функционализма, была основана на романтической доктрине. По сути, национальноромантические течения сделали возможным развитие концепций художественного модернизма. Программа интернационального стиля складывалась не в противовес, а как прямое продолжение национальной романтики.

Финляндия: художественный регламент и его специфика. Специфика финской модели заключалась не только в использовании национально-романтических элементов. Подчеркнуто универсальный интернациональный стиль стал для Финляндии одной из форм представления внутренней художественной программы. Финляндия, как и Скандинавия в целом, по сравнению с другими европейскими странами относительно поздно вступила в процесс формирования новой художественной идентичности [1].

Специфика Финляндии — редуцированный объем классического наследия. Памятников классицизма (как европейского, так и русского) в Финляндии было относительно немного. Классическое наследие изначально не было той формообразующей точкой, которой оно стало для Франции, Италии, даже России или Швеции. Классические памятники были, скорее, исключением, нежели правилом. Сама стратегия классической архитектуры XIX века (например, архитектурная практика Энгеля [25]) больше напоминала разметку пустого пространства, нежели была действием в сложившейся архитектурной среде.

Другой особенностью финской художественной программы был очень быстрый переход к модернизму [3, с. 23]. Если проекты первых лет XX века еще были примером национальной романтики и северного модерна, то архитектура 1920—1930-х годов уже представляла собой полноценный пример интернационального стиля [24].

Формирование автономной практики финского дизайна началось после 1917 г. Новая художественная программа маркировала не только изменившиеся политические реалии, но и условный разрыв со старой традицией. Дизайн Финляндии после 1917 г. обозначил новую социальную перспективу, стал демонстрацией новой идеологии быта. Модернизм и интернациональный стиль оказались выражением новой социальной практики. Изменения художественной системы подчеркивали модернизацию общества в целом [3, с. 24]. Новая визуальная платформа обозначала последовательное стремление к новизне [26] — системе, где модернизм представлялся манифестом прогресса. Дизайн в его новых формах был демонстрацией нового социального и художественного стандарта. Интернациональный стиль, включенный в контекст финской художественной программы [10], стал знаком нового образа жизни и представлением новой идеологии быта.

Использование форм интернационального стиля стало важным обстоятельством формирования национальной художественной программы. Обращение к практике модернизма оказалось одним из символов независимости: интернациональный стиль подразумевал обращение к новой системе ценностей. Дизайн стал частью нового художественного проекта современности [24].

Интернациональный стиль в художественной программе Финляндии. Важным маркером финского модернизма стала принадлежность интернациональному стилю [27]. Напомним, что это явление мировой архитектуры получило свое распространение в 1920—1960-е годы. Его формирование было связано с выставкой «Современная архитектура: интернациональная выставка» [28], которая состоялась в 1932 г. в Музее современного искусства в Нью-Йорке (МОМА). Тем не менее границы и хронологические рамки интернационального стиля определяют по-разному. В некоторых случаях его рассматривают как протяженное явление, связанное с эпохой 1920—1960-х годов, в других — определяют как прецедент, хронологически соответствующий нью-йоркской выставке.

Одним из участников выставки был Алвар Аалто [8; 9], наиболее последовательный протагонист нового стиля в Финляндии. С деятельностью Аалто был связан новый статус финского дизайна и его признание частью программы интернационального модернизма. Одновременно с этим работы Алвара Аалто стали выражением национальной художественной системы.

С именем Алвара Аалто связано и систематическое развитие интернационального стиля в Финляндии [27]. Он стал одним из первых архитекторов Финляндии, обратившихся к архитектуре нового формата. Строительная практика Аалто подразумевала преодоление национальной романтики и установление архитектурной доктрины модернизма. В 1920-е годы Аалвар Аалто реализовал несколько крупных проектов, которые стали нормативными для идентификации интернационального стиля в Финляндии. В 1924 г. был подготовлен проект библиотеки в Выборге (реализован в 1935). В 1928 г. было завершено строительство здания газеты «Турун саномат» в Турку (именно этот проект в 1932 г. будет представлен на выставке в Нью-Йорке). В 1929 г. был представлен проект санатория в Паймио [6].

К середине 1930-х годов интернациональный стиль в Финляндии был состоявшимся прецедентом. Модернизм стал маркером новой эпохи и, одновременно, — выражением новой национальной художественной программы. Проекты Аалто были частным случаем этой новой доктрины.

Финский дизайн и его художественная программа: к вопросу внутренней идентичности. Важным обстоятельством новой художественной системы стало обращение к обширному страту повседневных вещей. В частности, этот принцип был использован в проектах, которые Алвар и Эйно Аалто выполняли для компании Artek, основанной в 1935 г. Майрой и Харри Гуллигсен [3, с. 26]. Artek создавал единичные вещи, тем не менее, он сформировал важный прецедент — присутствие дизайна в бытовой среде. Artek сделал возможным новую картину быта, которая могла быть реализована в повседневных вещах. В Финляндии начался систематический выпуск продукции нового типа, которая использовала новую идеологию формы.

В 1936 г. произошли структурные изменения в компании Asko. Ее главным художником стал Илмари Тапиоваара — молодой дизайнер, который в 1939 г. представил коллекцию на основе модернистских форм. Новые вещи шли вразрез с традиционными представлениями и не всегда были понятны массовому потребителю [3, с. 26]. Тем не менее новые объекты, выпущенные компаниями Artek

и Asko, создавали важный прецедент и способствовали формированию нового предметного фона.

Инновационную нишу, которая поддерживала идею нового стиля жизни, заняли предметы мебели, посуда и изделия из стекла — все то, что могло производиться серийными тиражами и было относительно доступно в финансовом плане. Стекло, посуда и легкая мебель в этом смысле обладали несомненным преимуществом: они были относительно дешевы и допускали бытовую мобильность. Новые объекты стали выражением программы повседневности быстро растущего городского населения.

Перенесение концепций модернизма в повседневный дизайн стало важным инструментом распространения в стране новой художественной идеологии. Специфика финской программы — активное обращение к таким формам, как мебель, посуда и художественное стекло. Предметы повседневного быта получили тотальное распространение, а их массовое использование позволило им стать маркером национальной художественной системы.

Изменение статуса финского дизайна: международные выставки. Последние предвоенные годы и первые послевоенные десятилетия оказались связаны с интернациональным признанием финского дизайна. Финляндия, которая когда-то казалась периферией художественной индустрии, стала одной из стран, определявших принципы новой программы.

В 1936 г. Алвар и Айно Аалто приняли участие в VI Триеннале в Милане, которая проходила под лозунгом «Преемственность — Современность» [7, с. 28]. Участниками той же выставки были Жорж Брак, Наум Габо и Ле Корбюзье. На Триеннале 1936 г. стенд компании Artek, оформленный Алваром Аалто, получил Гран-при. Также Аалто получил отдельный приз за дизайн кресла. Коллекция Айно Аалто получила золотую медаль [29]. С этого момента начинается последовательное участие Финляндии в одном из важнейших смотров в области дизайна.

Участие в Миланской Триеннале имело решающее значение в установлении интернационального статуса финского дизайна. Золотым веком в этом смысле стали Триеннале 1950—1960-х годов. IX Триеннале в Милане в 1951 г. была одной из первых крупномасштабных выставок в области дизайна в послевоенные годы. Начи-

ная с этого момента финский дизайн воспринимался не локальным эпизодом, а масштабным систематическим явлением [24, с. 55].

В 1954 г. этот успех был повторен. На X Триеннале представители нового поколения финских дизайнеров Тапио Вирккала [4] и Тимо Сарпанева [30] были удостоены Гран-при, Каи Франк [31] получил «Диплом почета», Горан Хенгель — золотую медаль, а Сара Хопеа — серебряную [24, с. 50]. В 1957 г., на XI Триеннале, ситуация была идентичной: Тимо Сарпанева получил Гран-при за выставочный дизайн и работы из двуцветного стекла, Каи Франк был удостоен Гран-при, Вуокко Нурмисниеми получила золотую медаль, а Сара Хопеа — серебряную.

На протяжении 1950—1960-х годов интернациональный успех Финляндии был поддержан. На Триеннале 1951, 1954, 1957 и 1960 годов практически все гран-при, золотые и серебряные медали были получены финскими дизайнерами [24]. К этому времени относится и последовательное сотрудничество финских дизайнеров со стекольным производством Мурано, и в частности с компанией Venini. В 1955 г. проходила выставка финского дизайна в Швеции, в 1956 г. дизайн Финляндии экспонировался в Стокгольме, в 1967-м Финляндия представляла работы своих дизайнеров на Экспо в Монреале, в 1972 г. проходили выставки в Амстердаме и Дюссельдорфе.

Заключение. Финский дизайн и репрезентация внутренней идентичности. Период 1930—1960-х годов связан не только с признанием финского дизайна как автономной художественной системы, но и с формированием его мифологии. Художественная программа, связанная с принципами интернационального стиля, стала одним из элементов внутренней идентичности Финляндии. Финский дизайн ориентировался не столько на художественную программу универсального классического наследия [32], сколько на платформу модернизма.

Специфика финского дизайна заключается в стремлении использовать формат международного стиля как основу национальной художественной традиции. Использование принципов модернизма в процессе формирования национальной идентичности может рассматриваться как особенность финской программы. Особенность этой системы — использование принципов и форм интерна-

ционального стиля в процессе создания внутренней художественной практики.

Концепция финского дизайна связала национально-романтические концепции с принципами архитектурного модернизма. Платформа интернационального стиля стала для финского дизайна инструментом создания внутренней художественной традиции. Дизайн в Финляндии был воспринят условным символом национальной идентичности. Формы универсального дизайна оказались одним из инструментов представления национальной традиции и одним из механизмов репрезентации нации [24, с. 57].

Библиографический список

- 1. Fiell C., Fiell P. Scandinavian Design. Cologne: Taschen, 2002. 352 p.
- 2. Korvenmaa P. Finnish Design: A Concise History. London: Victoria & Albert Museum, 2014. 352 p.
- 3. Korvenmaa P. What Was There Besides Glass? Finnish Design From the Early 1930s to the Early 1970s // Glass from Finland in the Bischofberger Collection. Milano: Slira, 2015. Pp. 22—37.
- 4. Tapio Wirkkala: un poeta del cristal y la plata: colleción Kakkonen. Segovia: Fundación Centro Nacional del Vidrio, 2015. 72 p.
- 5. Васильева Е. В. Финский дизайн стекла: апроприации, идентичность и проблема интернационального стиля // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 55 (1). С. 260—281.
- 6. Frampton K. Modern Architecture: A Critical History. London: Thames and Hudson, $1980.424 \, p$.
- 7. Koivisto K. Korvenmaa P. Glass from Finland in the Bischofberger Collection. Milano: Skira, 2015. 416 p.
- 8. Alvar Aalto Art and the Modern Form. Exhibition catalogue. Helsinki: Ateneum, 2017. 270 p.
- 9. Lahti M., Mikonranta K., Pakoma K. Alvar Aalto: Designer. Jyväskylä: Alvar Aalto Foundation, Alvar Aalto Museum, 2014. 240 p.
- 10. Васильева Е. В. Идеальное и утилитарное в системе интернационального стиля: предмет и объект в концепции дизайна XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 72—80.
- 11. Miller Lane B. National Romanticism and Modern Architecture in Germany and the Scandinavian Countries. New York: Cambridge University Press, 2000. 432 p.
- 12. Васильева Е. Фигура Возвышенного и кризис идеологии Нового времени // Теория моды: одежда, тело, культура. 2018. № 47. С. 9—28.
- 13. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973. $568 \, \mathrm{c}$.

- 14. Barringer T.; Rosenfeld J.; Smith A. Pre-Raphaelites: Victorian Avant—Garde, London: Tate Publishing, 2012. 256 p.
- 15. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. 206 с.
- 16. Semper G. The Four Elements of Architecture and Other Writings (1851). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 238 p.
 - 17. Worringer W. Formprobleme der Gotik. München, 1911. 127 p.
- 18. Wölfflin H. Die Kunst der Renaissance. Italien und das deutsche Formgefühl. München: Bruckmann, 1931. 222 p.
- 19. Gombrich E. H. Norm and Form. Studies in the Art of the Renaissance. London; N. Y.: Phaidon Press, 1978. Vol. 1. Pp. 81—98.
- $20.\,Panofsky\,E.\,Gothic\,Architecture$ and Scholasticism. Latrobe, Pa.: Archabbey Press, 1951. 156 p.
 - 21. Loos A. Ornament and Crime (1908). Vienna, 1930. 204 p.
- 22. MacCarthy F. Anarchy and Beauty: William Morris and his Legacy 1860—1960, London: National Portrait Gallery, 2014. 184 p.
- 23. Morris W. News from Nowhere or An Epoch of Rest. London: Kelmscott Press, $1891.\,296$ p.
- 24. Koivisto K. Contradictions and Continuities. Finnish Art Glass from 1932 to 1973 / Koivisto K. Korvenmaa P. // Glass from Finland in the Bischofberger Collection. Milano: Skira, 2015. Pp. 39—57.
- 25. Pöykkö K. Carl Ludvig Engel 1778—1840. Pääkaupungin arkkitehti. Helsinki: Helsingin kaupunginmuseo, 1990. 154 p.
- 26. Васильева Е. В. Система традиционного и принцип моды // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 43. С. 11—28.
- 27. Pearson P. Alvar Aalto and the International Style. New York: Whitney Library of Design, 1978. 240 p.
- 28. Hitchcock H.—R., Johnson P. The International Style: Architecture Since 1922 . N. Y.: Norton & Company, 1932. 270 p.
- 29. Kinnunen U. Aino Aalto. Jyväskylä: Alvar Aalto—museo, Alvar Aalto Foundation, 2004. 240 p.
- 30. Kokkonen J. Timo Sarpaneva: taidetta lasista: collection Kakkonen. Riihimäki: Suomen Lasimuseo, 2015. 350 p.
- 31. Koivisto K. Kaj Franck & geometria. Riihimäki. Suomen lasimuseo, Premedia Helsinki Oy, 2018. 270 p.
- 32. Гурленова Л. В. Русская литература рубежа XX—XXI вв.: классическая традиция как художественный ориентир. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 112 с.

References

1. Fiell C., Fiell P. Scandinavian Design. Cologne: Taschen, 2002. 352 p.

- 2. Korvenmaa P. Finnish Design: A Concise History. London: Victoria & Albert Museum, 2014. 352 p.
- 3. Korvenmaa P. What Was There Besides Glass? Finnish Design From the Early 1930s to the Early 1970s. *Glass from Finland in the Bischofberger Collection.* Milano: Slira, 2015. Pp. 22—37.
- 4. Tapio Wirkkala: un poeta del cristal y la plata: colleción Kakkonen. Segovia: Fundación Centro Nacional del Vidrio, 2015. 72 p. (In Spanish)
- 5. Vasil'eva E. Finskij dizajn stekla: apropriacii, identichnost' i problema internacional'nogo stilya [Finnish Glass Design: Appropriations, Identity and the Challenge of International Style]. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture], 2020, no. 55 (1), pp. 260—281. (In Russian)
- 6. Frampton K. *Modern Architecture: A Critical History.* London: Thames and Hudson, 1980. 424 p.
- 7. Koivisto K., Korvenmaa P. *Glass from Finland in the Bischofberger Collection.* Milano: Skira, 2015. 416 p.
- 8. Alvar Aalto Art and the Modern Form. Exhibition catalogue. Helsinki: Ateneum, 2017. 270 p.
- 9. Lahti M., Mikonranta K., Pakoma K. *Alvar Aalto: Designer.* Jyväskylä: Alvar Aalto Foundation, Alvar Aalto Museum, 2014. 240 p.
- 10. Vasil'eva E. Ideal'noe i utilitarnoe v sisteme internacional'nogo stilya: predmet i ob"ekt v koncepcii dizajna XX veka [Ideal and utilitarian in the system of international style: subject and object in the design concept of the XXth century]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2016, no. 4 (25), pp. 72—80. (In Russian)
- 11. Miller Lane B. *National Romanticism and Modern Architecture in Germany and the Scandinavian Countries.* New York: Cambridge University Press, 2000. 432 p.
- 12. Vasil'eva E. Figura Vozvyshennogo i krizis ideologii Novogo vremeni [The Figure of Sublime and the Crisis of Ideology of the New Time]. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture], 2018, no. 47, pp. 9—28. (In Russian)
- 13. Berkovskij N. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Hudozhestvennaya literature Publ., 1973. 568 p. (In Russian)
- 14. Barringer T.; Rosenfeld J.; Smith A. Pre-Raphaelites: Victorian Avant-Garde, London: Tate Publishing, 2012. 256 p.
- 15. Zhirmunskij V. *Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika* [German Romanticism and the Modern Mysticism]. St. Petersburg, 1914. 206 p. (In Russian)
- 16. Semper G. *The Four Elements of Architecture and Other Writings* (1851). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 238 p.
- 17. Worringer W. Formprobleme der Gotik. München, 1911. 127 p. (In German)

- 18. Wölfflin H. *Die Kunst der Renaissance. Italien und das deutsche Formgefühl.* München: Bruckmann, 1931. 222 p. (In German)
- 19. Gombrich E. H. *Norm and Form. Studies in the Art of the Renaissance.* London; N. Y.: Phaidon Press, 1978. Vol. 1, pp. 81—98.
- 20. Panofsky E. *Gothic Architecture and Scholasticism.* Latrobe, Pa.: Archabbey Press, 1951. 156 p.
 - 21. Loos A. Ornament and Crime (1908). Vienna, 1930. 204 p.
- 22. MacCarthy F. *Anarchy and Beauty: William Morris and his Legacy 1860—1960*, London: National Portrait Gallery, 2014. 184 p.
- 23. Morris W. *News from Nowhere or An Epoch of Rest.* London: Kelmscott Press, 1891. 296 p.
- 24. Koivisto K. Contradictions and Continuities. Finnish Art Glass from 1932 to 1973 / Koivisto K., Korvenmaa P. *Glass from Finland in the Bischofberger Collection.* Milano: Skira, 2015, pp. 39—57.
- 25. Pöykkö K. *Carl Ludvig Engel 1778—1840. Pääkaupungin arkkitehti.* Helsinki: Helsingin kaupunginmuseo 1990. 154 p. (In Finnish)
- 26. Vasil'eva E. Sistema tradicionnogo i princip mody [The Traditional System and the Principle Fashion]. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture], 2017, no. 43, pp. 11—28. (In Russian)
- 27. Pearson P. *Alvar Aalto and the International Style.* New York: Whitney Library of Design, 1978. 240 p.
- 28. Hitchcock H.-R., Johnson P. *The International Style: Architecture Since* 1922. N. Y.: Norton & Company, 1932. 270 p.
- 29. Kinnunen U. *Aino Aalto. Jyväskylä: Alvar Aalto—museo*, Alvar Aalto Foundation, 2004. 240 p. (In Finnish)
- 30. Kokkonen J. *Timo Sarpaneva: taidetta lasista: collection Kakkonen.* Riihimäki: Suomen Lasimuseo, 2015. 350 p. (In Finnish)
- 31. Koivisto K. *Kaj Franck & geometria. Riihimäki. Suomen lasimuseo,* Premedia Helsinki Oy, 2018. 270 p. (In Finnish)
- 32. Gurlenova L. V. *Russkaya literatura rubezha XX—XXI vv.: klassicheskaya tradiciya kak hudozhestvennyj orientir* [Russian Literature of the Turn of the 20th 21st Centuries: Classical Tradition as an Artistic Landmark]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2018, 112 p. (In Russian)

УДК 81-33

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-73

А. А. Емельянов, С. З. Иткулов

Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева, г. Иваново

Специфика нонсенса как лингвокультурологической категории на примере английского рифмованного сленга

В статье даётся анализ специфики английского рифмованного сленга как одного из способов проявления культуры нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями нонсенса и абсурда. Также анализируются нонсенс и абсурд как различные категории мышления. Абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу. Используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических кониептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий. Понимание иной культуры обусловливает применение герменевтической методологии с целью рассмотрения данной культуры с позиций субъективной индивидуальности интерпретатора и объективности культурного контекста. Высказано мнение о том, что английский рифмованный сленг не только является способом языкового кодирования, но и представляет собой особый вид языковой игры, которая, в свою очередь, характеризуется особым способом моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать субъекты необходимыми предикатами. Делается вывод, что языковая игра в английском рифмованном сленге связана с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Игра требует включения в нее слушателя, слушатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры. Изучение подобного феномена позволяет не только понять чужую культуру, но и более глубоко осмыслить свою.

Результаты исследования могут быть применены в теоретических курсах по культурологии, теории межкультурной коммуникации, страноведению и лингвострановедению, а также на занятиях по английскому языку как иностранному.

Ключевые слова: нонсенс, абсурд, смысл, сленг, семисентенция, игра, фрейм.

[©] Емельянов А. А., Иткулов С. 3., 2020

A. A. Emelyanov, S. Z. Itkulov

Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev, Ivanovo

The Specifics of Nonsense as a Cultural Linguistics Category as Exemplified by English Rhymed Slang

The article analyzes the specifics of English rhymed slang as one of the ways of displaying the culture of nonsense, taking into account various positions expressed by researchers of nonsense and absurdity. Nonsense and absurdity are also analyzed as different categories of thinking. The absurd can be seen as a "countermeaning" that opposes common sense. A comparative approach is used to compare cultural and aesthetic concepts in order to identify some common, universal principles and attitudes as well as to find differences. The understanding of a different culture determines the use of hermeneutical methodology in order to consider this culture from the perspective of the subjective individuality of the interpreter and the objectivity of the cultural context. It is suggested that English rhyming slang should be not only a way of language encoding, but also a special type of language game which, in turn, is a special way of modeling frames, where the author goes out of the usual frame and creates one that allows you to saturate these subjects with the necessary predicates. It is concluded that the language game in English rhymed slang could be associated with the possibility of modeling new frames as well as transitions from frame to frame and building inter-frame connections. This game requires the inclusion of a listener in it, the listener becomes a participant and to some extent a co-author of the game. The study of this phenomenon allows you not only to understand another culture, but also to understand your own more deeply.

The results of the research can be applied in theoretical courses in cultural studies, theory of intercultural communication, country studies and linguistics as well as in English as a foreign language.

Keywords: nonsense, absurdity, meaning, slang, semisentence, play, frame.

Введение. Проблема смысла и бессмысленности высказывания с давних пор занимает умы исследователей. С этой точки зрения интересно рассмотреть такое явление, как нонсенс, особенно в сопоставлении этой категории с абсурдом, так как явления часто отождествляют, а культура нонсенса представляет собой интересное и малоизученное явление. В качестве предмета исследования нами выбран английский рифмованный сленг, поскольку подобный феномен разговорной речи представляет собой очень яркий пример культуры нонсенса. Целью исследования является анализ специфики английского рифмованного сленга как одного из способов про-

явления культуры нонсенса с учетом различных положений, высказываемых исследователями нонсенса и абсурда. Научная новизна исследования состоит в том, что проблема соотношения нонсенса и абсурда представлена как динамичная система взаимоотношений двух разных культурологических категорий; структура концепта «английский рифмованный сленг» дополнена новым релевантным слоем — возможностью моделирования новых фреймов, что позволяет обогатить его содержание в исследуемой культуре. Проблемы соотношения нонсенса и абсурда рассматривались в статье С. 3. Иткулова «Нонсенс, абсурд, парадокс как лингвокультурологические категории» (Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123—126), где выявляется специфика категорий; из исследований последних лет наибольший интерес представляет диссертация Е. Н. Ширяевой «Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX — начала XXI в.», где исследователь представляет абсурд как особую систему взглядов, а нонсенс — как антисистему, противопоставленную действительности. Особенности английского рифмованного сленга рассмотрены в статьях А. А. Емельянова «Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике» (Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 7. 2016. № 1. С. 10—16), «Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании» (Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. № 2. С. 61—65), где данный концепт рассматривается как один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения «посвященных».

Методы исследования, теоретичиская база. В работе мы используем герменевтический метод, решающий проблему совмещения в понимании текста объективности сообщаемого и субъективности сообщающего. Конечной целью метода является выход к смыслу через содержание текста и выход к содержанию через смысл текста. Разнообразие исходного материала обусловило использование компаративистского метода, построенного на использовании сравнения и нахождения аналогий между различными понятиями и явлениями.

Основная часть. Отношение человека к миру всегда определяется смыслом; культура предстаёт перед человеком как *смысловой*

мир. Мир и человек всегда находятся между смыслом и бессмыслицей. Принцип смысла и бессмысленности присутствует во всех видах человеческой деятельности. Однако нигде, кроме нонсенса, этот принцип не становится предметом содержания и методом художественного изображения. В работах отечественных и зарубежных исследователей часто встает проблема разграничения понятий «нонсенс» и «абсурд», которые часто трактуют как синонимы. Абсурд принято понимать как противоречие, содержащееся в высказывании, на основании которого делался вывод — высказывание ложно: «Например, в высказывании "Александр Македонский был сыном бездетных родителей" есть только утверждение, но нет отрицания и, соответственно, нет явного противоречия. Но ясно, что из этого высказывания вытекает очевидное противоречие: "Некоторые родители имеют детей и вместе с тем не имеют их" и, таким образом, если из некоторого положения выводится противоречие, то это положение является ложным (reductio ad absurdum («приведение к абсурду")» [1]. Определенные особенности нонсенса и абсурда устанавливает П. Царёв:

- абсурд это СМЫСЛ, нарушающий связи (гармонию) смыслов, определяющихся смыслом жизни;
- нонсенс это абсурд, возникающий при столкновении "СВОИХ" и "ЧУЖИХ" смыслов [там же].

Особого внимания заслуживает точка зрения О. Бурениной, которая считает, что нонсенс следует называть «логическим абсурдом»: «Логический абсурд проявляется в поэтической традиции речи в нарушении синтагматических и парадигматических связей, то есть функционирует как бессмыслица речи, испорченная рациональность. Таково понятие nonsens'a» [2]. Однако исследователь не уравновешивает понятия «нонсенс» и «абсурд» и считает, что нонсенс — одна из составляющих абсурда: «Одним из излюбленных приемов "логического" абсурда, то есть поэтической бессмыслицы в произведениях этих авторов можно назвать reductio ad absurdum, то есть прием приведения к нелепости, заключающийся в обнаружении противоречия основного положения или его выводов» [там же]. Всё дело в том, что О. Буренина пытается вывести специфику нонсенса исходя из специфики абсурда, вследствие чего выделяет «семантический абсурд» (нарушение правил обыденной речи) и «ситуационный абсурд» (алогичность человеческих отношений)

[там же]. Данная дихотомия приводит к обеднённому пониманию как нонсенса, так и абсурда.

Возразить О. Бурениной мы можем с помощью М. Исаковой, которая считает, что нонсенс — категория эпистемологическая, а абсурд — онтологическая [3]. Иначе говоря, нонсенс стремится к познанию мира, поэтому «нелепость» здесь создаётся не для отрицания, а для поиска смысла. Подобную точку зрения можно найти в работах Р. Барта. Французский структуралист и семиотик выделяет такие категории, как «не-смысл» (nonsense), «вне-смысл» (horsense) и «противосмысл» (contre-sense). Согласно Барту, «всё внесмысленное (hors-sense) непременно поглощается "несмыслом", имеющим совершенно определённый смысл (известный как абсурд)... Собственно говоря, у смысла может быть только противоположный смысл, то есть не отсутствие смысла, а именно обратный смысл. Таким образом, "не-смысл" всегда нечто буквально "противное смыслу", "противосмысл" (contre-sense), нулевой степени смысла не бывает» [4, с. 188].

Иначе говоря, Р. Барт уравнивает абсурд и нонсенс (то, что он называет "не-смыслом" либо 'противосмыслом") и противопоставляет их смыслу, с одной стороны, и вне-смыслу, с другой. Но что такое "вне-смысл", исследователь не поясняет. Вероятнее всего, "внесмысл" и есть нонсенс (не "не-смысл", а то, что выходит за пределы обычного смысла). Абсурд же можно с полной уверенностью назвать противосмыслом (то, что противопоставляет себя смыслу, так как существование последнего определяется существованием его противоположности).

Ключевое различие между нонсенсом и абсурдом хорошо показывает П. Хит, считающий что разница между нонсенсом и абсурдом «заключается в том, что первый пренебрегает обычными условностями логики, языка, мотива и поведения, второй же придает им слишком большое значение... вместо того, чтобы беспечно отступать от правил, как это делает автор нонсенса, абсурдист продолжает придерживаться их еще долгое время после того, как они перестали быть разумными, и независимо от нелепости, которая в результате этого возникает» (перевод наш. — С.И.) [5].

Интересную точку зрения высказывает Е. Н. Ширяева, рассматривающая абсурд как особую систему взглядов, связанную с дей-

ствительностью, а нонсенс — как антисистему, противопоставленную действительности [6, с. 10].

Таким образом, мы видим, что нонсенс и абсурд представляют собой самостоятельные категории человеческого мышления, являющегося проявлением когнитивной функции человеческого сознания. Особый интерес представляет проявление нонсенса и абсурда в сфере языка. Е. Ширяева отмечает, что для абсурда «операции с языковыми средствами — это прежде всего инструмент для обнаружения и описания кризиса личности. Языковой код как средство построения коммуникации — это то, на чём держится не только человеческое сознание, но само общество» [6, с.11]; что же касается нонсенса, то «для него важна сама форма, язык и его потенциальные возможности в порождении новых значений и более — порождении нового мира, противопоставленного каноничной системе» [там же]. Особым проявлением лингвистического нонсенса (но не абсурда) является английский рифмованный сленг.

Рифмованный сленг (далее — PC) — один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения "посвященных" [7, с. 22]. По типу образования PC можно обозначить как особый вид сленга английского языка, где каждому исходному слову соответствует рифмующаяся с ним, но обычно далекая по значению фраза: Stairs (ступени) ~ apples and pears: Get up those apples and pears to bed! (букв.: «Поднимайся в кровать по этим яблокам и грушам!»)

Believe (верить) \sim *Adam and Eve*: Can you *Adam and Eve* it! (букв. «Ты можешь "адомоевить" в это!»).

Head (голова) \sim *Crust of bread:* When Jack fell off his bike he got a bad crack on the *crust of bread* (букв.: «Когда Джек упал с велосипеда, он сильно треснулся *коркой хлеба*») [8, с. 62].

Зачастую, рифмованный субститут имеет шутливо-иронический контекст:

wife ~ trouble and strife; [жена — проблема и борьба]

kids ~ God forbids; [дети — боже упаси]

debts ~ private jets; [долги — личные самолеты]

Говоря об истоках РС, следует отметить, что самые первые упоминания о рифмованном сленге, точнее его самом раннем варианте — Upper Class rhyming slang (рифмованного сленга английской аристократии) — датируются, согласно исследователям П. Уиллеру и А. Бродхед [9, р. 3—4], XVI веком. Так, рифмованный сленг бри-

танской элиты появился, по словам ученых [Op. cit], в середине XVI века в эпоху правления Елизаветы I. UCRS был изобретен драматургом Кристофером Марлоу и использовался представителями службы безопасности Валсингема. Со времен Елизаветы I агенты данной службы часто имели доступ в аристократическую среду и благодаря лингвистической находке Марлоу UCRS использовался в повседневной речи британской знати. Обратимся к примерам:

- physician [врач] ~ *Titian*: Oh, that looks nasty! You ought to go and see a *Titian*! [букв.: «О, ты ужасно выглядишь! Тебе нужно пойти показаться *Тициану!*»)
- heaven [рай] ~ *First Eleven*: The weather in Monte Carlo was pure *first eleven*. (букв.: «Погода в Монте-Карло была *просто "футбольно—командная"*»)
- speech [речь] ~ *Normandy Beach*: They listened gloomily to the Queen's *Normandy Beach*. (букв.: «Они мрачно слушали *нормандский пляж* королевы»)

Рифмованный сленг кокни был распространен среди рабочего класса и представителей средних хорошо образованных слоев британского общества. Cockney rhyming slang появился в середине XIX века в восточной части Лондона и служил в качестве «секретного» языка у представителей уголовного мира. Создателями РС кокни были уличные торговцы и их ученики; именно благодаря спортивным журналам и песням мюзик-холла и распространился данный языковой феномен.

Как отмечает А. Л. Борисенко, «рифмованному сленгу практически не довелось "смущать умы переводчиков" в качестве "непереводимой игры слов". Даже если отдельные примеры и попадались в речи персонажей—кокни для передачи колорита в описании жизни "низов", то и переводилось это как колорит — просторечьем, жаргонизмами, сленгом» [10, с. 103].

Следует отметить, что в русском фольклоре существует явление, похожее на английский РС. Оно описано Д. Н. Садовниковым в сборнике «Загадки русского народа» и определяется как «своеобразное звуковое отстранение, как бы перефразирование: "Тон да тотонок" (пол и потолок) или "слон да кондрик" (заслон и конник)» [11, с. 51, 77]. Однако этот «русский рифмованный сленг» мало распространен, практически неизвестен большинству носителей язы-

ка и поэтому не может, к сожалению, стать решением переводческой задачи.

По мнению А. Л. Борисенко [9, с. 104], с точки зрения синтетического перевода РС не представляет собой серьезной переводческой трудности. Герой должен говорить ярко, колоритно, при этом должно быть ясно, что он — представитель социальных низов. Азартная игра при помощи РС захватывает, ее жаль терять, ее хочется донести до читателя.

Проблема перевода РС заключается в том, что по-русски прилагательное не так легко становится субстантивированным и неудобно в обращении при сокращении рифмующейся пары. Нередко высказывания с рифмованным сленгом могут вызвать недоумение. Но именно этот эффект и предусматривается культурой нонсенса — нужно увести слушателя с привычного пути, сломать стереотип. Рифмованный сленг — это стремление говорящих к определенному социальному обособлению звучащей речи с целью «ограждения» от участия нежелательных участников речевого акта [12, с. 11]. В то же время можно рассматривать рифмованный сленг как особое проявление языковой игры, а именно — игры на уровне синтаксиса.

В данном случае мы имеем дело с явными семисентенциями — высказываниями, которые сами по себе сформулированы верно, но субъекту в данном случае приписывается предикат, который ему не подходит [13]. Проблема состоит в том, чтобы решить, чем именно не подходит субъекту данный предикат, поскольку слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда и попадают в непривычный контекст. В качестве примеров можно привести высказывания со следующими рифмами:

Knees (колени) \sim *Pyrenees:* I won't forgive him even if he gets down on his bendeed *Pyrennes*! (букв.: «Я не прощу его, даже если он встанет на *Пиренеи*»).

Phone (телефон) $\sim Dog\ And\ Bone$: I was on the $dog\ and\ bone$ when you knocked at the door (букв.: «Я говорил по $coбакe\ c\ костью$, когда ты постучал в дверь).

Boozer (пьяница) ~ Battle Cruiser: He's bit of a *Battle Cruiser!* (букв.: «Он начинающий линейный крейсер!»).

Примечателен тот факт, что рифма в данных случаях не совпадает с подразумеваемым словом: выбор рифмованного субститута

и степень рифмованности определяются самим участником коммуникации [14, с. 71]. Обычно цель подобной «рифмовки» — передать информацию, предназначенную только для «посвященных», в результате чего получается своего рода языковая игра, которая для непосвященных полностью лишается смысла [12, с. 13]. Заметим, однако, что любая бессмыслица языка в определенном контексте может иметь смысл. Проблема бессмысленности высказывания — это не только вопрос, насколько истинно или ложно то или иное высказывание, но и насколько оно является понятным и удачным с точки зрения коммуникативности, психологии и даже антропологии говорящего и воспринимающего речь. Проиллюстрируем эту мысль следующим стихотворением:

As she walked along the street With her little "plate of meat", And the summer sunshine falling On her golden "Barnet Fair" Bright as angels from the skies, In my "East and West" Dan cupid Shot a shaft and left it there.

Шли по улице мы разом, И ее "тарелки с мясом" Были длинны и прекрасны. Излучала море света Ее "ярмарка Барнета". Купидон стрелу схватил, В "Запад и Восток" пустил. (перевод наш. — С.И.)

Едва ли данное стихотворение будет понятно тем, кто незнаком с рифмованным сленгом, или тем, кто использует в своей речи более современные варианты РС. Обратимся к переводу приведенных «закодированных» строк стиха на стандартный английский язык и вместо кажущейся на первый взгляд бессмыслицы получаем понятный текст:

Plates of meet ~ feet Barnet Fair ~ hair East and West ~ breast [15, c.40]

Дело в том, что невозможность предметного существования вышеперечисленных объектов следует из априорной несовмести-

мости субъектов и приписанных им предикатов. Однако насколько верна данная несовместимость и вытекает ли она из онтологической природы субъектов — это серьезный вопрос. Например, С. Поцелуев замечает: «Допустим, что априорно логика делает невозможным существование круглых квадратов в предметном мире. Но о какой априорной логике здесь идет речь? О логике классической (евклидовой) геометрии, отнесённой Кантом к синтетическим суждениям apriori? Но понятие логического вряд ли может ограничиваться только этим видом логики. Ведь евклидова геометрия, основанная на своих аксиомах, не может признать в качестве осмысленной постулаты неевклидовой геометрии» [16]. Проблема, которая встает при создании подобной языковой игры — разница между бессмысленностью и беспредметностью. С. Поцелуев отмечает, что такое словосочетание, как «российская нация», тоже является беспредметным, но бытие ее возможно и даже целесообразно с определенной точки зрения [там же]. Таким образом, если говорящий делает умозаключение о невозможности бытия каких-либо предметов, то это происходит вследствие отсутствия критериев, которые позволяют считать наличие данного явления естественным [16].

В качестве примера можно указать на кажущееся бессмысленным объявление в повести С. Боброва «Волшебный двурог»: «Приём от 22 часов утра до 10 часов дня. Перерыв на обед — с 3 до 11 часов». Объявление воспринимается как бессмысленное, так как: 1) 22 часа — это 10 часов вечера; 2) 10 часов может быть только утра или вечера, а вовсе не дня; 3) обед длится 8 часов, причём до 11, тогда, как в 10 часов приём уже заканчивается. Однако объявление имеет свой секрет — цифры в нём даны в четверичной системе измерения: первый класс — единицы, затем — четвёрки, потом четвёрки в квадрате, то есть 16. И если, в десятичной системе числа принимают значения от 0 до 9, то в четверичной — от 0 до 3: 1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 20, 21, 22, 23, 30 и т. д. Таким, образом, данное объявление в десятичной системе принимает такой вид: «Приём от 10 часов утра до 4 часов дня. Перерыв на обед — с 3 до 5 часов». Как видим, объявление вполне осмысленно, хотя в привычной системе координат объявление об обеде с трёх до пяти часов при приёме до четырёх часов не выглядит как вполне осмысленное [17, с. 41].

Интересные мысли об этом явлении высказывает С. Поцелуев, рассматривая высказывание «круглый квадрат» и ему подобные:

«Абсурдность этих значений заключена не в том, что они вообще не имеют никакого смысла, а в том, что их идеальным смыслам не может соответствовать никакой реально существующий предмет, что у них нет и не может быть предметного смысла... Таким образом, в абсурдном (нелепом) выражении есть единое значение, хотя нет и быть не может предмета (вещи, положения дел), в котором бы объединялось всё то, что единое значение в силу несовместимых между собой значений представляет объединенным в предмете... В случае же бессмыслицы (нонсенса) такого единого значения вообще не может возникнуть. Здесь возможность самого единого значения не допускает того, чтобы в ней сосуществовали различные частичные значения» [16]. Кроме того, исследователь отмечает, что в случае нонсенса речь идёт о несовместимости представлений, а в случае абсурда — о несовместимости предметов, и что само различие между абсурдом и беспредметностью может позднее обнаружиться в ограниченности наших знаний о мире, а не в природе самого этого мира или априорных знаний о нём» [там же]. Последнее замечание очень важно. Если говорящий делает умозаключение о невозможности бытия каких-либо предметов, то это происходит вследствие отсутствия критериев, которые позволяют считать наличие данного явления естественным. Если же такие критерии возможны, абсурдность перестаёт существовать.

Таким образом, можно утверждать, что нонсенс представляет собой смысл метафизического уровня — такой смысл, который выходит за пределы обычного смысла и создаёт новые смыслы. Е. Ширяева отмечает: «Все манипуляции с языком так или иначе приводят к созданию иносмыслов — нетривиальных, странных, безумных, но смыслов (часто избыточных) или их видимости. Разрывая нить между конкретным знаком и его конкретным значением, литература нонсенса не позволяет образоваться пустоте, вместо этого она прибегает к ряду приёмов, благодаря которым у знака появляется новое значение и, следовательно, происходит оправдание существования этого знака» [6, с. 11].

Что же касается английского рифмованного сленга, то данная языковая игра представляет собой особый способ моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать данные субъекты необходимыми предикатами. Впрочем, как замечает Е. Сапогова, возможно и по-

строение фрейма, в котором субъекты будут находиться вне собственных смыслов. В качестве примера исследователь приводит игру с детьми, где детям ставится задача создать новый фрейм и описать в нем новые свойства знакомых вещей (например, про чайник дети говорили, что это могут быть фрукты с железного дерева) [18, с. 43—44]. Заметим, что данный вид моделирования фреймов предполагает и включение в него читателя; читатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры, так как мышление читателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы.

По справедливому замечанию Е. Сапоговой, для создания подобного нонсенса необходим выход из привычного фрейма и создание такого, в котором присутствуют условия, создающие эту возможность [18, с.10]. Далее читатель строит новый фрейм, как правило, вокруг одного, отдельно взятого признака объекта или ситуации, изменяя его и используя в качестве системообразующего для выстраивания новой целостности (фрейма) [там же].

Результаты исследования. Абсурд можно рассматривать как «контрсмысл», противостоящий единому здравому смыслу и выдвигающий концепцию активной невозможности существования последнего. В нонсенсе происходит не столкновение двух смыслов, а выход за пределы обычного смысла и создание новых смыслов. Нонсенс заставляет читателя выйти за пределы привычных смыслов; мышление читателя в этом случае становится «внесмысловым» [19, с. 126]. Именно так мы понимаем нонсенс — как смысл метафизического уровня, иначе говоря, «внесмысл». Как отмечает, Г. Тульчинский: «Non-sense — отнюдь не отсутствие смысла. Наоборот — он связан с обилием смысловых коннотаций и интерпретаций, умножением, если не факторизацией смысла» [20, с. 131]. Поэтому английский рифмованный сленг является проявлением именно нонсенса. Создание рифмованного сленга связано не только с языковой игрой, но и с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Как справедливо указывает В. Соковнина, «с помощью внедрения словообразовательных, лексических, текстовых языковых шуток в текст автор раскрывает свое мироощущение, представленное в наиболее доступной для понимания форме — форме игры» [21,c.74].

Заключение. Английский рифмованный сленг представляет собой особое проявление культуры нонсенса — своеобразную языковую игру, которая требует включения в нее слушателя, слушатель становится участником и в какой-то степени соавтором игры, так как мышление слушателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы.

Библиографический список

- 1. Философия абсурда URL: http://phenomen.ru/forum/index. php?showtopic=900 (дата обращения: 23.03.2020).
- 2. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсскина. URL: http://ec-dejavu.ru/a/Absurd.html (дата обращения: 23.03.2020).
- 3. Исакова М. Л. «Нонсенс», «абсурд», «бессмыслица» как философскоэстетические концепты и термины поэтики. URL: http://www.rusnauka. com/TIP/All/Filology/18.html (дата обращения: 23.03.2020).
- 4. Барт Р. Литература и значение // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс,1989. 616 с.
- 5. Josie Torres Barth. Nonsense and the Absurd. URL: https://blogs.commons.georgetown.edu/jtb63/2010/11/08/nonsense-and-the-absurd/#comments (дата обращения: 23.03.2020).
- 6. Ширяева Е. Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 190 с.
- 7. Емельянов А. А. Характерные особенности социальных разновидностей рифмованного сленга // Вестник гуманитарного факультета ИГ-ХТУ. Иваново: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», 2014. Вып. 6. С. 21—24.
- 8. Емельянов А. А. Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. № 2. С. 61—65.
 - 9. Wheeler P., Broadhead A. Upper Class Rhyming Slang. London, 1985. 62 p.
- 10. Борисенко А. Л. Ошибка профессора Хиггинса // Вестн. Моск. унта. Сер. 9. Филология. М., 1998. № 6. С. 101—108.
 - 11. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М.: Худ. лит., 1959. 335 с.
- 12. Емельянов А. А. Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 7. 2016. № 1. С. 10—16.

- 13. Байер А. К. Hoнceнc. URL: http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm (дата обращения: 23.03.2020).
- 14. Емельянов А. А. Особенности образования и функционирования английского рифмующегося сленга // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015. № 2. С. 70—74.
- 15. Рюмин Р. В., Емельянов А. А. Английский рифмованный сленг: теоретический и прикладной аспекты : монография. Иркутск: ИГЛУ, 2010. 182 с.
- 16. Поцелуев С. Бессмыслица в аспекте семантики. URL: http://fege.narod.ru/librarium/poceluev.htm (дата обращения: 23.03.2020).
- 17. Иткулов С. 3. Лингвистический нонсенс как одна из составляющих нонсенс-литературы // Аграрный вестник Верхневолжья. 2013. N° 3. С. 40—43.
- 18. Сапогова Е. Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 36—44.
- 19. Иткулов С. З. Нонсенс, абсурд, парадокс как лингвокультурологические категории // Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123—126.
- 20. Тульчинский Г. Л. Льюис Кэрролл: нонсенс как предпосылка истины // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики: мат-лы межд. конф., 6—8 июня 2002 г., Санкт-Петербург. Ч. 1 / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2002. 262 с.
- 21. Соковнина В. В. Языковая игра в современной литературе нонсенса (на примере рассказа Дж. Леннона) // Новые подходы к изучению семантики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 69—74.

References

- 1. *Filosofiya absurda* [Philosophy of the absurd] (In Russian). Available at: http://phenomen.ru/forum/index.php?showtopic=900 (accessed: 23.03.2020)
- 2. Burenina O. *Chto takoe absurd, ili po sledam Martina Esskina* [What is absurd, or in the footsteps of Martin Esskin] (In Russian). Available at: http://ec-dejavu.ru/a/Absurd.html (accessed: 23.03.2020).
- 3. Isakova M. L. *«Nonsens», «absurd», «bessmyslica» kak filosofsko-esteticheskie koncepty i terminy poetiki* ["Nonsense", "absurd", "nonsense" as philosophical and aesthetic concepts and terms of poetics] (In Russian). Available at: http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html (accessed: 23.03.2020).
- 4. Bart R. Literatura i znachenie [Literature and meaning]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika.* [Selected works: Semiotics. Poetics.]. Moscow, Progress, 1989. 616 p. (In Russian)

- 5. Josie Torres Barth. *Nonsense and the Absurd*/ Available at: https://blogs.commons.georgetown.edu/jtb63/2010/11/08/nonsense-and-the-absurd/#comments (accessed: 23.03.2020).
- 6. Shiryaeva E. N. *Literaturnyj nonsens v russkoj proze i poezii vtoroj poloviny XX nachala XXI v.: kand. diss.* [Literary nonsense in Russian prose and poetry of the second half of the XX beginning of the XXI century. Cand. sci. Diss.]. Moscow, 2017. 190 p. (In Russian)
- 7. Emel'yanov A. A. Harakternye osobennosti social'nyh raznovidnostej rifmovannogo slenga [Peculiarities of Social Varieties og Rhyming Slang]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU* [Bulletin of Humanitarian Faculty of ISUCT] Nauchnyj zhurnal. Vypusk 6. Ivanovo, ISUCT Press, 2014, pp. 21—24. (In Russian)
- 8. Emel'yanov A. A. Rifmovannyj sleng intelligencii Velikobritanii [Rhyming Slang of British Intelligentsia]. *Intelligenciya i mir. Rossijskij mezhdisciplinarnyj zhurnal social'no—gumanitarnyh nauk* [Intellectual and the World. Russian interdisciplinary Journal of Social and Humanitarian Sciences]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2015, no. 1, pp. 61—65. (In Russian)
- 9. Wheeler P., Broadhead A. Upper Class Rhyming Slang. London, 1985, 62 p.
- 10. Borisenko A. L. Oshibka professora Higginsa [Professor Higgins' mistake]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 9, "Philology". Moscow, 1998, no 6, pp.101—108. (In Russ.)
- 11. Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda* [Riddles of the Russian people]. Moscow, Imaginative literature, 1959. 335 p. (In Russ.)
- 12. Emel'yanov A. A. Rifmovannyj i rifmuyushchijsya sleng v sovremennoj lingvistike [Rhyming slang and rhyming terms in modern linguistics]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij* [News of Higher Educational Institutions]. Series "Humanities", vol. 7, 2016, no. 1, pp. 10—16. (In Russian)
- 13. Bajer A. K. *Nonsens.* (In Russian). Available at: http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm html (accessed: 23.03.2020)
- 14. Emel'yanov A. A. Osobennosti obrazovaniya i funkcionirovaniya anglijskogo rifmuyushchegosya slenga [Peculiarities of Formation and Functioning of Rhyming Slang]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. Yaroslavl, YSPU named K. D. Ushinsky Press, 2015, no 2. pp. 70—74. (In Russian)
- 15. Ryumin R. V. *Anglijskij rifmovannyj sleng: teoreticheskij i prikladnoj aspekty: monograph* [English rhyming slang: theoretical and applied aspects] / R. V. Ryumin, A. A. Emel'yanov. Irkutsk, ISLU Press, 2010, 182 p. (In Russ.)
- 16. Poceluev S. *Bessmyslica v aspekte semantiki* [Nonsense in terms of semantics] (In Russian). Available at: http://fege.narod.ru/librarium/poceluev.htm (accessed: 23.03.2020)

- 17. Itkulov S. Z. Lingvisticheskij nonsens kak odna iz sostavlyayushchih nonsens-literatury [Linguistic nonsense as one of the components of nonsense literature]. *Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the Upper Volga Region], 2013, no 3, pp. 40—43. (In Russian)
- 18. Sapogova E. E. Vniz po krolich'ej nore: metafora i nonsens v detskom voobrazhenii [Down the rabbit hole: metaphor and nonsense in the children's imagination]. *Voprosy psihologii* [Problem of Philosophy], 1996, no 2, pp. 36—44. (In Russian)
- 19. Itkulov S. Z. Nonsens, absurd, paradoks kak lingvokul'turologicheskie kategorii [Nonsense, absurdity, and paradox as linguistic and cultural categories]. *Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya* [Agricultural Bulletin of the Upper Volga region], 2019, no. 3, pp. 123—126. (In Russian)
- 20. Tul'chinskij G. L. L'yuis Kerroll: nonsens kak predposylka istiny [Lewis Carroll: nonsense as the premise of truth]. *Filosofskij vek* [The Philosophical Age] Almanac. Real. 19. Russia and Britain in the Englightennment an attempt in philosophical and cultural comparativistics. Proceedings of the international conference, June 6—8 2002, Saint-Petersburg. Part 1 / Executive editors T. V. Artem'eva, M. I. Mikeshin. St. Petersburg, St. Petersburg Center for History of Ideas, 2002. 262 p. (In Russian)
- 21. Sokovnina V. V. Yazykovaya igra v sovremennoj literature nonsensa (na primere rasskaza Dzh. Lennona) [The language game in the modern literature of nonsense (for example, the story of J. Lennon]. *Novye podhody k izucheniyu semantiki* [New approaches to the study of semantics]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2012, pp. 69—74. (In Russian)

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-89

УДК 811.16; 304.2

О. Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск

Динамика русских культурных смыслов (на примере речевого употребления зоонима *попугай*)

В статье рассматривается изменение смыслового спектра зоонима «попугай». Цель работы — показать динамику культурных смыслов в современном русскоязычном речевом употреблении (на примере использования в речи анималистических образов), которую можно выявить с помощью методики анализа текстового окружения лексем, предполагающей следующие параметры: функция лексемы в тексте и особенность ее функционирования в нем. Новизна работы состоит в выявлении особенностей функционирования зоометафор в текстах. Методы исследования — метод анализа словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы. Материалом исследования явились примеры речевого употребления зоонима «попугай» из Национального корпуса русского языка. Под современным речевым употреблением в работе понимается употребление лексемы в текстах художественной и публицистической литературы XX—XXI вв. Исследование такого употребления позволяет определить изменение смыслового наполнения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Последнее и называется динамикой культурных смыслов.

Показано, что динамика культурных смыслов представлена не только в существенном расширении и детализации признаков, зафиксированных в словарях русского языка, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые принципиальны для описания человека. Анализ примеров употребления зоонима в речи демонстрирует процесс позитивизации переносного значения слова. Исследование функционирования зоонима «попугай» в разных типах контекстов выявило нейтрализацию анималистических признаков объекта и усиление антропологических.

Ключевые слова: культурные смыслы, зооним, современное речевое русскоязычное употребление, динамика, контекст.

O. N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic State University, Murmansk

Dynamics of Russian Cultural Meanings (on the Example of the Speech Use of the Zoononym *Parrot*)

89

[©] Иванищева О. Н., 2020

The article discusses the change in the semantic spectrum of the zoononym parrot. The purpose of the work is to show the dynamics of cultural meanings in modern Russian—language speech use (using animalistic images as an example), which can be identified using the methodology for analyzing the textual environment of lexemes, which assumes the following parameters: the function of the lexeme in the text and the peculiarity of its functioning in it. The novelty of the work consists in revealing the features of the functioning of the zoometaphors in the texts. Research methods — dictionary definition analysis method, component and contextual analyzes. The research material was examples of the speech use of the zoononym parrot from the National corps of the Russian language. Under modern speech use in the work is understood the use of a lexeme in the texts of fiction and journalistic literature of the XX—XXI centuries. The study of this use allows you to determine the change in semantic content depending on the specific speech situation. The latter is called the dynamics of cultural meanings. It is shown that the dynamics of cultural meanings is presented not only in a significant expansion and detail of the characteristics recorded in the dictionaries of the Russian language, but also in highlighting those features of the appearance and behavior of the bird that are essential for describing a person. An analysis of examples of the use of the zoononym in speech shows the process of positivizing the figurative meaning of the word. A study of the functioning of the zoononym parrot in different types of contexts revealed the neutralization of animalistic features of the object and the strengthening of anthropological ones.

Keywords: cultural meanings, zoononym, contemporary speech use in Russian, dynamics, context.

Введение. Актуальность работы обусловлена непреходящим стремлением ученых исследовать языковую картину мира конкретного языка как часть его культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка.

Культурные смыслы — идеациональные конструкты, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, то есть являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением) [1].

В рамках исследования принципиальными являются следующие принятые за основу положения: во-первых, деление культурных смыслов (культурно-специфических, по терминологии П. Н. Донец [2]) на лингвоспецифические (отражающие особенности системы языка) и дискурсивно-специфические (отражающие особенности речи на языке) [2, с. 21]; во-вторых, выделение в качестве атрибутов культурных смыслов их концептуальность и идиоматичность (об идиоматичности культурно-специфических смыслов как их

«понятности» для носителей иных культур см.: [2, с. 20]); в-третьих, наличие внутреннего (фоновых знаний) и внешнего (физического окружения) контекстов культурных смыслов [3].

Под современным речевым употреблением в настоящей работе понимается употребление лексемы в текстах художественной и публицистической литературы XX—XXI вв. Исследование такого употребления позволяет определить изменение смыслового наполнения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Последнее в данной работе и называется динамикой культурных смыслов.

Методы исследования, теоретическая база. *Цель* работы – показать динамику культурных смыслов в современном русскоязычном речевом употреблении (на примере использования в речи анималистических образов), которую можно выявить с помощью методики анализа текстового окружения лексем, предполагающей следующие параметры: функция лексемы в тексте и особенность ее функционирования в нем.

Объект исследования — зооним современного русского языка попугай. Предмет исследования — культурные смыслы, формируемые в текстовом пространстве русской лингвокультуры. Выбор объекта исследования обусловлен особым и разнообразным лингвокультурологическим потенциалом так называемой зооморфной метафоры, который изучен достаточно подробно на материале разных языков.

Исследование культурных смыслов, формируемых зооморфной метафорой, велось путем выявления особенностей семантики зоонимов (в том числе фразеологических компонентов-зооморфизмов) и специфики ее формирования. Отмечалось, что значения, представленные в словарях русского языка, не всегда представляют полную картину лексико-семантических вариантов, которые выявляются в речевом употреблении; что вторичные (переносные) значения зоонимов образуются в результате переосмысления признака и/или абстрагирования от других признаков (см., например: [4, с. 10, 36]). Особое внимание исследователи уделяют описанию истоков образного значения зоонимов, роли мифологической, фольклорной и литературной традиции в процессе отражения зоонимами картины мира определенного языка (см. анализ литературы в: [4]).

Тем не менее в обширном списке исследований до сих пор не представлены работы, где культурные смыслы, формируемые зо-

ометафорами, проанализированы с позиции их динамики, тенденции их развития. Такой подход предполагает выявление особенностей функционирования зоометафор в текстах. В этом состоит *новизна* данной работы.

Методами исследования явились метод анализа словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы. Материалом исследования явились примеры речевого употребления зоонима попугай (в количестве 100 единиц) из Национального корпуса русского языка¹. Использование этого источника является принципиальным для нашей работы, так как материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка (об эффективности такого инструмента, как корпус языка, см.: [5]).

Результаты исследования. *Постановка вопроса.* Изучение динамики культурных смыслов должно вестись, по нашему мнению, в направлении «язык \rightarrow речь», «норма \rightarrow узус». Поэтому необходимо представить закрепленные в словарях формулировки «информационных квантов», называемых смыслами, а затем исследовать реализацию этих смыслов в речевом употреблении.

Рассмотрим признаки, которые актуализируются в современном речевом русскоязычном употреблении при описании птицы попугай и при именовании попугаем человека. Эти признаки будут, по нашему мнению, составлять «каркас» языковой картины мира для данного сегмента зоонимов, перечень культурных смыслов, представленных в их динамике.

Согласно толковым словарям современного русского языка, актуальными признаками объекта *попугай*, зафиксированными в прямом и переносном значении слова, являются следующие: яркое, пестрое оперение, способность подражать человеческой речи (прямое значение); неспособность иметь собственное мнение (переносное значение) [6, с. 923; 7, с. 753; 8, с. 458; 9, с. 563; 10, с. 298]. Энциклопедические словари описывают разные виды птиц: волнистый попугай, серый попугай (жако), совиный попугай (какапо). Признаки, которые представлены в словарной статье энциклопедическо-

 $^{^{1}}$ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

го словаря и характеризующие этот отряд птиц, следующие: длина тела, территория проживания, окрас, неспособность к полету, способность к звукоподражанию, хорошая память [11, с. 943].

Анализ современного речевого употребления позволяет выявить дополнительные культурные смыслы, представленные анималистическими и антропологическими признаками объекта nonyгай. Под анималистическими признаками мы понимаем признаки птицы отряда попугаев, под антропологическими – признаки птицы, приписываемые человеку.

В речевом употреблении представлены следующие анималистические признаки как дополнительные актуальные культурные смыслы: окрас, поведение, продолжительность жизни.

При актуализации признака «окрас» упоминаются пестрый, белый, розовый, голубой и зеленый цвета. См., например: *Качаясь в кольце, сердито кричал, раздувая розовый хохол, большой белый по-пугай* (С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)¹).

При актуализации признака «поведение» подчеркивается привычка попугая болтать, запоминать звуки, наклонять голову, исполнять выученные действия. См. примеры: Неужто ему попугайчики дороже? Собака охраняет человека, а попугай только и делает, что тараторит (Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)); Остаются несомненные радости: старый попугай у Осоргиных, доверчиво склоняющий голову, чтобы я ему хорошенько почесал «загривок» (А. Д. Шмеман. Дневники (1973—1983)); Кому теперь вытягивать «счастье»? Попугай за пять копеек вытаскивал желающим зеленые, синие и красные билетики с напечатанными на них предсказаниями (К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)); Там собраны попугаи самых редких пород. Вам, конечно, известно, что попугай умеет запоминать и повторять человеческую речь. У многих попугаев чудный слух и великолепная память...(Ю. К. Олеша. Три толстяка (1924)).

При актуализации признака «продолжительность жизни» подчеркивается характеристика попугая как долгожителя. См. пример: Принадлежал он португальскому консулу, Антону Антоновичу Дауеру, — сказал Торопуло, — последнему представителю стариннейшей фирмы, торговавшей винами. У него был попугай, чуть ли не двухсотлет-

 $^{^1}$ Здесь и далее примеры из: Национальный корпус русского языка. URL: www. ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

ний, даже на этикетках фирмы изображен был этот попугай. Стал он своего рода живым гербом (К. К. Вагинов. Гарпагониада (1934)).

В речевом употреблении представлены следующие антропологические признаки птицы как дополнительные актуальные культурные смыслы: склонность к повторам, нелепым нарядам и внешнему виду, важничанью. См. примеры: Но я же сразу, сразу сказал! И повторял потом как попугай одно и то же... (А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001); Когда моей было 12 лет, я наслушалась её рассказов о девочках, приходящих в школу в самом что ни на есть «приличном виде» и первым делом мчащихся в, извините, дамский сортир, чтобы переодеться в нечто неудобоваримое и накраситься а-ля попугай (Наши дети: Подростки (2004)); Правда, тут важна золотая середина. Мужчина хорошо смотрится, когда он одет стильно, со вкусом, а не как попугай (Г. Агишева. Что украшает мужчину? // Труд—7. 2007. 14 августа); — Но у меня необязательная просьба: если можете, попробуйте прозой, а? Глебу показалось, что Генрих Иванович, как настоящий попугай, от гордости способен надувать грудь. — Напрасно меня, старого брюзгу, вы списываете в утиль, — важно пророкотал Генрих Иванович (А. Иванов. Комьюнити (2012)).

Разница между словарным представлением анималистических признаков объекта (яркое, пестрое оперение, способность подражать человеческой речи) и речевым употреблением (окрас пестрый, белый, розовый, голубой и зеленый; поведение (привычка болтать, запоминать звуки, наклонять голову, выполнять выученные действия)) заключается не только в расширении и детализации признаков, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые будут актуализированы впоследствии при описании человека.

При актуализации антропологических признаков переносное значение слова *попугай* (неспособность иметь собственное мнение, повторять чужие мысли и идеи) расширяется и обрастает дополнительными смысловыми оттенками (склонность к повторам, нелепым нарядам и внешнему виду, важничанью), что создает когнитивную базу для формирования инвективного потенциала. Однако анализ языкового материала показывает разнообразие примеров употребления зоонима *попугай* в неинвективной функции. Интерес к такому «развороту» — употребление инвективов в неинвективной функции — может и должно стать предметом отдельного исследования, но тот факт, что

«возросшая толерантность к употреблению инвективов вызвана не падением уровня речевой культуры, а успехом коммуникативных актов, в которых они используются» [12, с. 176], для нас очевиден.

Обсуждение результатов. Функции, которые выполняют зоонимы в тексте, представляются нами как характеризующая, инвективная и междометная (см. об этом: [13]). При этом культурные смыслы раскрываются в разном объеме.

При выполнении характеризующей функции зооним описывает человека со стороны его поведения, поступков и черт характера (крыса, козел, петух, верблюд, ехидна, овца, собака); а также внешнего вида (обезьяна, корова, свинья, бегемот, лань). Слово в характеризующей функции дает чаще всего отрицательную оценку человеку, но не побуждает его к действию, не воздействует на него.

Однако наши примеры показывают процесс позитивизации переносного значения зоонима в русскоязычной речевой практике. В этом смысле мы не согласны с утверждением о том, что «...процесс приобретения зоонимами переносного значения рано или поздно завершается оформлением этого значения как отрицательнооценочного» [4, с. 36].

См. пример: Моя сестра сейчас даже учителя нанимала, типа логопеда, — не помогло. А Камий избавилась от простонародного выговора сама («я хороший попугай»). И поступила в Сорбонну, причём даже не в университет, а в академию. Очень хорошо училась (К. Метелица. Фруска // Столица. 1997. 17 июня). Зооним «попугай» имеет переносное словарное значение с отрицательной коннотацией (неодобр. тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова [6, с. 923]; разг. презр. о том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения, о человеке, склонном к постоянному подражанию кому-л. [14, с. 473]). В приведенном выше примере отрицательная коннотация, однако, не представлена, более того, актуализирована положительная коннотация (хороший попугай). При этом для носителя русского языка и культуры понимание контекста не вызовет затруднений. В русскоязычном сознании зафиксирован признак «подражание», который и является ведущим в формировании смысловой сетки данного текста. Таким образом, отмечается смена смыслового вектора с отрицательного на положительный, так называемая позитивизация значения лексемы попугай.

Употребление зоонима в инвективной функции ставит своей целью добиться реакции от адресата оскорбления и подтверждения или повышения статуса оскорбляющего. Инвективным потенциалом обладают конструкции с обращением и сравнительные конструкции. Сравнительные конструкции со словом попугай представлены в толковых словарях (одеваться, как попугай; повторять что-л., как попугай [6, с. 923]) и отражают исконные культурные смыслы этого образа — быть одетым ярко, пестро; бездумно, монотонно говорить одно и то же, повторять чужие слова, мысли [6, с. 923]. Потенциал обращения также сосредоточен на намерении говорящего оскорбить адресата речи. См. пример: — Стреляй, наемный солдат! Убивай всех, попугай, свиное ухо! С занесенной тяпкой она бросилась на конвоира. Истерия женщин передалась и Гизатуллину (Г. Г. Демидов. Амок (1972—1980)). Употребление зоонима попугай в качестве обращения встречается довольно редко. Но исключение только подтверждает правило.

Основным признаком междометной функции зоонима является, с нашей точки зрения, реализация прагматической семантики этой группы слов. Это означает, что примеры со словом-зоонимом в междометной функции выражают не только отрицательную эмоцию презрения, но и прагматику отношения к объекту восприятия. Например: не надо слушать этого попугая [14, с. 473].

Таким образом, определение функции зоонима выявляет один из аспектов динамики культурных смыслов: исконное назначение зоонима давать отрицательную характеристику объекту в современном речевом употреблении при выполнении характеризующей функции может менять свой вектор на противоположный. Формированию такой коннотации способствует контекстное окружение. Потому важно определить типы контекстов, в которых встречаются зоонимы.

Исследование функционирования зоонима *попугай* в тексте выявило несколько типов контекстов, актуализирующих разные культурные смыслы: констатирующий, нейтрализирующий, стимулирующий (об этих типах см.: [15]).

Констатирующий контекст актуализирует признаки объекта, названного данным зоонимом.

См.: (1) — Не гуси, а попугаи. — Ты его, приятель, примечай, может, он заморский попугай... — Почему же попугаи? Очень скромно и удобно одеты (В. Аксенов. Звездный билет // Юность. 1961); (2) — У

тебя своих мозгов нет? Ты попугай — повторять за другими? — кричала она (М. Трауб. Домик на Юге (2009)). В примере (1) актуализирован исконный культурный смысл — «пестрая окраска попугаев», которая по отношению к человеку оценивается как отсутствие вкуса в одежде, а в примере (2) акцент сделан на признаке «бездумное повторение за кем-то» как характеристике попугая с точки зрения человека. Признаки птицы (животного, насекомого, рыбы) в таких контекстах антропоцентричны, то есть выделяют в представителе животного мира то, что важно человеку, что он видит как основное в поведении и внешнем виде животного.

Нейтрализующий контекст характеризуется тем, что основное внимание уделяется определению к слову, а не признакам объекта, названного данной лексемой. По сути, какой зооним в этом контексте употребить — неважно. Такие контексты обычно называются исследователями модифицирующими (см., например: [16]). Попугай при этом характеризуется как вареный (1), смазливый (2), талантливый (3), деревянный (4), что совершенно не характерно для данного отряда птиц. См. примеры: (1) Он прикрыл на мгновение микрофон рукой и быстро зашептал: — Что ты, как этот... попугай вареный. Включайся, импровизируй! (Н. Пеньков. Была пора // Наш современник. 2002. 15 июня); (2) ...эта накрашенная телефункционерша, смазливый попугай, наверное, вот так же несколько лет назад сообщала об очередной Звезде, приколотой выжившему из ума бориу за мир (А. Кабаков. Сочинитель (1990—1991)); (3) Ведь четыре месяца! А сегодня убедился, что дочка наша и в самом деле очень талантливый попугай. Несколько раз за последние дни, играя с Машкой, я наклонялся к ней, делал страшное лицо и рычал: «Хр-р-р». Сегодня утром подхожу к ней, наклоняюсь и вдруг слышу: «Хр-р-р-р» (А. И. Пантелеев. Наша Маша (1966)); — «Кресс-салат»? — повторяет он уныло, как деревянный попугай. — Да, «Кресс-салат»! — кричу я, уже охваченный творчеством, тем вдохновением, о котором так много говорят провинциальные читатели (А. И. Куприн. Травка (1912)).

Необходимо отметить, что сочетаемость с данными определениями-прилагательными не является распространенной в современном русскоязычном речевом употреблении. «Русский ассоциативный словарь» [17], например, называет следующие ассоциаты-определения к лексеме попугай: волнистый, желтый, глупый, нарядный, перистый, пустоголовый, безвредный, бурый, высочайший, голу-

бой, зеленый, известнейший, крошечный, кусачий, ленивый, мертвый, милый, надоедливый неинтересный, непохожий, обиженный, одинокий, полосатый, ручной, светский, серьезный, упрямый, ушастый, уродливый [17, с. 651]. Антропологизация культурных смыслов наблюдается уже в вышеперечисленных ассоциатах, речевое же употребление, представленное в контекстах, свидетельствует о следующей тенденции развития культурных смыслов: нейтрализации анималистических признаков и усилении антропологических.

В стимулирующих контекстах соотнесение признаков объекта, обозначенного зоонимом, с самим объектом требует когнитивного усилия: носителю языка и культуры понятен подтекст, если он осознает полную картину, знаком с концептами данной культуры, обладает фоновыми знаниями носителя данного языка. Ср. у К. И. Чуковского: «В нашем языке это слово (попугай. — О. И.) презрительное: «болтаешь, как попугай», «попугайничаешь», а в узбекской поэзии — это каноническое любовное обращение к девушке. Там постоянно: «ты — мой обожаемый попугай», «я готов умереть за один твой взгляд, о жестокий ко мне попугай», так что в данном случае дословный перевод уже потому не будет точным, что то слово, которое в атмосфере одного языка вызывает умиление и нежность, в атмосфере другого — презрительное фырканье, насмешку» (К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)).

См. примеры: (1) Еврей так же хорошо виден в городе Козельске, как амазонский попугай на Северном полюсе (Д. Маркиш. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // Октябрь. 2001); (2) И он тебе: Ланцелота. Ну попугай известно что за птица (Е. Л. Шварц. Дракон (1943)). В примере (1) подчеркивается невозможность географического совмещения двух реалий: птицы из Южной Америки и Северной «макушки» земли. Для русского сознания это несовместимые вещи — «Юг-Север». Подтекст отрывка обнаруживает многослойность замысла автора — указание как на географическую противоположность, так и на символическую значимость Северного полюса для русского народа. Ср.: Главная связующая среда России с Западом — это, конечно, интеллигенция, хотя и не одна она. Для России проблема «Восток — Запад» играет меньшую роль, чем связи «Юг — Север». На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так (Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993)). В примере (2) представлен образ птицы, тупо повторяющей слова, из чего герой Тюремщик делает вывод, что попугай, в отличие от других птиц, соглашается с тем, что видел Ланцелота. Пьеса Е. Шварца «Дракон» (1943) является сатирой на тоталитарный режим, поэтому образ попугая не просто сатира на человека без собственного мнения, а образ политического попугая, повторяющего одни и те же затасканные фразы. Ср.: Помню, что любит произносить пламенные речи и обычно говорит о чаяниях... Если кто способен сказать «чаяния», то ясно, что это политический попугай или человек с заношенными от природы мозгами (М. А. Алданов. Истоки. Части 9—17 (1942—1946)).

Особый интерес для изучения динамики культурных смыслов представляют сравнительные, разделительные и противопоставленные синтаксические конструкции. Лежащее в основе этих конструкций грамматическое значение сопоставления позволяет четче выявить интересующие нас культурные смыслы. Исследования в области изменения грамматики, связанные с культурной динамикой, показали, что, например, в классической художественной литературе сравнительный характер выражен менее ярко, читателю самому предлагается додумывать и достраивать образ в отличие от современной художественной литературы, где сравнительность выражена напрямую, явно видна и не требует от читателя явных усилий [18, с. 60]. Противопоставление понятий позволяет, в зависимости от намерения автора, нагляднее представить один из признаков (стилистический прием акротезы), сопоставить несхожие компоненты, определенные предварительно как схожие (прием аллойозы), сопоставить компоненты с переносным значением (прием антитезы) и т. д. Исследуемый материал показал, что попугай сравнивается в современном речевом употреблении с канарейкой и обезьяной (1) (по признаку «склонность к подражанию»), молодым месяцем (2) (по признаку «манера сидеть»), почтовым ящиком (3) (по признаку «окрас и привычка выпячивать грудь»), эхом (4) (по признаку «неприятный звук, издаваемый птицей») и пророком (5) по признаку «повторять, делать одно и то же, выученное раз и навсегда»). См. примеры: (1) Их, кажется, и не бывает, говорящих канареек. Канарейка ведь не попугай. Руслан слушает, кивает, но глазом следит за бабушкой, как будто на хоккее — кто победит? Вот она догнала их (Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987)); Хватит обезьянничать! Это не ребёнок, а какой-то попугай! Всё у сестры перенимает! И заставила Маню платок снять [И. Пивоварова. Однажды Катя с Манечкой (1986)); Скажет, я подражаю. Скажет, я обезьяна какаянибудь или там попугай. Ничего. Потом он узнает, кто с ним рядом сидит! (В. В. Голявкин. Рисунки на асфальте (1965)); (2) — На том месте, где садилась тарелка, лежал ровный, нетронутый снег. Они выбежали на крыльцо — молодой месяц, как попугай, сидел на ветке (С. Козлов. Новогодняя сказка // Мурзилка. 2003); (3) Около булочной важно выпятился желтый, как попугай, почтовый ящик (Г. Г. Белых. Дом веселых нищих (1930)); (4) — Лариса! Откуда-то снизу, быть может из того же ущелья, куда ее столкнул Михаил, мне ответило твердое, неприятное, как попугай, эхо (О. Д. Форш. Одеты камнем (1924—1925)); (5) Никакого «отражения жизни», никакого обоза, где плетутся слепые певцы, никакого «момента». Оно — ясновидящее, бунтовское, всегда о будущем, часто ведущее жизнь, но, конечно, уж постоянно смотрящее вперед, а не по сторонам, пророк, а не попугай (М. А. Кузмин. Скороходы истории (1920)).

Необходимо отметить, что менее традиционные сравнения птицы попугая с почтовым ящиком, эхом и пророком отмечены в художественной литературе 30-х гг. ХХ в. В современной художественной литературе преобладают устойчивые сравнения, зафиксированные в толковых словарях русского языка (одеваться, как попугай; повторять что-либо, как попугай [6, с. 923]) или их варианты (болтать, как попугай; наряжаться, как попугай). Причина «упрощения» образного потенциала, по нашему мнению, состоит в стремлении говорящего подстроиться под адресата сообщения, под его культурный уровень, объем его фоновых знаний (см. об этом: [18]).

Выводы. Динамика культурных смыслов как «информационных квантов», связанных с культурными объектами, обнаруживается в речевом употреблении и должно вестись в направлении «язык → речь», «норма → узус». Настоящее исследование показало, что при подходе «от языка к речи» и «от нормы к узусу» обнаруживается изменение смыслового спектра зоонима *попугай*. Речевое употребление зоонима выявлялось в текстах художественных и публицистических произведений, так как эти тексты презентативны и представлены в Национальном корпусе русского языка¹, исполь-

 $^{^{\}rm 1}$ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

зование которого соответствует принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка.

Выделение анималистических и антропологических признаков объекта попугай в современном речевом употреблении выявило тот факт, что динамика культурных смыслов представлена не только в существенном расширении и детализации признаков, которые зафиксированы словарями русского языка, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые принципиальны для описания человека. Более того, примеры употребления в речи зоонима попугай показывают процесс позитивизации переносного значения слова в русскоязычной речевой практике: исконное назначение лексемы попугай давать отрицательную характеристику объекту (инвектив) в современном речевом употреблении меняет свой вектор на противоположный (не-инвектив). Исследование функционирования зоонима попугай в таких типах контекстов, как констатирующий, нейтрализирующий и стимулирующий, выявило тенденцию нейтрализации анималистических признаков и усиления антропологических. Признаки птицы в констатирующих контекстах антропоцентричны, то есть выделяют в представителе животного мира то, что важно человеку, что он видит как основное в поведении и внешнем виде животного. В нейтрализующих контекстах исследуемый зооним используется в сочетании с прилагательными, которые свидетельствуют об антропологизации и обобщении культурных смыслов. В стимулирующих контекстах усилен аспект идиоматичности зооморфной метафоры, то есть их «понятности» для носителей иных культур (см.: [2, с. 20]). Употребление зоонима попугай в определенных синтаксических конструкциях (сравнительных, разделительных и противопоставленных) выявило тенденцию традиционного и нетрадиционного сопоставления объекта с другими реалиями культурной жизни этноса (почтовый ящик, пророк, эхо). Обнаружилось, что менее традиционные сравнения птицы попугая с почтовым ящиком, эхом и пророком отмечены в художественной литературе 30-х гг. ХХ в., тогда как в современной художественной литературе преобладают устойчивые сравнения, зафиксированные в толковых словарях русского языка. Этот факт подтвердил выдвинутое М. Н. Крыловой предположение, что «стилистическое однообразие обусловлено стремлением подстроиться под адресата речи, его понижающийся культурный уровень» [18, с. 62].

Таким образом, в качестве тенденций развития русских культурных смыслов исследование выявило его динамику в сторону позитивизации, антропологизации и упрощения стилистического разнообразия.

Библиографический список

- 1. Шейкин А. Г. Смыслы культурные // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. 448 с. URL: http://cult-lib.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/472.htm (дата обращения: 11.01.2020).
- 2. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 47 с.
- 3. Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 18—24.
- 4. Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 252 с.
- 5. Разумовская В. А., Кононова В. А. Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 37—46.
- 6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- 7. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1268 с.
- 8. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. 3-е изд., испр., перераб. М.: Мартин, 2011. 704 с.
- 9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- 10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. 3. П—Р. 1983. 752 с.
- 11. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2002. 1456 с.
- 12. Голодная В. Н. Неинвективные значения инвективов: семантическое развитие обсценной лексики в современном русском языке // Лучшая научная статья 2017: сборник статей XI Международного научнопрактического конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 174—176.

- 13. Иванищева О. Н., Болгова Е. В. Междометная функция зоонимов в современном речевом употреблении // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т.11. № 5. С. 108—118.
- 14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- 15. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 411 с.
- 16. Третьякова И. Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 192—197.
- 17. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. 992 с.
- 18. Крылова М. Н. Динамика средств выражения категории сравнения в области грамматики: лингвокультурологический аспект // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 56—63.

References

- 1. Shejkin A. G. Smysly kul'turnye [Cultural Senses]. *Kul'turologiya. XX vek: enciklopediya* / gl. red. i sost. S. Ya. Levit. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998. 448 p. (In Russ.) Available at: http://cult-lib.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/472.htm (accessed 11.01.2020)
- 2. Donec P. N. *Teoriya mezhkul'turnoj kommunikacii: specifika kul'turnyh smyslov i yazykovyh form. Avtoref. doctor. diss.* [The theory of intercultural communication: the specifics of cultural meanings and language forms. Abstr. doctor. diss.]. Moscow, 2005. 47 p. (In Russ.)
- 3. Leontovich O. A. Problema retranslyacii i adaptacii kul'turnyh smyslov [The problem of relaying and adaptation of cultural meanings]. *Vestnik MGU. Ser.* 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2008, no 2, pp. 18—24. (In Russ.)
- 4. Maslov A. S. *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke* (eksperimental'noe issledovanie). Cand. diss. [Zoomethaphors-invectives in modern Russian (experimental study). Cand. diss.]. Belgorod, 2014. 252 p. (In Russ.)
- 5. Razumovskaya V. A., Kononova V. A. Korpusnyj podhod k fiksacii novyh rechevyh yavlenij (na materiale leksemy knowledge) [The corpus approach to the fixation of new speech phenomena (based on the material of the lexeme knowledge)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*, 2016, no 1, pp. 37—46. (In Russ.)
- 6. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of Russian language] / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Saint-Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)
- 7. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language] / Pod red. D. N. Ushakova. Moscow, AST: Astrel', 2009. 1268 p. (In Russ.)

- 8. Bulyko A. N. *Bol'shoj slovar' inostrannyh slov* [Great Dictionary of Foreign Words]. 3-e izd., ispr., pererab. Moscow, Martin, 2011. 704 p. (In Russ.)
- 9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ.)
- 10. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] / pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkij yazyk, 1981—1984. Vol. 3. P—R. 1983. 752 p. (In Russ.)
- 11. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Saint-Petersburg, Norint, 2002. 1456 p. (In Russ.)
- 12. Golodnaya V. N. Neinvektivnye znacheniya invektivov: semanticheskoe razvitie obscennoj leksiki v sovremennom russkom yazyke [Noninvective meanings of invectives: the semantic development of obscene vocabulary in modern Russian]. *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2017*, 2017, Penza, ICNS «Science and Education», pp. 174—176. (In Russ.)
- 13. Ivanishcheva O. N., Bolgova E. V. Mezhdometnaya funkciya zoonimov v sovremennom rechevom upotreblenii [Interjection function of zoonyms in modern speech use]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2019, vol. 11, no 5, pp. 108—118. (In Russ.)
- 14. Himik V. V. *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* [Great Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech]. Saint-Petersburg, Norint, 2004. 768 p. (In Russ.)
- 15. Ivanishcheva O. N. *Leksikografirovanie kul'tury v dvuyazychnom slovare. Doctor. diss.* [Lexicography of culture in a bilingual dictionary. Doctor. diss.] Saint-Petersburg, 2005. 411 p. (In Russ.)
- 16. Tret'yakova I. Yu. Kul'turnye smysly frazeologicheskih komponentovzoomorfizmov medved' i volk [Cultural meanings of phraseological componentszoomorphisms bear and wolf]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2014, no 6, pp. 192—197. (In Russ.)
- 17. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Vol. II. Moscow, Astrel'; AST, 2002. 992 p.
- 18. Krylova M. N. Dinamika sredstv vyrazheniya kategorii sravneniya v oblasti grammatiki: lingvokul'turologicheskij aspekt [Dynamics of means of expression of the comparison category in the field of grammar: linguoculturological aspect]. *Yazyk i kul'tura [*Language and culture*]*, 2013, no 3 (23), pp. 56—63. (In Russ.)

УДК 008

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-105

И.В. Леонов¹, Г. Ройттер², И.В. Кириллов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург; ² Немецкая Евангелическо-лютеранская община св. Анны и св. Петра, г. Санкт-Петербург

Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX—XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества

Статья посвящена анализу трансформаций сакральных мест культуры России в ходе истории XX—XXI вв. В качестве рассматриваемого материала выбраны памятники религиозного зодчества, претерпевшие особенно существенные метаморфозы, ставшие следствием политических, идеологических, урбанизационных и иных процессов в отечественной культуре обозначенного периода. Показаны основные векторы трансформаций культовых сооружений, связанные с народно-хозяйственными и культурнопросветительскими нуждами. Приведены многочисленные исторические примеры обозначенных трансформаций. Затронут зарубежный опыт приспособления культовых зданий под иные нужды.

В качестве отдельного примера рассматривается историческая «биография» лютеранской Петрикирхе (г. Санкт-Петербург). В ХХ—ХХІ вв. памятник испытал достаточно сильные воздействия истории, существенно менявшие его форму и «смысловую ауру». Указывается, что многие воздействия истории на памятник «наслаиваются» друг на друга, впитываются в его «ткань», становясь неотъемлемой частью его биографии, во многом усиливая и обогащая историко-культурную структуру сооружения. На этом основании делается вывод, что «следы» различных периодов истории могут представлять как минимум интерес, а порой и ценность, поскольку, став частью судьбы памятника, они отражают его судьбу, «страдания», которые он перенес, а также глубокую сопричастность отечественной истории, включая ее различные периоды.

Ключевые слова: артефакт, культовое здание, сакральное место, «многослойный» артефакт, «страдающий» артефакт, смысловая аура, патина времени, культурное наследие.

[©] Леонов И. В., Ройттер Г., Кириллов И. В., 2020

I. V. Leonov¹, G. Reutter², I. V. Kirillov¹

¹ St.-Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg; ² German Evangelical Lutheran community of St. Anna and St. Petr, St. Petersburg

Transformation of Forms and «Semantic Aura» of Sacred Places in the Culture of 19—21 century Russia: the Case Study of Religious Architecture Monuments

The article is devoted to the analysis of transformations of sacred places of culture in Russia during the history of the 19th — 21st centuries. For the material under consideration we selected monuments of religious architecture that have undergone particularly significant metamorphoses which were the result of political, ideological, urban and other processes in the national culture of the designated period. The main vectors of transformation of religious buildings related to national economic and cultural and educational needs are shown in the article. Numerous historical examples of the indicated transformations are given. The foreign experience of adapting religious buildings to different needs will be affected.

As a separate example, the historical «biography» of the Lutheran Petrikirche (St. Petersburg) is considered. In 20th — 21st centuries this monument underwent in rather strong influences of history which significantly changed its form and «semantic aura». It is pointed out that many of the effects of history on this monument «overlap» each other, absorb in its «fabric», while becoming an integral part of its biography, greatly enhancing and enriching the historical and cultural structure of the monument. On this basis, it is concluded that the «traces» of various periods of history can be of the least interest, and sometimes even value since becoming a part of the fate of the monument they reflect its fate, the «sufferings» that it has suffered as well as its deep involvement in the national history, including its various periods.

Keywords: artifact, cult building, sacred place, «multi-layered» artifact, «suffering» artifact, semantic aura, patina of time, cultural heritage.

Развалины Рима дают могущественное и волнующее чувство вечности. <...> Много увидите вы в Риме храмов сложного строения, совмещающих несколько культовых и культурных эпох. На развалинах древнего языческого храма построен храм первохристиан, а на нем позднейший христианский храм. Таков, например, прелестный храм St. Maria in Cosmedin и более известный St. Clemento. Это дает исключительное чувство неистребимой, вечно пребывающей реальности истории [1, с. 96—97].

Н. А. Бердяев

Введение. Историко-культурное наследие представляет собой достаточно богатую и разнообразную сферу памятников, относимых к самым разным типам. Особую группу в обозначенном типологическом многообразии составляют памятники, материальные формы и ценностно-смысловая «аура» которых претерпели определенные изменения, относимые к сфере неорганических. Речь о тех артефактах, которые вследствие воздействия истории пережили радикальные трансформации, «деформировавшие» их как на материальном, так и на духовном уровне.

Среди указанных памятников отдельную группу составляют сакральные места и культовые сооружения, наличие которых характерно для всех этапов истории человечества. На протяжении веков в контексте межкультурных взаимодействий, а также внутрикультурных преобразований указанные памятники, отражая воздействие конкретно-исторических обстоятельств, претерпевали всевозможные метаморфозы и «травмы». Поврежденные памятники с особой силой воздействуют на зрителя, являя свой исторический опыт и перенесенные «страдания»; ценность порой имеют даже те следы, которые относятся к «нелюбимому прошлому» и свидетельствуют о пережитом травматическом опыте. Указанные воздействия истории зачастую обладают большой ценностью, так как иллюстрируют многослойность историогенеза памятников культуры и знаковых событий, к которым они имеют отношение [2].

Отпечатки времени, которые неизбежно остаются на памятниках, создают своего рода летопись, повествующую о биографии памятников и о временах, оказавших на них воздействие. Такие летописи являются своего рода «текстом в камне»; при этом они могут восприниматься как нечто деформирующее памятник и противоречащее его природе; с другой стороны, они нередко содержат значимые свидетельства, усиливающие памятник и дающие нам важные сведения об ушедших эпохах. В данном случае показательно мнение Г. Лебона, который отмечал: "Каменные книги — самые ясные из книг, единственные, никогда не лгущие, и на этом основании я им отвожу главное место <...>. Я всегда питал большое недоверие к литературным документам. Они часто вводят в заблуждение и редко научают. Памятник никогда не обманывает и всегда научает" [3, с. 88—89].

Для отечественной истории Новейшего времени, динамика которой, по мнению И. В. Кондакова, характеризуется периодически-

ми «тектоническими сдвигами» и по сути своей преимущественно не непрерывна, а дискретна, характерна "резкая смена культурных парадигм; время от времени назревающая ломка общественно-исторического уклада и социально-политического устройства страны" [4, с. 293]. По мнению ученого, такая форма макродинамики культуры России характеризуется архитектоническими перегруппировками ценностно-смысловых оснований культуры, определяющими весь ее строй на тот или иной момент истории. Культовые сооружения, являющиеся важнейшей частью российской национальной культуры, отражая воздействие данных «разломов», переживали обозначенные выше трансформации в достаточно выраженной и резкой форме.

Методы исследования, теоретическая база. Основу анализа различных векторов трансформаций культовых сооружений в отечественной культуре XX—XXI вв. составил синтез органистического и тесно связанного с ним архитектонического подходов, позволяющих изучать «исторические биографии» памятников в единстве их разновременных состояний, даже если таковые во многом противоречат друг другу. Такой подход позволяет фиксировать усложнение патины изучаемых памятников, которая «впитывает» множественные следы времени; памятники преобразуются под воздействием времени подобно «организмам» (точнее «организованным единствам» в гетевском видении). Памятники как историко-культурные целостности, трансформирующиеся во времени, накапливают определенный «опыт», порой выраженный в их неорганических изменениях и сопутствующих «страданиях», достаточно сильно усложняющий их форму и смысловую ауру, что в определенной степени повышает интерес к ним со стороны широкой общественности и научного сообщества.

Результаты исследования. Революционные преобразования, произошедшие в России в первые десятилетия XX в., имели ярко выраженную атеистическую направленность, сказавшуюся на культурообразующих аспектах традиционных верований и религий. Как следствие, многие (но не все) памятники, сопричастные указанным сферам, подверглись различного рода неорганическим трансформациям либо были уничтожены. При этом «ткань» многих памятников так или иначе (порой невольно) впитывала указанные воздействия, включая в свою историко-культурную структуру новые

«осадочные породы» (в терминологии А. Рибера [5]). В контексте массового сознания в отношении трансформаций указанной группы памятников на протяжении всей истории СССР и постсоветского времени существовали неоднозначные оценки, в том числе и откровенно антирелигиозные и пренебрежительные, которые в отдельные периоды преобладали. Кроме того, были оценки более сдержанные и нейтральные либо находящиеся вне пределов указанного дискурса, во многом основанные на непонимании изначального статуса и предназначения рассматриваемых памятников.

Изучая позиции, бытовавшие в советской культуре относительно верований, необходимо подчеркнуть, что каждая из них имела под собой историко-генетические предпосылки и почву. Атеистический вектор был тесно связан с присутствовавшей в российском революционном движении, начиная с народовольческих времен (1860—1870-е гг.), откровенно антирелигиозной составляющей. Подобная тенденция явно проявлялась в советской культуре с момента ее основания и большую часть времени доминировала на официальном уровне. При этом в контексте советской истории, даже в рамках господствующего атеистического вектора, происходило обращение к сакрально-религиозным ценностям культуры, что явно свидетельствует о том, что идущие из прошлого культурогенетические структуры не могут быть окончательно отвергнуты даже в том случае, если они явно противоречат той или иной форме современности либо нивелируются ею. В данном вопросе показательным является процесс возращения в 1930—1940-х гг. отечественной культуры ко многим системообразующим аспектам собственной истории, ставка на которые в первые послереволюционные годы была достаточно слабой, уступая место политике Интернационала. Особенно ярко такие тенденции стали проявляться в годы Великой Отечественной войны, а также в последующее время. В качестве примера можно назвать агитпродукцию военных лет, прежде всего плакаты, отсылающие к традиционным для русской культуры образам и символам (в том числе и религиозным), а также к историческим личностям, служащим эталоном борьбы против врагов Отечества, в том числе и к некоторым князьям, царям, императорам и полководцам (Александру Невскому, Дмитрию Донскому, А. В. Суворову, М. И. Кутузову и др.). Кроме того, обращают на себя внимание насыщенная реминисценциями традиций русской культуры военная лирика К. М. Симонова и А. Т. Твардовского, военная публицистика А. Н. Толстого и мн. др.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо указать, что в пространстве советской культуры антирелигиозная компонента, которая была официально провозглашена и активно внедрялась в массы, так и не получила всеобщего принятия. Трансформации некоторых объектов (например, перестройка в крематорий Серафимовского храма московского Донского монастыря и проекты строительства крематория на территории петербургской Александро-Невской лавры [6]) воспринимались значительной частью населения не иначе как кощунственные. Здесь следует указать, что культурогенез являет собой процесс постепенного напластования и взаимопроникновения различных «годовых колец» истории, которые вступают друг с другом во взаимодействие и во многом определяют характер последующих напластований. И какими бы ни были будущие смещения культурогенетических цепочек, прошлое всегда остается фундаментом настоящего и будущего, зачастую довлея над культурой в латентных или явных формах.

Особенно отчетливо влияние прошлых культурогенетических состояний прослеживается в больших системах, которые по сути своей весьма инерционны. Есть все основания утверждать, что «геном» традиционных и религиозных верований в известной степени сохранялся и воспроизводился на всем протяжении советской истории, порой обретая формы скрытые и неявные даже для носителей данного «генома» (так, во время переписи 1937 г. 57 % граждан СССР старше 16 лет, несмотря на возможные санкции, указали себя как верующих [7; 8]; советским руководством это было воспринято как неуспех «безбожной пятилетки»). Представление о том, что традиционные верования и религии бытовали в советской культуре в качестве атавизмов «старого режима» и их адептами были преимущественно представители старших возрастных групп (бабушки, которые крестили внуков втайне от их родителей и готовили на Пасху куличи), не выдерживает критики.

Помимо названных бинарных составляющих, интерес вызывает третья составляющая, весьма распространенная в советской культуре и выходящая за пределы дискурса, рождаемого указанными оппозициями. Речь идет о религиозно-индифферентных представителях советского общества, которые номинально были вос-

питаны в атеистической традиции, но не вполне воспринимали ее ценностные установки и не придавали большого значения религиозному фактору, считая его рудиментом. Эти люди в массе своей не были вовлечены в религиозную традицию и не имели возможности видеть ее изнутри. Такая отстраненная позиция выводила ее представителей за рамки вышеуказанной бинарной оппозиции.

Возвращаясь к заявленной теме, отметим, что в контексте официальной атеистической направленности советской культуры многие культовые сооружения лишались своего сакральнорелигиозного статуса, подвергаясь разного рода перестройкам, которые влекли за собой изменение их ценностно-смыслового и функционального строя. Анализируя характер данных трансформаций, можно отметить, что они имеют под собой определенную логику, связанную со сложным переплетением различных составляющих конкретно-исторических реалий, комбинаторика которых зачастую определяла судьбу артефактов.

Важно заметить, что обмирщение культуры, сопряженное с перепрофилированием культовых зданий под светские нужды, стало в век модерна общей тенденцией для всех европейских стран; нельзя назвать это явление исключительно советским — хотя, разумеется, трансформация культовых зданий в России происходила неизмеримо более болезненно и драматично, чем в любом другом европейском государстве (исключая, возможно, Албанию 1960—1980-х гг.). Множество храмов в Западной Европе и США перестроены под жилые дома, отели (отель «Priory» в американском Питтсбурге находится в здании бывшего бенедектинского монастыря), концертные залы («Altar Bar» в том же Питтсбурге; название рок-клуба, находящегося в здании бывшей католической церкви, даже религиозно индифферентным людям может показаться провокативным или даже кощунственным), театры (театр «Quarry», Бедфорд, Великобритания), библиотеки, производственные помещения, офисы (пример — компьютерный центр в здании барселонской часовни Торре Жирона, расположенной на территории политехнического университета), рестораны, и даже скейт-парки (бывшая церковь святой Варвары в испанской Льянере), и даже цирки...

Переходя к рассмотрению общих тенденций и закономерностей неорганических изменений форм и ценностно-смысловых составляющих культовых сооружений, необходимо выделить два век-

тора, которые определяли данные изменения. Первый из них выражался в акценте на общественно значимую функцию религиозных сооружений при их перестройке. Указанный вектор конкретизировался в реализации политико-идеологической, просветительской и досугово-рекреационной составляющих советской культуры. Большинство культовых зданий традиционных для России конфессий по сути своей были общественными зданиями, вмещали много людей; их внутреннее устройство было рассчитано на реализацию общественных функций, в частности на трансляцию духовных аспектов культуры, что находило выражение в грандиозных, масштабных внутренних формах зданий и осуществлялось путем воздействия визуальных, аудиальных и ароматических составляющих, комплекс которых позволял эффективно транслировать и прививать значимые компоненты духовной культуры. Отмеченные аспекты в их функциональном виде были сохранены и во многих перестроенных в советское время культовых зданиях, которые модернизировались для трансляции указанных выше аспектов советской культуры, что было весьма показательно.

Анализ трансформаций форм и смысловой ауры сакральных мест и религиозных памятников, относящихся к советскому времени, показывает, что в рамках рассматриваемого вектора официальные практики преобразования указанных артефактов обнаруживают устойчивые тенденции, во многом связанные с их общественной нагрузкой, с трансляцией мировоззренческих и поведенческих императивов. Так, реализуя марксистско-ленинскую концепцию культуры как части надстройки, руководство страны ставило своей целью создание нового советского человека, в том числе и посредством трансформации культовых сооружений, наделяя их функцией транслятора советской идеологии, которая призвана была определять практически все стороны жизни. Как следствие, одним из основных направлений изменения функционального предназначения многих храмов было их преобразование в общественные пространства нового типа, где прививались основы культуры социалистического общества (в его советском видении); в качестве таких пространств выступали дворцы и дома культуры, а также клубы и другие подобные заведения. В данных центрах осуществлялась комплексная организация совместных форм деятельности граждан вне рабочего времени, в том числе досуга и самодеятельности.

Жизнь советского человека во многом должна была протекать в общественных пространствах, в качестве которых нередко выступали бывшие культовые здания, которые ранее транслировали религиозные идеи. К примеру, была перестроена под клуб петербургская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры на пр. Стачек. Достаточно часто культовые здания, принадлежащие разным конфессиям, перестраивали под кинотеатры; подобная участь постигла, например, петербургскую Анненкирхе и кирху Преображения Господня в Зеленогорске (Териоках).

Кроме того, помещения храмов становились основой для создания различных образовательных и просветительских центров. Отмеченное функциональное предназначение во многом определялось особенностями архитектуры церковных зданий. Так, одной из распространенных форм трансформации культовых памятников стало создание в них планетариев (особенно это касалось храмовых зданий крестово-купольного и неовизантийского типов, но не только: например, в Оренбурге и Владикавказе в планетарии были преобразованы мечети, в г. Херсоне (Украина) — синагога). Порой такого рода проекты переоборудования церквей сопровождались сравниванием с землей примыкающего к храму кладбища и переоборудованием освободившегося пространства в парк культуры и отдыха (принципиально новый тип культурно-досуговых пространств, появившийся в СССР в 1920-е гг. и получивший большое распространение в последующие десятилетия) либо в сквер. Устроение планетариев в храмах было во многом показательно: религиозной картине мира противопоставлялась научная астрофизическая картина мира, не допускавшая наличия бога.

Еще одним проявлением данного вектора стало создание на основе храмов музеев, спортивных и образовательных учреждений. Петербургская церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (Лесной пр.) превратилась в спортивный зал, Никольская единоверческая церковь (ул. Марата) — в Музей Арктики и Антарктики; в здании церкви святого Александра Невского (ул. Правды) находятся аудитории Института кино и телевидения; в здании Успенской церкви (наб. Лейтенанта Шмидта) в советское время действовал каток. В лишенном креста Казанском соборе до 1990-х гг. находился Музей истории религии и атеизма, а на его фасаде в 1930—1940-х гг. нередко размещали агитационные плакаты; это вообще было одной из ха-

рактерных примет довоенного Советского Союза — «бесчисленные ограды церквей и монастырей предоставляют наилучшие площади для плакатов» [9, с. 196]. Фотографии Казанского собора, сделанные в 1930-х гг., могут удивить наших современников: так, на фото 1934 г. у собора размещена масштабная экспозиция, посвященная челюскинцам, на фасаде собора размещен большой портрет Сталина, меньшие по размерам портреты героев-полярников, макеты аэропланов и славящие полярников лозунги, а на куполе собора, лишенном креста, развевается красный флаг. Рядом с колоннами Казанского собора были размещены стационарные книжные киоски, в которых продавали, в частности, техническую литературу и учебники для ВТУЗов; киоски также были снабжены агитационными плакатами («Вооружим творческую инициативу масс глубоким знанием техники» и т. д.). Подобным образом использовали и здание Исаакиевского собора: во время больших советских праздников на нем зажигали праздничное освещение, включающее светящиеся надписи агитационного содержания. Церковь Милующейся иконы Божией Матери в Галерной гавани (Большой проспект Васильевского острова) стала школой водолазов; внутри церкви был оборудован бассейн для подготовки водолазов-спасателей, барокамера и т. д.

Другой вектор, определявший перестройку культовых сооружений, был непосредственно связан с народно-хозяйственными и административными нуждами. Примерами таких перестроек является приспособление культовых зданий под складские помещения, архивы, производственные цеха и т. д. Петербургская церковь Тихвинской иконы Божией матери на ул. Карташихина превратилась в Гаванский универмаг, церковь Казанской иконы Божией матери (ул. Подрезова) обратилась в конструктивистский жилой дом, церковь преподобного Алексия Человека Божия (Чкаловский пр.) стала цехом завода «Измеритель».

Примечательна история здания Воскресенского Смольного собора в Санкт-Петербурге. В советское время в нем размещался склад театральных декораций, существовал проект устройства в здании собора планетария. В 1940-х гг. под зданием собора был оборудован бункер, который во время блокады использовался политическим руководством города как укрытие и рабочее помещение; бункер функционировал и после войны, в 1960-х гг. он был оснащен системами противоатомной защиты. В 1970—2000-х гг. здание Смоль-

ного собора использовалось как концертно-выставочный зал [10, с. 7—9]. Таким образом, Смольный собор отразил несколько практик перестройки и приспособления культовых зданий. В 2009 г. в соборе возобновились богослужения, а в 2016 г. здание было возвращено Русской православной церкви.

Стоит отметить, что в ряде случаев пространство переделанных зданий использовалось для сохранения и спасения жизней. Так, московский Храм Троицы Живоначальной при бывшем Шереметевском странноприимном доме был в 1923 г. передан Институту травматологии и неотложной помощи (ныне НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского). В Петербурге в советское время медицинские учреждения располагались в помещениях Церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Лахтинская ул.), в Пантелеймоновской церкви (Свердловская наб.), в другой Пантелеймоновской церкви (Фермское ш., комплекс зданий психиатрической больницы им. Скворцова-Степанова); во флигеле, в котором ранее жили члены причта и сторожа Владимирской церкви; во время Великой Отечественной войны госпиталь размещался и в корпусах петербургской Александро-Невской лавры. По сию пору используются для медицинских целей часовня Петропавловской больницы (наб. Льва Толстого), немецкая лютеранская церковь Христа Спасителя (Лиговский пр.), церковь во имя царицы Александры в Царском Селе.

Как уже было выше отмечено, трансформация церковных зданий для светских нужд, в которой часть советских людей видела оптимистический пафос преобразования общества, строительства нового счастливого будущего, объективно коробила священнослужителей и многих мирян — даже в том случае, если культовое здание впоследствии использовалось для благородных целей. В данном случае мы имеем дело со сложной этической проблемой, с вопросом, на который невозможно дать ответ, который был бы однозначно принят российским обществом... Можно лишь отметить, что в условиях советского периода перестройка храмового здания для светских нужд, передача культового здания какой-либо организации, предприятию, учреждению нередко была, к сожалению, единственной возможностью спасти его. Так, архитектор А. П. Изоитко, руководивший в 1950—1960-х гг. перестройкой петербургской Лютеранской церкви святых Петра и Павла, вспоминал о том, как решалась судьба церковного здания в условиях советского времени: «Я видел состояние интерьеров церкви — оно было ужасным: обвалившиеся хоры, местами пробитые своды. <...> Государственная инспекция по охране памятников, которая всячески опекала здание, прилагала все усилия к тому, чтобы оно попало в руки богатого и заинтересованного в сохранении сооружения "хозяина"» [11, с. 72, 70]. Подобных свидетельств, относящихся к культовым зданиям, можно привести немало.

История трансформаций Лютеранской церкви святых Петра и Павла (Петрикирхе) — крупнейшей и известнейшей петербургской протестантской церкви — представляет большой интерес.

Немецкая община существовала в Санкт-Петербурге с самого основания города; на протяжении долгого времени немцы были второй по численности этнической группой в городе, уступая только русским. Немцы были представлены во всех стратах петербургского общества: как среди высших военных и государственных деятелей (достаточно вспомнить имена Х. Миниха, Е. Канкрина, П. Клейнмихеля, Э. Тотлебена, Н. Гирса, В. фон Плеве, С. Витте), ученых (Ф. Миллер, П. Паллас), людей искусства (Н. Гербель, Ю. Фельтен, К. Тон, Т. Брюллов, В. Шретер; созданная П. Клодтом скульптурная группа «Укрощение коней человеком» стала одним из символов Санкт-Петербурга), так и среди рядовых петербургских обывателей. Так как большинство петербургских немцев были лютеранами, основными храмами, которые они возвели, были кирхи.

Петрикирхе находится в центре Санкт-Петербурга, между Большой и Малыми Конюшенными улицами, на участке, который в 1727 г. подарил немецкой общине император Петр II [12, S. 16]. Первое здание Петрикирхе на этом участке было построено в 1728—1730 гг. К 1830-м гг. здание обветшало, и в 1833—1838 гг. архитектором А. Брюлловым (братом знаменитого художника) была возведена современная каменная церковь, содержащая черты позднего классицизма и романтического стилизаторства. По своим техническим характеристикам здание церкви было на тот момент уникальным для России; при его постройке применялись новаторские технологии каркасно-стенового строительства.

Петрикирхе является подлинным украшением Санкт-Петербурга; даже советские эксперты, которые действовали в период государственного атеизма, характеризовали храмовое здание так: «высокий образец синтеза архитектуры и скульптуры, с большим мастерством вписано в общий ансамбль Невского проспекта <...> один из интереснейших его участков» [13; копия справки хранится в архиве Петрикирхе]. В убранстве кирхи выделялись находящиеся в алтаре картины Г. Гольбейна (Младшего) «Иисус с Фомой неверующим» и К. Брюллова «Распятие», а также круглые изображения святых Петра и Павла, тоже выполненные К. Брюлловым. Помимо этого, церковь была украшена витражами работы Ш. Келльнера и Г. Мартина. В 1840 г. в Петрикирхе был установлен орган фирмы Валькер — в то время самый большой в России.

Во второй половине XIX в. жизнь церковной общины была весьма динамичной, ее численность достигала 18 тыс. человек. Кирха была множеством нитей связана с общественной и культурной жизнью Санкт-Петербурга и России в целом. При кирхе функционировала Петришуле, которая являлась одной из самых знаменитых и славных петербургских школ (выпускниками Петришуле, в частности, были П. Вяземский, К. Росси, Н. Бенуа, М. Мусоргский, П. Лесгафт, адмиралы П. Чичагов и Л. Кербер, основоположник советской кибернетики А. Берг и др.). В Петришуле выступали с лекциями Д. Менделеев, Н. Бекетов, К. Кавелин, И. Сеченов и другие знаменитые ученые. У органиста Петрикирхе Г. Штиля в 1863—1865 гг. занимался П. Чайковский. Достойно внимания также и то, что при Петрикирхе существовали благотворительные организации: воспитательные дома для сирот, Общество попечительства над бедными.

Судьба церковного здания была непростой. В 1883 г. Петрикирхе была серьезно реконструирована архитектором Р. Бернгардом: мягкий грунт и разница в давлении на него вызвали осадки стен и привели к появлению в них трещин, потребовалось укрепление кирхи с помощью стальных затяжек. В 1890-х гг. последовала вторая реконструкция (под руководством архитектора М. Месмахера), в ходе которой был сильно изменен интерьер кирхи. Реконструкторы, преследуя цель привести к единству различные элементы храмового интерьера, действовали весьма радикально: вся церковная роспись, выполненная в 1830-х гг. художником-декоратором И. Дроллингером по рисункам А. Брюллова, была уничтожена и заменена на новую яркую полихромную роспись по рисункам М. Месмахера — в традициях зрелого эклектизма.

К концу XIX в. численность немецкой общины Петербурга превышала 40 тыс. человек; действовали многочисленные немецкие культовые сооружения, общественные организации, национальные школы, выходили газеты на немецком языке.

Первая мировая война нанесла тяжелый удар по социальному статусу российских немцев — несмотря на то, что большинство из них были лояльными подданными российского императора. За мировой войной последовали революционные потрясения. Эмиграция немцев из Петербурга-Петрограда, которая началась еще в начале XX в., с 1918 г. приняла обвальный характер. Число прихожан резко сократилось.

1930—1940-е гг. были для российских немцев тяжелым временем. Немецкая община Ленинграда, в том числе и прихожане и служители Петрикирхе, жестоко пострадала от репрессий 30-х: так, пастор Петрикирхе П. Райхерт был расстрелян, а его предшественник Г. Берендтс умер в лагере. В 1941—1942 гг. ленинградские немцы оказались в ссылке, преимущественно в Сибири и в Казахстане. Только во второй половине 1950-х гг. уцелевшие немцы смогли вернуться в Ленинград.

Петрикирхе — в числе других лютеранских церквей — была закрыта в конце 1937 г. На долгие десятилетия здание Петрикирхе «ушло из памяти города как церковное» [14, с. 14]. Сперва помещение церкви превратилось в склад концертного объединения «Ленгосэстрада», затем в нем экспонировалась выставочная панорама «Северный полюс», потом здание использовалось для хранения театральных декораций. Все представляющие художественную ценность предметы были переданы в музеи, внутренняя отделка здания сильно пострадала.

Следует отметить, что кирхи (равно как и культовые здания, принадлежавшие другим конфессиям) выполняли не только сугубо религиозную, но и общественно-интегративную, а также многие другие функции, являясь «центрами притяжения» и гармонизации жизни соответствующих общин. Культовые здания и приходская жизнь служили основой «старого порядка» и обеспечивали устойчивость межпоколенной трансляции культуры. Последующие болезненные трансформации и ликвидации указанных центров существенно повлияли на историогенез соответствующих социокультурных систем.

В 1956—1963 гг. по проекту А. Изоитко и Л. Онежского храм был перестроен, перепланирован и превращен в плавательный бассейн. Подобное перепрофилирование культового сооружения является для бывшего СССР редким, почти исключительным; авторы располагают сведениями только о двух храмах, которые были превраще-

ны в плавательные бассейны; помимо Петрикирхе, такая участь постигла также православный собор Святого Николая Чудотворца в г. Бобруйске (Белоруссия). Использование Петрикирхе в качестве бассейна повлияло на здание: стал подмываться фундамент, оседали несущие колонны и стены, появились трещины в кирпичной кладке, отваливалась штукатурка.

В 1993 г. здание Петрикирхе было возвращено Евангелическолютеранской церкви. В последующие годы под руководством Ф. Венцеля и И. Шапарана была проведена техническая реставрация, в ходе которой был реконструирован интерьер, практически утративший историческую отделку. В ходе первого этапа реставрации бетонная чаша бассейна оказалась нетронутой; над ней на стальных несущих балках настелили новый пол. Сохранились и спортивные трибуны с деревянными скамьями; новые входы в церковный зал были врезаны в конструкцию трибун.

Ф. Венцель и С. Венцель писали, что история оставила в здании Петрикирхе многочисленные материальные свидетельства прошлого: «Как нам следовало с ними обходиться? Вместо того чтобы их разрушить или удалить, мы решили включить их в проект и приспособить к новым нуждам. <...> Вопросы дальнейшего признания перестроек советского времени, смягчения звучания их тогдашнего назначения, постепенного, но неуклонного преодоления прошлого — об этом возникало много дискуссий и принципиальных разговоров. <...> Согласно нашим представлениям, церковь существует во времени, и этот факт мы хотели сделать явным <...>. Может быть, Петрикирхе окажется примером и поможет другим, жить рядом со свидетельствами прошлого» [15, с. 90], даже если это прошлое, по мнению автора, противоречиво. Ф. Венцель и С. Венцель также свидетельствуют: «Нельзя реставрировать то, чего ранее не существовало. Поэтому во время реставрационных работы не были привнесены какие-либо историзованные декоративные моменты» [15, с. 86] (в цитатах сохранена орфография и пунктуация оригинала).

Таким образом, на сегодняшний день мы видим здание действующей церкви, частично реконструированное, однако включающее недействующую бетонную чашу бассейна и спортивные трибуны. Данное решение выглядит неоднозначно, ибо здание функционирует как храм, однако в его пространстве сохраняются различные «наслоения истории», которые многими воспринимаются как чужеродные. Данное состояние памятника высвечивает еще большую

теоретико-методологическую проблему, связанную с исторической многослойностью многих сложных артефактов и проблемой выявления их эталонных состояний. С одной стороны, есть стратегия восприятия памятников историко-культурного наследия как «статичных» объектов, которым свойственно одно «эталонное» состояние, максимально выражающее их естество. Такого рода подход является наиболее очевидным и простым для восприятия артефактов как выражений определенных авторских замыслов, или «эйдосов». Либо данные памятники могут представать как некие статичные объекты, одномерное восприятие которых обусловлено различными факторами, включая политико-идеологический контекст, специфику ценностно-смысловой сферы культуры, стереотипы и «ожидаемые образы», влияние моды и другие факторы, способствующие конструированию представлений об историко-культурной реальности памятников на уровне фиксации их «эталонных состояний». Именно данный подход рождает простые и одномерные решения в отношении судеб памятников, имеющих сложную историко-культурную структуру, отраженную в метаморфозах их материальной формы и смысловой ауры. В рамках данного подхода патина времени воспринимается не как свидетель истории, а как чужеродный налет, противоречащий природе памятников и искажающий их, а потому приговоренный к расчистке, несмотря на то, что он несет определенную информацию о биографии артефактов, как минимум свидетельствуя об их возрасте. Указанное одномерное понимание природы памятников доминирует на уровне массового сознания и имеет достаточно высокую степень влияния на сферу работы с культурным наследием, так или иначе ориентирующуюся на потребителя. В рамках такого контекста дискурсы относительно судеб сложных памятников нередко ограничиваются лишь полемикой вокруг выбора того или иного состояния как наиболее приемлемого, при этом без допуска самой возможности сохранения их исторической многослойности.

А с другой стороны — существует подход, позволяющий воспринимать памятник как сложную, исторически изменчивую структуру, претерпевающую преобразования и впитывающую различные наслоения времени. При таком подходе морфогенез памятника воспринимается в его историко-культурных перспективах и метаморфозах; при этом может даже не быть явного акцента на то или иное его состояние как определяющее. Артефакт, будучи когда-то созданным, может преобразовываться во времени, сохраняя изначальный «пер-

вофеномен», обеспечивающий историко-генетическую преемственность различных состояний его формы и смысловой ауры. Подобное восприятие артефакта переключает внимание исследователя с однобоких интерпретаций его природы в сторону его восприятия в контексте исторически изменяющегося комплекса «пережитых» этапов его биографии. Данный ракурс многомерного постижения сути памятника, предстающего как историко-культурный гештальт, позволяет фиксировать весь спектр его проявлений в едином аккорде пережитых состояний, при этом допуская возможность анализа каждого из них. Тем не менее при всех притягательных моментах указанного подхода его достаточно трудно реализовывать в практической работе со сложноорганизованными памятниками, выявить, раскрыть и сохранить все состояния которых технически невероятно трудно. Как правило, в данном случае осуществляется выбор состояния «максимального выражения» памятника с фрагментарными или имитируемыми формами выражения других состояний [См. подробнее об этом: 16; 17].

Указанные подходы (которые нечасто применяются в чистом виде) отражают полярные варианты решения судеб «многослойных» памятников, формируя пространство, в рамках которого реализуются те или иные практики работы с памятниками культурного наследия. В этом плане показательно мнение заслуженного реставратора РФ, директора Государственного музея-заповедника «Царское Село» О. Таратыновой, которая пишет о трех стратегиях реставрации культовых зданий, применяемых в современном Санкт-Петербурге: «І. Полная реставрация с сохранением ценных перестроек и расширений — обычно этот подход применяется на культовых объектах, которые <...> полностью или с минимальными утратами сохранили свою отделку.

II. Фрагментарная реставрация с сохранением элементов отделки: используется в зданиях, где первоначальная «авторская» отделка отсутствует, однако сохранились ее части. Подразумевает использование современных приемов оформления интерьера с сохранением отдельных, дошедших до нашего времени, элементов отделки.

III. Воссоздание культовых объектов: подразумевает восстановление здания на первоначальный или «научно-оптимальный» период на основе историко-археологических исследований. Одной из разновидностей такого подхода является воссоздание по тем или иным причинам полностью утраченных интерьеров» [18, с. 100].

Названные стратегии раскрывают вариативность практик работы с многослойными артефактами; ни одна из указанных стратегий не является единственно верной и исчерпывающей. Актуальным при работе со сложными артефактами является гибкий и вариативный подход в подборе практик работы с ними, с учетом специфики конкретных объектов. В случае же с вышеуказанной Петрикирхе применение третьей стратегии было бы делом исключительно сложным: с учетом морфогенеза памятника в XVIII — начале XX в. однозначно зафиксировать его «эталонное» состояние достаточно трудно, поскольку он неоднократно перестраивался. Применение первой стратегии невозможно по причине того, что здание Петрикирхе было существенно перестроено и не сохранилось внутреннее убранство. Сделанный Ф. Венцелем и И. Шапараном выбор в пользу второй стратегии представляется абсолютно оправданным, поскольку данный выбор позволяет частично сохранить и раскрыть многослойную структуру памятника, каждый слой которого отражает определенный этап его биографии, включая фактор противоречивых воздействий истории, которые участвуют в формировании его ткани.

При этом каждый слой по-своему ценен, минимум как носитель исторической памяти и свидетель времени. Различные слои дополняют и усиливают друг друга, взаимодействуют, раскрывают биографию памятника во всех его противоречиях. С течением времени новые слои «врастают» в тела артефактов, становясь их органичной частью. В указанном ракурсе опыт сохранения и реставрации Петрикирхе представляется весьма интересным, направленным на избегание крайних решений и позволяющим корректно интерпретировать различные стадии генезиса артефактов.

Посетителям, которые приходят в Петрикирхе, сразу бросаются в глаза расчищенные фрагменты росписи интерьеров, выполненной М. Месмахером; эти фрагменты соседствуют с современной штукатуркой. Размещенные в Петрикирхе стенды и информационные щиты повествуют об истории кирхи и церковной общины с момента основания и до наших дней. На стендах есть сведения о многочисленных реконструкциях, которым подверглось церковное здание, о былом убранстве, в том числе об утраченных элементах интерьера (размещены, в частности, копии витражей, некогда украшавших Петрикирхе; несколько подлинных витражей находятся с 1938 г. в Государственном Эрмитаже) [19]. Есть на стендах и в экспозиционных

витринах сведения о драматичных событиях XX в. — о преследованиях, которым подверглись советские немцы, о произошедшем в 1930-е гг. разорении Петрикирхе и о 30-летнем бытовании в ее здании бассейна Балтийского морского пароходства; представлены, например, номерки от кабинок раздевалок бассейна и фотографии, сделанные на матчах по водному поло; представляется правильным то, что «бассейный» период истории Петрикирхе освещается сдержанно, без излишней аффектации. Главный зал кирхи также «многослоен»: церковная архитектура и церковное убранство сочетаются с конструкциями, типичными для спортивных сооружений советского периода.

Большой интерес представляют «катакомбы» — пространство под главным залом кирхи, вмещающее в настоящее время чашу бассейна. В катакомбах также явственно видна многослойность здания, видны самые разные его составляющие — от кладки XIX в. до голубой кафельной плитки, типичного атрибута последних советских десятилетий. Помещение катакомб ныне используется для проведения театральных постановок, художественных выставок и других мероприятий. Исключительно сильное впечатление производят росписи стен, выполненные в катакомбах художником А. Шмидтом, которые освещают трагические страницы истории российских немцев. И очень ценно то, что картины из жизни ссыльных и лагерников соседствуют с написанным на многих языках словом «любовь». Любовь, Love, Amor... Эти слова являются частью росписи американского художника М. Лэмба, украшающей внешние стены чаши бассейна.

Заключение. Таким образом, Петрикирхе во многом восстановлена и реализует ценностно-смысловые аспекты религиозной архитектуры. Она живая и полнокровная, несмотря на все воздействия истории. Петрикирхе выполняет свои функции и как действующая лютеранская церковь, и как важный культурный центр, и как интересный многослойный артефакт, имеющий большое значение для немецкой общины Петербурга, для города и страны в целом.

Практика работы с указанным памятником характеризуется взвешенным и бережным обращением с различными слоями истории, избеганием скоропалительных решений в вопросах их сохранения, воссоздания и расчистки. Конечно, сама природа Петрикирхе говорит о примате ее церковного предназначения (что реализуется в настоящее время). Однако «временные кольца» ее биографии раскрывают про-

житую памятником жизнь, и отрицать их — значит отрицать и стирать историческую память. В каждом конкретном случае уместно вести речь о коррекции слоев и изменении их пропорций. Реставрацию Петрикирхе нельзя считать окончательно завершенной; работы прерваны по причине недостатка финансирования и технической сложности. В будущем, в случае возобновления работ, возможно, речь пойдет об усилении алтарной части кирхи — вопрос об этом поднимался еще в 1990-х гг., до начала первого этапа реставрации, когда шли жаркие дискуссии специалистов, прихожан и служителей церкви.

Подводя итог, отметим, что культовые сооружения и сакральные места, претерпевавшие различные воздействия истории, порой наносящие им «шрамы» и причиняющие «страдания», становятся (помимо своего прямого предназначения) средоточием исторического опыта — в том числе его трагичных и спорных аспектов, о которых важно помнить.

Библиографический список

- 1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
- 2. Леонов И. В., Грусман Я. В. «Страдающие артефакты» историкокультурного наследия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 3 (40). С. 61—67.
 - 3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
- 4. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 282—304.
- 5. Rieber A.J. The Sedimentary Society // Russian History. 1989. Vol. 16, N° 2—4. Pp. 353—376.
- 6. Шкаровский М. В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией // Клио. 2006. № 3 (34). С. 158-163.
- 7. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- 8. Волков А. Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы // Экспресс-информация. Серия «История статистики». М.: Статистика, 1990. Вып. 3—5 (часть II). С. 6—63.
- 9. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- 10. Власникова М. А. Ревалоризация и ревитализация Смольного собора в контексте музейного дела // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1 (42). С. 6—11.
- 11. Изоитко А. П. Приспособление здания Петрикирхе под бассейн // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге.

- Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 70—81.
- 12. Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg 1710—1910. St. Petersburg: Buchdruckerei I. Ehrlich, 1910. 6 с., 346 стб.
- 13. Церковь Петра и Павла (лютеранская). Краткая историческая справка / И. Мачерет; сост. архитектурно-реставрационной мастерской № 11 проектного института «Ленпроект». Ленинград, 1955. Машинопись.
- 14. Федоров С. Г. Архитектурно-строительная история здания лютеранской церкви св. Петра и Павла в Петербурге // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 12—69.
- 15. Венцель Ф., Венцель С. Возвращение к храму: 1994—1997 // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 82—97.
- 16. Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. Т. 1. № 1. С. 46—55.
- 17. Бондарев А. В., Леонов И. В. Теоретико-методологические подходы к изучению памятников культурного наследия (на примере дворцовопаркового ансамбля Царского Села). Часть первая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 78—87.
- 18. Таратынова О. В. Церковь св. Петра и опыт восстановления культовых зданий в Санкт-Петербурге // Евангелическо-лютеранская церковь св. Петра и Павла в С.-Петербурге. Строительная история, восстановление функций и реконструкция здания в 1994—1997 годах / сост. и ред. С. Г. Федоров. Karlsruhe: Universität Karlsruhe, 2003. С. 98—111.
- 19. Иванов Е. Ю., Севастьянов К. К. Витражи Петрикирхе // Der Bote / Вестник. 1999. № 3. С. 18—19.

References

- 1. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. Berlin, Obelisk, 1923. 246 p. (In Russian).
- 2. Leonov I. V., Grusman Ya.V. «Stradayushchie artefakty» istorikokul'turnogo naslediya ["Suffering Artifacts" of Historical and Cultural Heritage]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of

Saint Petersburg State University of Culture], 2019, no. 3 (40), pp. 61—67. (In Russian).

- 3. Lebon G. *Psihologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses]. St. Petersburg, Maket Publ., 1995. 311 p. (In Russian).
- 4. Kondakov I. V. Civilizacionnaya identichnost' Rossii: sushchnost', struktura i mekhanizmy [Civilizational Identity of Russia: Essence, Structure and Mechanisms]. *Voprosy social'noj teorii* [Issues of Social Theory], 2010, vol. IV, pp. 282—304. (In Russian).
- 5. Rieber A. J. The Sedimentary Society. *Russian History*, 1989, vol. 16, no. 2—4, pp. 353—376.
- 6. Shkarovskij M. V. Stroitel'stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematoriya kak sredstva bor'by s religiej [Construction of the Petrograd (Leningrad) crematorium as a means of combating religion]. *Klio* [Clio], 2006, no. 3 (34), pp. 158—163. (In Russian).
- 7. Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. *Polveka pod grifom «sekret-no»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda.* Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p. (In Russian)
- 8. Volkov A. G. Perepis' naseleniya SSSR 1937 goda. Istoriya i materialy. *Ekspress-informaciya. Seriya «Istoriya statistiki»* [Express information. Series "History of Statistics"], Issue 3—5 (part II). Moscow, Statistika, 1990, pp. 6—63. (In Russian)
- 9. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoj vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of its Technical Reproducibility. Selected Essays]. Moscow, Medium Publ., 1996. 240 p. (In Russian)
- 10. Vlasnikova M.A. Revalorizaciya i revitalizaciya Smol'nogo sobora v kontekste muzejnogo dela [The revalorization and revitalization of the Smolny Cathedral in the context of museum work]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture], 2020, no. 1 (42), pp. 6—11. (In Russian)
- 11. Izoitko A. P. Prisposoblenie zdaniya Petrikirhe pod bassejn. *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkcij i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah / sost. i red. S. G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 70—81. (In Russian)*
- 12. Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg 1710—1910. St. Petersburg, Buchdruckerei I. Ehrlich, 1910. 6 p., 346 s. (In Germ.)
- 13. Cerkov' Petra i Pavla (lyuteranskaya). Kratkaya istoricheskaya spravka / I. Macheret; sostavleno arhitekturno-restavracionnoj masterskoj № 11 proektnogo instituta «Lenproekt». Leningrad, 1955. Mashinopis'. (In Russian)
- 14. Fedorov S. G. Arhitekturno-stroitel'naya istoriya zdaniya lyuteranskoj cerkvi sv. Petra i Pavla v Peterburge. *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkcij i rekon-*

- *strukciya zdaniya v 1994—1997 godah /* sost. i red. S.G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 12—69. (In Russian)
- 15. Vencel' F., Vencel' S. Vozvrashchenie k hramu: 1994—1997. Evangeliches-ko—lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkcij i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah / sost. i red. S. G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 82—97. (In Russian)
- 16. Bondarev A. V., Leonov I. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu slozhnoorganizovannyh pamyatnikov kul'turnogo naslediya [Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu slozhnoorganizovannyh pamyatnikov kul'turnogo naslediya]. Zhurnal integrativnyh issledovanij kul'tury [Journal of integrative cultural research], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 46—55. (In Russian)
- 17. Bondarev A. V., Leonov I. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniyu pamyatnikov kul'turnogo naslediya (na primere dvorcovo-parkovogo ansamblya Carskogo Sela). Chast' pervaya [Theoretical and methodological approaches to the study of monuments of cultural heritage (on the example of the palace and park ensemble of Tsarskoe Selo). Part one]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2018, no. 6 (86), pp. 78—87. (In Russian)
- 18. Taratynova O.V. Cerkov' sv. Petra i opyt vosstanovleniya kul'tovyh zdanij v Sankt-Peterburge. *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' sv. Petra i Pavla v S.-Peterburge. Stroitel'naya istoriya, vosstanovlenie funkcij i rekonstrukciya zdaniya v 1994—1997 godah /* sost. i red. S.G. Fedorov. Karlsruhe, Universität Karlsruhe, 2003, pp. 98—111. (In Russian)
- 19. Ivanov E. Yu., Sevast'yanov K. K. Vitrazhi Petrikirhe. *Der Bote / Vestnik*, 1999, no. 3, pp. 18—19. (In Russian)

УДК 338.2+394.011

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-128

Н. Д. Найденов

Российский университет кооперации, Сыктывкарский филиал, г. Сыктывкар

Оценка эффективности мероприятий по сдерживанию пандемии COVID-19 в Республике Коми (культурологический и экономический аспекты)

В статье рассматривается этическая медицинская ценность «не навреди» применительно к условиям ее воздействия на экономические и социальные аспекты.

Использованные методы и материалы: статистические данные о пандемии COVID-19; математические модели естественных, экономических социальных процессов; методики расчета экономической эффективности инвестиций в здравоохранение; эгалитаризм и утилитаризм как методологические приемы анализа этических проблем в медицине; теория общественных и частных товаров.

В статье обобщаются различные подходы к расчетам экономической эффективности медицинских услуг как конкретизации этического принципа «не навреди» (теория массового обслуживания, теория игр, непосредственная оценка ущерба, оценка стоимости жизни). Обосновано применение оценки стоимости жизни и затрат на сдерживание распространения пандемии как метода оценки эффективности регулирующих пандемию мероприятий. Результаты статьи: дана оценка эффективности регулирующих распространение коронавируса мероприятий на примере Республики Коми на 14.04.2020. Сделан вывод, что придание экономического смысла затратам и результатам регулирующих мероприятий в регионе укрепляет осуществление этических принципов в медицинской практике.

Эффективные меры по сдерживанию распространения COVID-19 включают в себя денежные, неденежные, нормативно-правовые и воспитательные мероприятия. Продление жизни пациентов морально значимо и независимо от их доли числе заболевших и создает существенно значимый социальный эффект в виде включения переболевших пациентов в число здоровых людей.

Область применения и перспективы исследования: результаты исследования могут быть использованы в органах государственного управления, управлении здравоохранением, в органах управления субъектом Федерации применительно к различным регионам и ситуациям.

_

[©] Найденов Н. Д., 2020

Ключевые слова: пандемия COVID-19, медицинская этика, медицинская селекция, экономико-математическое моделирование пандемии, эффективность регулирующих мероприятий, стратегии по сдерживанию распространения пандемии, математика в медицине.

N. D. Naydenov

Syktyvkar Branch of Russian University of Cooperation, Syktyvkar

Evalution of Effectiveness of the Measures for Control of the COVID-19 Pandemic in the Komi Republic (Russia): Cultural and Economic Aspects

The article discusses the ethical medical value of "do no harm" in relation to the conditions of its impact on economic and social aspects.

Methods and materials used: statistics and pandemics COVID—19; mathematical models of natural, economic social processes; methods for calculating the economic efficiency of investments in healthcare; rollsianism and utilitarianism as methodological methods for the analysis of ethical problems in medicine; theory of public and private goods.

The article summarizes various approaches to calculating the economic efficiency of medical services, as concretizing the ethical principle of "do no harm" (queuing theory, game theory, direct damage assessment, cost of living assessment). The use of assessing the cost of living and the costs of containing the spread of a pandemic as a method for assessing the effectiveness of pandemic—regulating measures is justified.

The results of the article: The author proposed a methodology for assessing effectiveness of the measures regulating the spread of coronavirus as exemplified by the Komi Republic on April 14, 2020. The author puts forward the position that giving economic meaning to the costs and results of regulatory measures in the field strengthens the implementation of ethical principles in medical practice.

Effective measures to curb the spread of COVID-19 include monetary, non-monetary regulatory and educational activities. The patients' life extension is morally significant regardless of the share of number of patients and it consistently creates a greatly significant social effect in the form of inclusion of ill patients in the number of healthy people.

The scope and prospects of the study: the results of the study can be applied in government, healthcare management, in the governance of a constituent entity of the Federation and be developed in relation to different regions and situations.

Keywords: COVID-19 pandemic, medical ethics, medical selection, triage, economic and mathematical modeling of a pandemic, regulatory effectiveness, pandemic containment strategies, Mathematics in medicine.

Введение. Медицина — одна из сфер общественной жизнедеятельности, где тесно переплетаются культурные и экономические аспекты. Пройдя путь от сугубо прикладного ремесла — знахарства и шаманства, народного целительства до развитой научнотехнической отрасли, медицина превратилась в мощную отрасль государственной деятельности, бизнеса, культуры, безопасности жизнедеятельности, права гуманитарной и естественной науки. Пандемия COVID-19 в начале 2020 г. усилила интерес ученыхгуманитариев и экономистов к проблемам медицинской этики.

Пандемия COVID-19 ставит множество этических проблем, среди которых наиболее значимая — медицинская сортировка, или триаж, — отбор тех больных, которым нужно в первую очередь оказывать помощь в условиях дефицита врачей и оборудования. Когда больных сотни и тысячи, как во время войн и эпидемий, влияние этики на ход пандемии существенно значимо. Статья имеет целью рассмотреть различные подходы к расчетам экономической эффективности медицинских услуг как конкретизации этического принципа «не навреди».

Цель статьи: рассмотреть экономическую реализацию этической ценности «не навреди» применительно к условиям пандемии COVID-19 в ее начальный период.

Методы исследования, теоретическая база исследования. На первый взгляд, медицинская этика, экономика и математика могут показаться несовместимыми областями человеческого знания. Однако более внимательный взгляд показывает, что экономика и математика в медицине вышли за пределы формального описания здравого смысла, они стали и инструментом развития медицинской этики.

На 14 апреля 2020 года в Российской Федерации зарегистрировано 19278 случаев заражения COVID-19, 173 человека умерли 1 .

¹Coronavrus (COVID-19). URL: https://coronavirus-monitor.ru/coronavirus-vrossi. (дата обращения: 18.04.2020).

На 14 апреля 2020 года в Республике Коми зарегистрировано 305 случаев заражения COVID-19, 3 человека умерли¹.

Для сравнения на 14 апреля 2020 года в Швеции зарегистрировано 11445 случаев заражения COVID-19, умерли 1033 человека².

В Ухане на 17.04.2020 количество зараженных составило 50333 человека. Число умерших составило 38869 человек³.

В Швеции от коронавируса на 17.04.2020 умерли более 1000 человек 4 .

По состоянию на 14.04.2020 в мире число зараженных составляет 1 949 210 человек. 123 348 скончались⁵.

В нью-йоркских больницах в условиях наплыва коронавирусных больных медицинская сортировка (триаж) проявляется в том, что используется система баллов, определяющая приоритетность пациента, исходя из того, сколько лет жизни (life years) может подарить ему интенсивная терапия (в соотношении с продолжительностью лечения). Идут в расчет общее состояние, возраст, наличие сопутствующих заболеваний (диабет, астма и пр.). Если лечение может продлить жизнь одного пациента на пять лет, а другого — на три года при прочих равных условиях, то ограниченные ресурсы предоставляются только первому.

Есть и другая методика применения принципа триажа. В штате Джорджия в целом и г. Атланте в частности порядок предпочтений состоит в следующем. В первую очередь к тестированию, а значит и к дальнейшим медицинским процедурам, допускают-

¹ Карта заражения коронавирусом в Коми на 14 апреля. 14.04.2020. URL: https://www.bnrjmi.ru/data/news/110057/?utm_source=yxnews&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews. (дата обращения: 14.04.2020)

² В Швеции от коронавируса умерли более 1000 человек. URL: https://runews24.ru/world/14/04/2020/71eb28s5fda2D645ad091482ab67ab736 (дата обращения: 17.04.2020).

³ В Ухане пересчитали число смертей от COVID-19.17.04.2020. URL: abnews. ru/2020/04/17v-uhane-pereschitali-chislo-smertej-ot-covid-19/ (дата обращения: 17.04.2020).

⁴ В Швеции от коронавируса умерли более 1000 человек. URL: https://runews24.ru/world/14/04/2020/71eb28s5fda2D645ad091482ab67ab736 (дата обращения: 17.04.2020).

⁵ В Ухане пересчитали число смертей от COVID-19.17.04.2020. URL: abnews. ru/2020/04/17v-uhane-pereschitali-chislo-smertej-ot-covid-19/ (дата обращения 17.04.2020).

ся лица из группы наибольшего риска — обитатели домов престарелых, инвалиды, то есть наиболее слабые, уязвимые категории граждан [1].

С экономической точки зрения различные методики селекции пациентов для лечения едины в том, что они фиксируют максимумы полезности на единицу медицинских услуг. С точки зрения медицинской этики подходы «лечи потенциально выживающего» и «лечи наиболее слабого» соответствуют этическим ценностям, лежащим в основе отношений между пациентом и врачом, но важно видеть особенности ситуации.

Этика относится к важнейшим элементам культуры — миру значений, созданных человеком, его ценностей, норм, мировоззренческих установок, правил.

Питирим Сорокин считал, что каждый человек живет в соответствии с нормами и ценностями своей культуры и действует, следуя ее образцам. П. Сорокин выделял три типа культуры: а) идеациональную — основанную на духовных и материальных ценностях; б) идеалистическую — основанную на религиозных ценностях; б) чувственную — основанную преимущественно на материальных ценностях. Таким образом, П. Сорокин не поддерживал экономический детерминизм [2].

И. В. Манахова обращает внимание, что поведение людей с точки зрения экономического детерминизма часто иррационально и связано с культурными и этическим факторами: доверием, справедливостью, злоупотреблениями, недобросовестностью, иллюзиями, легендами и мифами [3].

Экономические аспекты медицины в единстве с этическими принципами рассмотрены в работе Н. Д. Найденова [4], а также в книге Б. М. Завьялова, Д. М. Безгодова, И. А. Гончарова, Н. Д. Найденова и др. «Гуманитарное образование в высшей школе для негуманитарных специальностей: традиции и современные проблемы» [5].

Ю. А. Баталыгина отмечает, что современная ситуация в современном глобальном мире требует от специалистов не только концептуализации теоретического аппарата исследований в области этики, но разработки междисциплинарных методов и инструментария практических действий в коллективных и индивидуальных действиях [6].

М. Жарова приводит принципы медицинской этики в их единстве и различиях [7]. К принципам медицинской этики М. Жарова относит: «не навреди», «делай благо», «уважение автономии пациента», «справедливость», «правдивость», «конфиденциальность и правила информированного согласия».

Медики и пациенты вступают в отношения, которые описываются различными моделями: модель Парацельса (врач делает благо пациенту); модель Гиппократа (врач руководствует принципом «не навреди»); деонтологическая модель (врач исполняет свой долг); биоэтическая модель (врач уважает пациента и его выбор); патерналистская модель (врач относится к пациенту как к сыну, пациент воспринимает врача как посланника Бога); технократическая модель (психологические и эмоциональные отношения врача и пациента сводятся к минимуму); коллегиальные отношения (пациент и врач вместе обсуждают и принимают решения, как проводить лечение); контрактная модель (врач и пациент заключают контракт и четко следуют принятым обязательствам).

Принципы медицинской этики подробно описываются Л. С. Сулмаси и Т. А. Бледсои [8].

Подтверждая этические принципы, авторы на основе анализа прошлых ситуаций разрабатывают рекомендации для решения текущих этических проблем. Медицина, право и социальные ценности не статичны, и пересмотр этических принципов медицины и их применение в новых обстоятельствах является необходимой практикой.

И. А. Шмерлина рассматривает этические принципы, в частности, в аспекте социальности. Социальность — это совокупность ценностей (норм, значений, принятия ролей, важных для общества), которая разделяется и реализуется в действиях индивида. Существенная часть совокупности ценностей, принятых и реализуемых индивидом ценностей, понимается как смысл взаимодействия индивида и общества. Социальность, по мнению И. А. Шмерлиной, имеет два аспекта: чувственное восприятие нравственных норм и реакция на них с точки зрения реализации со стороны индивида [9].

А. В. Прокофьев обращает внимание на несовпадение норм ценностей для индивида и аналогичных норм и ценностей для общества [10].

Р. Г. Апресян указывает на перфекционистский и дисциплинарный языки морали (На языке менеджмента перфекционистский язык — это мотивационный аспект управленческих решений, а дисциплинарный язык — это компенсационный аспект управленческих решений, опирающихся на моральные ценности — Н. Н.) [11].

Д. Вэлш обращает внимание на усвоение социальными институтами исторически сложившихся этических ценностей, нравственных норм и нравственно оправданных цепочек действий. Институты позволяют создать инструменты для измерения степени достижения нравственных ценностей и здоровья социального тела, например выгодности от того или иного распределения ролей в коллективе, полноты деления затрат и обязанностей, справедливости распределения компенсаций, уровня соблюдения обязательств [12].

При заключении экономического контракта этика служит преодолению неопределенности в исполнении контрактных обязательств. Однако на практике этические правила часто предопределяют заключение контракта. Медицине этика может служить критерием для распределения медицинских услуг, именно от этики часто зависит, получит пациент медицинскую помощь или нет.

Принцип триажа (медицинской селекции) укладывается в рамки двух этических направлений — утилитаризма и эгалитаризма. Утилитаризм — направление в этике, для которого высшая ценность — дать наибольшее счастье (а значит, и здоровье) наибольшему числу людей. Одни и те же ресурсы, если распределить их между самыми «излечимыми», могут продлить жизнь большего числа людей на большее число лет, чем если распределить их среди излечимых и неизлечимых.

Вторая система — эгалитаризм — предполагает предоставление всем равных условий для выживания и благоденствия, а значит, больше заботы о тех, кто больше всего в ней нуждается. Эгалитаризм стремится обеспечить доступ к благам медицины за счет преимущественной помощи наименее защищенным.

Результаты исследования и их обсуждение. В 2020 г. глобальная экономика потеряет от коронавируса до 1 трлн долларов. Рост мировой экономики может замедлиться с 2,6 % до 1 % (данные Института международных финансов) [13].

Правительство Республики Коми прогнозирует выпадение порядка 15,8 млрд рублей из доходов государственного бюджета региона в 2020 г. из-за снижения цен на нефть и негативных тенденций на глобальном рынке в связи с пандемией коронавируса¹.

При расчетах указанных цифр применялись пропорции, сложившиеся в прошлые периоды, и далее они сравнивались с новыми. Мы предлагаем другой подход к оценке ущерба от пандемии. Он основан на применении этических учений — утилитаризма и эгалитаризма. И утилитаризм и эгалитаризм могут быть продолжены в экономических расчетах эффективности медицинских услуг, несмотря на их первоначально очевидную противоположность. Экономические расчеты эффективности медицинских услуг необходимы для обеспечения справедливости их распределения. В данном случае этика предопределяет экономику. Медицинская этика, продолженная в экономических расчетах эффективности медицинских услуг, например расчетов объема продленной физической жизни на единицу затраченных ресурсов, может стать одним из практически значимых методов расчет экономической эффективности медицинских услуг.

К исследованиям проблем применения этических правил к реальным действиям имеет отношение и математика. Рассмотрим исследование операций и теорию массового обслуживания. Как инструмент исследования медицины теория массового обслуживания характеризуется тем, что она позволяет вычислить, сколько продлится среднее ожидание в данной системе медицинского обслуживания пациентов. Теория массового обслуживания утверждает, что для наиболее эффективного использования времени, имеющегося у медицинского персонала, для обслуживания пациентов загрузка медицинского персонала должна быть меньше, чем его эксплуатационные возможности. Если есть данные о результатах использования различных методов эксплуатации медицинской системы, то это позволит планировать оптимальные соотношения между загрузкой медицинской системы и ее эксплуатационными возможностями.

¹ В Коми прогнозируют потери 15, 8 млрд рублей из-за снижения цен на нефть и пандемии. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/komi-prognoziruyet-potery-15-18-mlrd-rubley-iz-za-snizheniya-cen-na-neftt-pandemii (дата обращения: 24.04.2020).

Математическая теория массового обслуживания не противоречит медицинской этике, но существует отдельно от нее.

Н. Бейли [14] применяет математическую теорию эпидемий для понимания ее свойств. Бейли предлагает следующую модель эпидемии:

$$\Delta x = -\beta x y \Delta \tau, \tag{1}$$

где x — число восприимчивых к пандемической болезни индивидов;

 Δ х — прирост числа восприимчивых к эпидемической болезни индивидов;

 β — частота контактов;

Δ т — время с начала эпидемии;

n — численность группы, уменьшенная на единицу;

у-число источников инфекции;

x+y=n+1.

Начальные условия пандемии:

 $x = n; \tau = 0.$

Зараженный индивидуум становится заразным для остальных восприимчивых индивидуумов сразу после того, как он сам заразится.

После преобразований мы получаем уравнение, описывающее эпидемическую кривую

$$\frac{-dx}{d\tau} = x(n-x+1) = \frac{\beta n(n+1)^2 \tau}{\{n+ee^{(n+1)\tau}\}^2}$$
 (2)

 $\frac{-dx}{d\tau}$ — прирост новых случаев заболевания пандемической инфекции;

 τ = βt — частота контактов между членами группы за период t.

Эпидемическая кривая Бейли характеризует существенное свойство эпидемии: число новых случаев болезни сначала быстро возрастает, в какой-то момент достигает максимума, а затем уменьшается до нуля. Она представляет собой симметричную одновершинную кривую с максимумом в точке

$$\tau = \frac{\ln n}{n+1} \tag{3}$$

Теория массового обслуживания и математическая теория эпидемии предполагают связь с этическими правилами, но не прямо, а в виде предпосылок по умолчанию.

Е. Авад, С. Дсыза и др. на материалах обширного опроса 70 000 участников из 42 стран поставили задачу количественно определить культурные различия между странами [15]. Ученые предположили, что люди различных культур демонстрируют количественно определяемые различия в поддержке/оправдании жертвы в различных ситуациях. Опрос проводился следующим образом. Перед опрашиваемым выкладывались три картинки (ситуации, дилеммы). Картинки отражали ситуации, когда нужно было принять/не принять жертву необходимой. В первой ситуации (ситуация коммутатора, the Switch) вагонетка направляется регулировщиком по пути, который раздваивается. На первой развилке стоит пять человек, на второй — 1 человек. По какому пути направит регулировщик вагонетку? В данной ситуации «регулировщика и вагонетки» жертва одного человека спасает жизни пятерых.

Во второй ситуации (ситуации петли, The Loop) вагонетка направляется регулировщиком по пути, который образует петлю, а потом снова соединяется в один путь. Можно направить вагонетку прямо и убить пять человек, но регулировщик может направить вагонетку на петлевую линию, где находится один человек. Этот человек погибнет, но своей смертью позволит выжить группе из 5 человек. Насколько эта ситуация с жертвой и с «образованием петли на пути» оправдана?

В третьей ситуации (ситуации пешеходного моста, The Footbridge) вагонетка идет по пути, который расположен под мостом. На пути 5 человек, на мосту — один. Если человек на мосту прыгнет на путь, то он спасет 5 человек, но погибнет сам. Насколько оправдана жертва в данной ситуации с «железной дорогой, вагонеткой и мостом»?

В количественной пропорции жертвы и выигрыша все ситуации равны. Но в этическом смысле люди, в зависимости от типа культуры, придают этим трем ситуациям разное значение. В одной ситуации действия регулировщика оправданы, в другой нет. Во всех ситуациях не требуется личной силы от участника опроса, но требуется дать оценку: считать ли оказанную жертву оправданной.

Исследователи полагают, что ранжирование ситуаций коммутатора, петли и пешеходного моста носит универсальный характер и распространяется на все типы культуры. Различия в ранжировании оценок ситуации принесения жертвы ради спасения жизни многих количественно показывает различия в культурных типах опрашиваемых.

В большинстве стран участники опроса дали более высокую оценку необходимости жертвы в ситуации коммутатора (регулировщик переключает движение вагонетки на путь, где находится 1 человек и спасает жизни 5 человек). Самую низкую оценку во всех странах получила жертва в ситуации 3, пешеходный мост, The Footbridge.

Опрос показал, что китайские участники посчитали жертву одного человека ради пятерых менее оправданной по сравнению с русскими или американскими участниками. Если в лице одного человека был бы родственник, то жертва считалась китайскими участниками вообще неоправданной.

Таким образом, исследователи на примере «проблемы регулирования движения вагонетки» дали образец количественного выражения культурных и этических различий между странами. Уровень склонности к мобильности отношений (склонности к изменениям в социальных отношениях) положительно коррелирует со склонностью к одобрению жертвоприношения и объемом валового национального продукта.

Анализ результатов опроса о моральных приоритетах в ситуациях вагонетки и регулировщика показал, что существует следующая цепочка причин и следствий: чем больше склонность к смене социальных отношений (уровень социальной мобильности), тем больше поощрения индивидуализма в этических правилах; чем больше поощрения индивидуализма в этических правилах, тем больше готовность жертвовать; чем выше готовность жертвовать, тем выше объем валового внутреннего продукта.

По ходу пандемии COVID-19 в конце апреля 2020 г. мы видим два уровня моральной оценки тягот по предотвращению распространения пандемии. Первый уровень — низкая моральная оценка тягот, связанных с преодолением распространения пандемии, равнодушие к росту потенциального количества смертей. Этот уровень показывают отдельные штаты США, когда они отказываются вводить карантин или отменяют его, если он был уже ранее вве-

ден. Второй уровень — высокая моральная оценка тягот, стремление избегания потенциальных смертей, ответственное отношение населения к мерам по предотвращению распространения болезни.

Было бы неправильно давать моральную оценку «хорошо», если число умерших составляет 0,9 % от числа заразившихся, и «плохо», если число умерших составляет 2,3 %. Для моральной оценки важно общее число выживших, каждая спасенная жизнь.

В медицине существуют не только показатели медицинской статистики, но и показатели экономической эффективности. Эти показатели в стоимостных величинах выражают отношение затрат и результатов в подразделениях медицины и в целом по медицинской отрасли. Рассмотрим конкретные подходы к оценке эффективности затрат по борьбе с распространением коронавируса.

Самый очевидный способ оценки эффективности медицинских усилий по борьбе с распространением коронавируса — это выявление соотношения числа медицинских работников и числа предотвращенных ими смертей. Этот способ является продолжением этического принципа «не навреди» в экономических категориях. Но медицинские работники организованы в сложные структуры, поэтому этот подход трудно реализуем.

К. Грос и др. рассматривают эпидемию COVID-19 как физическое явление [16]. Ученые предложили модель, описывающую распространение COVID-19, она называется модель SIR и имеет вид

$$S+I+R=1, (4)$$

где S — доля не затронутых пандемией индивидов в общем числе индивидов группы, включающей незатронутых пандемией, заболевших, переболевших или умерших;

 I — доля индивидов, которая затронута пандемией, в общем числе индивидов, не затронутых пандемией, заболевших, переболевших или умерших;

R — доля индивидов, переболевших или умерших от пандемической болезни, в общем числе индивидов, не затронутых пандемией, заболевших, переболевших или умерших.

Обозначим X = 1–S, \mathbf{q}_0 — внутренняя медицинская заболеваемость пандемической инфекцией, \mathbf{q} — коэффициент воспроизводства населения, $\mathbf{\alpha}$ — коэффициент, характеризующий усилия общества по предотвращению распространения пандемии. Из модели SIR вытекает

$$q = \frac{q_0}{1 + aX} \tag{5}$$

Коэффициент воспроизводства населения q прямо пропорционален фиксированной внутренней медицинской заболеваемости пандемической инфекцией и обратно пропорционален усилиям по предотвращению пандемии и доле индивидов, не затронутых пандемией.

С учетом вышеобозначенных условий получаем модель SIR в форме, удобной для анализа и геометрического представления:

$$I = \frac{\alpha + q_0}{q_0} \cdot X + \frac{1 + \alpha}{q_0} \cdot \log(1 - X). \tag{6}$$

При а = 0 отсутствует управляемая реакция на пандемию. При а > 0 имеет место управленческое воздействие на пандемию, эффективность которого тем выше, чем больше число не затронутых пандемией индивидов и выздоровевших пациентов и чем меньше заболевших индивидов.

Максимальная величина заболевших определяется по формуле

$$I_{\text{peak}} = \frac{q_0 - 1}{q_0} + \frac{1 + \alpha}{q_0} \cdot \log\left(\frac{1 + \alpha}{q_0 + \alpha}\right) \tag{7}$$

При $X = X_{\text{neak}}$ можно констатировать

$$qS = 1; X_{peak} = \frac{q_0 - 1}{q_0 + \alpha}$$
 (8)

При $\alpha = 0$

$$X_{\text{peak}} = (q_0 - 1)/q_0.$$

Если α = 0, то I_{peak} можно трактовать как точку общественного иммунитета.

Графическое представление SIR-модели приводится на рисунке.

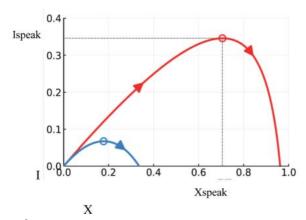

Рис. Графическое представление пандемии по модели SIR

На рисунке по оси абсцисс откладываются различные доли не затронутого пандемией населения или значения 1—S, где S — доля незатронутого эпидемией населения во всем населении, охваченном пандемией. По оси ординат откладываются значения доли заболевшего населения. Верхняя линия показывает течение пандемии при отсутствии регулирующей реакции общества. Малая нижняя линия показывает течение пандемии при наличии регулирующего воздействия на пандемию со стороны общества. ($I_{\rm speak}$, $X_{\rm speak}$) — координаты точки общественного иммунитета.

Линия эпидемии сначала растет, а потом падает до нуля. Регулирующее воздействие может снизить число заболевших, уменьшить время течения пандемии по сравнению с ситуацией отсутствия регулирующего воздействия.

SIR-модель пандемии позволяет определить стратегию реакции общества на пандемию. Она определяется выбором значения коэффициента. Стратегии могут быть долгосрочными, среднесрочными, краткосрочными, в зависимости от величины q и α .

В экономическом контексте модель SIR не позволяет определить экономическую эффективность регулирующих мероприятий в условиях пандемии, поскольку в ней не задаются ни экономические показатели выгод, ни экономические показатели издержек регулирующих мероприятий. Однако в рамках модели SIR эффективность медицинских усилий можно трактовать как различия стратегий в краткосрочном, долгосрочном, среднесрочном периодах или

последствия выбора конкретной стратегии по сравнению с отсутствием стратегии.

Второй подход к оценке эффективности медицинских усилий по сдерживанию эпидемии COVID-19 состоит в том, чтобы оценить ущерб от эпидемии в отдельных отраслях, суммировав в отдельных отраслях ущербы и затраты по сдерживанию пандемии.

Так, Национальное рейтинговое агентство утверждает, что изза режима самоизоляции в 2020 г. сокращение добавленной стоимости составит от 3,9 % до 83,9 % в разных отраслях в годовом выражении от прошлогоднего уровня. В своих расчетах агентство опиралось на методологию межотраслевого баланса. Максимальные потери прогнозируются у гостиниц и предприятий общественного питания. Оценка ущерба от эпидемии по версии Национального рейтингового агентства составит 17,9 трлн рулей в годовом выражении [17]

Показателя ущерба недостаточно для того, чтобы оценить эффективность регулирующих мероприятий, необходимы показатели затрат и выгод на регулирование хода эпидемии.

Для оценки эффективности регулирующих воздействий на течение эпидемии COVID-19 мы предлагаем обратиться к теории игр, конкретно к задаче «ястреб-голубь». В этой задаче есть функция ястреба, обозначим ее как $H = f(x_0, x_1, ... x_n)$, а также функция голубя, обозначим ее как $D = f(y_0, y_1, ... y_n)$. В точке равенства этих функций будет оптимальная точка по Нэшу. Пусть ястреб и голубь имеют по две стратегии: действовать правильно и действовать неправильно. При неправильной стратегии ястреба голубь уходит от погони. При правильной — голубь будет пойман. При неправильной стратегии голубь будет пойман. При правильной — голубь будет свободен. В точке оптимума по Нэшу H = D.

Применительно к оценке эффективности регулирующих мероприятий мы будем придерживаться такой же логики. Пусть Н является линией предотвращенного в результате регулирующих воздействий ущерба от пандемии, D — линией затрат на предотвращение ущерба от пандемии. Имеются две стратегии — стратегия отказа от активных регулирующих воздействий и стратегия активных воздействий. Составим матрицу затрат и результатов регулирующих воздействий.

Матрица затрат и результатов регулирующих воздействий
на течение панлемии

		Стратегия минимальных регулирующих воздействий Линия предот-	Стратегия максималь- ных регулиру- ющих воздействий Линия затрат
		вращенного ущерба	на предотвра- щение ущерба
			от пандемии
Стратегия минимальных регулирующих воздействий	Линия предот- вращенного ущерба	0/0	0/0
Стратегия мак- симальных ре- гулирующих воздействий	Линия затрат на предотвра- щение ущерба от пандемии	max/max	max/max

Разница между результатами стратегии максимальных регулирующих воздействий и стратегии минимальных регулирующих воздействий даст эффект от регулирующих воздействий. Эффект, отнесенный к затратам, даст нам эффективность регулирующих воздействий:

$$\mathcal{F}_{\phi} = \frac{\mathbf{B}_{\text{Mark}} - \mathbf{B}_{0}}{\mathbf{C}_{\text{Lyans}} - \mathbf{C}_{0}}, \tag{9}$$

Снижение ущерба после регулирующих мероприятий по отношению к ущербу в условиях отсутствия регулирующих мероприятий выявляет эффект регулирующих мероприятий. Эффект от действия регулирующих мероприятий, отнесенный к затратам на ре-

гулирующие мероприятия, показывает эффективность регулирующих мероприятий.

Придадим экономический смысл затратам и результатам регулирующих мероприятий. Под ущербом от эпидемии мы будем понимать стоимость жизни умерших от пандемии. Под затратами на регулирующие мероприятия мы будем понимать только прямые и очевидные затраты на сдерживание эпидемии. К ним относятся затраты на покупку тестов. Стоимость каждого из них 1,5 тыс. рублей. Всего закуплено 10 тыс. Итого затраты 15 млн руб.

Количество умерших в результате эпидемии олицетворяет собой потенциально предотвращенный ущерб при равенстве точек на линиях затрат и ущерба. Рассчитаем стоимость жизни умерших в результате эпидемии.

Валовой региональный продукт Республики Коми в 2018 г. составляет 66,5 млрд руб. Численность населения на 1 января 2020 г. в Республике Коми составляет 820,4 тыс. чел. Отсюда определяем стоимость жизни одного жителя Республики Коми 66,5 млрд руб.: 820,4 тыс. руб. = 810589 руб., или 82, 05 тыс. руб.

Количество умерших от коронавируса на 14.04.2020 оставляет 3 человека.

Ущерб от эпидемии составляет 81,05 тыс. руб. х 3 = 2431500 руб., или 2,4 млн руб.

Величина нереализованного показателя ожидаемой продолжительности жизни. Продолжительность предстоящей жизни умерших, предположим, составляет 10 лет. Величина стоимости жизни умерших от коронавируса составляет 2,4 млн. руб х 10 = 24,05 млн руб.

Эта сумма могла бы быть суммой предотвращенного ущерба. Отсюда эффект от регулирующих мероприятий равен 24,05 млн руб.: 15,0 млн руб. = 1,6.

При снижении затрат на регулирующие мероприятия и прочих равных условиях коэффициент эффективности регулирующих мероприятий будет повышаться. Увеличение стоимости жизни умерших от коронавируса при прочих равных условиях даст повышение коэффициента эффективности регулирующих мероприятий.

Сохранение жизни заболевших коронавирусом является фактором, увеличивающим эффективность регулирующих пандемию мер. Поэтому к одной из эффективных мер регулирования эффек-

тивности мер по предотвращению распространения эпидемии можно отнести укомплектованность ЛПУ аппаратами искусственной вентиляции легких. Разобщение населения (карантин), хотя и не имеет денежной оценки, дает также хорошие результаты от регулирующих мероприятий при пандемии коронавируса.

Важно рассчитывать эффект от мероприятий по предотвращению распространения коронавируса, при этом социальные последствия регулирующих мероприятий можно трансформировать в стоимостные величины. Более существенное значение имеет не абсолютная величина эффективности, а ее динамика.

Заключение. Медицинская селекция пациентов (триаж) является способом реализации этического принципа «не навреди».

Триаж конкретизируется в физических и экономико-математических моделях оценки эффективности мероприятий по сдерживанию распространения COVID-19.

Эффективными мерами по сдерживанию распространения COVID-19 являются разобщение населения и вакцинация. Продление жизни пациентов путем применения аппаратов искусственной вентиляции легких снижает эффективность регулирующих мер, но создает существенно значимый социальный эффект в виде включения переболевших пациентов в число здоровых людей.

Расчеты эффективности мероприятий по сдерживанию пандемии COVID-19 расширяют методологическую основу для обоснования их применения. Важна не их абсолютная величина, а тенденция.

В контексте триажа этика и экономика не подчинены друг другу, а имеют равно существенное значение.

Библиографический список

- 1. Эпштейн М. Как спасать. Если нельзя спасти всех. Экстремальная этика в условиях коронавируса. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh (дата обращения: 18.04.2020).
- 2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- 3. Манахова И. В. Поведенческая экономика : учебное пособие. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. 120 с.

- 4. Найденов Н. Д. Совершенствование экономических отношений медицины в России // Витязь. 2011. № 2(7). С. 37—42. URL: http://www.vityas-journal.ru/arhiv.html.(дата обращения: 14.04.2020).
- 5. Гуманитарное образование в высшей школе для негуманитарных специальностей: традиции и современные проблемы : коллективная монография / под ред. Б. М. Завьялова. Киров: Изд-во КОГУЗ «МИНЦ», 2012. 190 с.
- 6. Баталыгина Ю. А. Концептуализация социальной этики в современном этическом дискурсе // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 7 (51), pp. 152—162. DOI: 10.R731/2218/17105/2015—7—11] (дата обращения: 18.04.2020).
- 7. Жарова М. Принципы биоэтики и модели взаимоотношений медицины работников с пациентами // RELGA: научно-культурологический журнал. Ростов н/Д, 2010. № 6 (204). URL: http://www.relga.ru/tgu-www.woa/wa/Main?eyчешв=2618&level2=article (дата обращения: 18.04.2020).
- 8. Sulmasy L. S., Bledsoe T. A. American College of Physicians Ethics Manual: Seventh Edition. Philadelphia. ACP Ethics, Professionalism and Human Rights Committee// Annals of Internal Medicine. 2019. January15;170 (2_(Supl), S1—S32. DOI: 10.7326/M18—2160.
- 9. Шмерлина И. А. Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология и философия науки. 2009. Vol. 21, Issue 3, pp.137—151.
- 10. Прокофьев А. В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2006. 284 с.
- 11. Апресян Р. Г. Перфекционисткий и дисциплинарный языки морали // Оправдание морали: сб. научн. статей к 70-летию проф. Ю. В. Согомонова / отв. ред. В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. М.; Тюмень: Тюменский ГНГУ, Центр прикладной этики, НИИ прикладной этики Тюменского нефтегазового университета, 2000. С. 24—33.
- 12. Welsh D.D. Social Ethics Overview // Encyclopedia of Applied Ethics. Second Edition. RUTH Chadwick. Cardiff. University. Chadwick, UK. Academic Press is in an Imprint of Elsevier.2012, pp. 134—141.
- 13. Чемоданова К. Убыточный период: сколько может потерять мировая экономика из-за коронавируса. URL: https://russian.rt.com/business/article/725315-=ekonomia poteri-koronavirus (дата обращения: 05.03.2020).
- 14. Бейли Н. Математика в биологии и медицине. М.: Мир, 1970. 320 с.
- 15. Awad E., Dsouza S., Shariff A., Rahwan I., Bonnefon J. Universals and variations in moral decisions made in 42 countries by 70,000 participants // PNAS. February 4.2020. 117 (5), 2332—2337, first published January 21. 2020. Princ-

- eton, Princeton University. Edited Susan T. Fiska. URL: https://doi.org/10.1073/pnaas191517117 (дата обращения: 18.04.2020).
- 16. Gros C., Valenty R., Schnaider L., Valenti K., Gros D. Containment efficiency and control strategies for Corona pandemic cost. URL: arxiv.org>physics. 1 April 2020 (дата обращения: 18.04.2020).
- 17. Каледина А. Как карантин ляжет: общий ущерб от пандемии может составить почти 18 трлн рублей. URL: https://iz.ru/1000399/anna-kaledina/kak-karantin-liazhet-obschii-uscherb-ot-pandemii-mozhet-sostavit-pochti-18-trln (дата обращения: 18.04.2020).

References

- 1. Epschtejn M. *Kak spasat'. Esli nel'zya spasti vsekh. Ekstremal'naya etika v usloviyah koronavirusa* [How to save. If you can't save everyone. Extreme ethics in the face of coronavirus]. (In Russian). Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh (accessed 18.04.2020).
- 2. Sorokin P. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992, 543p. (In Russian)
- 3. Manahova I. V. *Povedencheskaya ekonomika* [Behavioral Economics]. Saratov, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the PRUE G. V. Plekhanov , 2017. 120 p. (In Russian)
- 4. Naydenov N. D. Sovershenstvovanie ekonomicheskih otnoshenij mediciny v Rossii [Improving the economic relations of medicine in Russia]. *Vityaz'*. 2011, no. 2(7), pp. 37—42. (In Russian) Available at: http://www.vityas-journal.ru/arhiv.html (accessed 14.04.2020)
- 5. Gumanitarnoe obrazovanie v vysshej shkole dlya negumanitarnyh special'nostej: tradicii i sovremennye problem [Humanities education in higher education for non-humanitarian specialties: traditions and modern problems]. Kirov, KOGUZ «MINC» Publ., 2012. 190 p. (In Russian)
- 6. Batalygina Yu. A. Konceptualizaciya social'noj etiki v sovremennom eticheskom diskurse [Conceptualizing Social Ethics in Contemporary Ethical Discourse]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2015, no.7 (51), pp. 152—162. DOI: 10.R731/2218/17105/2015-7-11]
- 7. Zharova M. Principy bioetiki i modeli vzaimootnoshenij mediciny rabotnikov s pacientami. *RELGA: Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal* [RELGA: научно-культурологический журнал], Rostov-na-Donu, 2010, no. 6(204) (In Russian). Available at: http://www.relga.ru/tgu-www.woa/wa/Main?eucheshv= 2618&level2=article (accessed 18.04.2020).
- 8. Sulmasy L. S., Bledsoe T. A. American College of Physicians Ethics Manual: Seventh Edition. Philadelphia. ACP Ethics, Professionalism and Human Rights Committee. *Annals of Internal Medicine*, 2019.15 January 15;170(2_(Supl), S1—S32. DOI: 10.7326/M18—2160

- 9. Shmerlina I. A. Social'nost' i problema smysla: k vyrabotke mezhdisiciplinarnogo ponyatiya [Sociality and the problem of meaning: towards the development of an interdisciplinary concept]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 2009, vol. 21, Issue 3, pp.137—151]. (In Russian)
- 10. Prokof'ev A. V. Moral' individual'nogo sovershenstvovaniya i obshchestvennaya moral': issledovanie neodnorodnosti nravstvennyh fenomenov [Morality of Individual Improvement and Public Morality: A Study of the Heterogeneity of Moral Phenomena]. Velikij Novgorod, Yaroslav the Wise Novgorod State University, 2006. 284 p. (In Russian)
- 11. Apresyan R. G. Perfekcionistkij i disciplinarnyj yazyki morali [Perfectionist and disciplinary moral languages]. *Opravdanie morali* [Justifying Morality]. *Sb. nauchnyh statej k 70-letiyu professora YU.V. Sogomonova /* otv. red. V. I. Bakshtanovskij, Yu.V. Sogomonov, Moscow;Tyumen', Tyumenskij GNGU, Centr prikladnoj etiki, NII prikladnoj etiki Tyumenskogo neftegazovogo universiteta, 2000, pp. 24—33 (In Russian)
- 12. Welsh D. D. Social Overview. *Encyclopedia of Applied Ethics*. Second Edition. RUTH Chadwick. Cardiff. University. Chadwick, UK. Academic Press is in an Imprint of Elsevier.2012, pp.134—141.
- 13. Chemodanova K. *Ubytochnyj period: skol'ko mozhet poteryat' mirovaya ekonomika iz-za koronavirusa* [Loss period: how much the world economy can lose due to coronavirus] (In Russian) Available at: https://russian.rt.com/business/article/725315-=ekonomia-poteri-koronavirus. (accessed 05.03.2020)
- 14. Bejli N. *Matematika v biologii i medicine* [Mathematics in biology and medicine]. Moscow, Mir, 1970. 320p. (In Russian)
- 15. Awad E., Dsouza S., Shariff A., Rahwan I., Bonnefon J. Universals and variations in moral decisions made in 42 countries by 70,000 participants // PNAS. February 4.2020.117 (5), 2332—2337, first published January 21.2020. Princeton, Princeton University. Edited Susan T. Fiska. Available at: https://doi.org/10.1073/pnaas191517117 (accessed 18.04.2020).
- 16. Gros C., Valenty R., Schnaider L., Valenti K., Gros D. Containment efficiency and control strategies for Corona pandemic cost. Available at: arxiv. org>physics. 1 April 2020. (accessed 18.04.2020).
- 17. Kaledina A. *Kak karantin lyazhet: obshchij ushcherb ot pandemii mozhet sostavit' pochti 18 trln rublej* [How the quarantine will fall: the total damage from the pandemic could be almost 18 trillion rubles]. Available at: https://iz.ru/1000399/anna-kaledina/kak-karantin-liazhet-obschii-uscherb-ot-pandemii-mozhet-sostavit-pochti-18-trln (accessed 14.04.2020).

Проект «Культура провинции» **Project «Culture of the Provinces»**

УДК 008:316.33/.35; 7.07

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-149

С. А. Добрецова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль

Провинциальные художники: коллективный «портрет» и жанр портрета¹

В статье рассматриваются особенности жанра «портрет» в творчестве ярославских художников. В качестве материала анализа выбраны живописные работы ярославских художников — Николая Мыльникова (первая половина XIX века), Михаила Владыкина (первая треть XX века) и Елены Мухиной (начало XXI века). Творчество данных персоналий является наиболее показательным для каждого из названных периодов развития ярославской культуры. Автор рассматривает проблему соотношения детальной передачи культуры повседневности и художественного образа в жанре «портрет». Выявление особенностей интерпретации этого жанра ярославскими творцами представляется важным, поскольку «документальное», содержащееся в этих портретах, отражает специфику ярославской истории и культуры разных эпох, а «художественное» служит выявлению особенностей ярославской школы живописи. Заявленная в статье проблема является актуальной и потому, что провинциальная культура представляет собой совершенно особый пространственно-временной континуум, подчас являющийся резервным фондом русской культуры. Автором также изучаются реальные личности, послужившие моделями для написания портретов. Интерпретация

[©] Добрецова С. А., 2020

¹ Выполнено по гранту Российского Научного Фонда 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

жанра «портрет» в творчестве ярославских художников в аспекте соединения документальных деталей соответствующей художнику эпохи и художественного вымысла позволяет выделить две основные тенденции: традиционное соединение деталей и вымысла в реалистическом творчестве Николая Мыльникова и Михаила Владыкина и авангардное воплощение образа женской красоты современной эпохи в художественном творчестве Елены Мухиной. Выявленные тенденции обусловлены в первую очередь эпохой создания портретов: первая половина XIX века у Николая Мыльникова и его вариант бытового реализма, первая треть XX века Михаила Владыкина и его «советская» интерпретация жанра портрета, символичность и художественность современного портрета в творчестве Елены Мухиной.

Ключевые слова: портрет, ярославские художники, провинция, Николай Мыльников, Михаил Владыкин, Елена Мухина, художественный образ.

S. A. Dobretsova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

Provincial Artists: Collective «Portrait» and Genre of Portrait

The article studies an example of interpretation of the genre of portrait in works of Yaroslavl artists. As a material for analysis we have chosen the pictorial works of Yaroslavl artists — Nikolai Mylnikov, (the first half of the ninetieth century), Mikhail Vladykin (the first third of the twentieth century) and Elena Mykhina (the beginning of the twenty-first century). Their works are the most significant for every period of Yaroslavl culture. The author considers the problem of correlation of details reproduction of everyday culture and an artistic image in the portrait genre. Detection of interpretation features of this genre is the most important thing because the "documentary" in these portraits mirrors the specific features of Yaroslavl history of different periods whereas "art" helps to reveal the characteristics of the Yaroslavl art school. The research problem of the article is of immediate interest because the provincial culture is a special space-time continuum, in some cases being a reserve fund of the Russian culture. The author studies a real person who was the model for portraits-making. Interpretation of the genre of portrait in the art of Yaroslavl artists in an aspect of the union of documentary details corresponding to an epoch, and the artistic fiction allows us to point out two main sentiments. There is a traditional combination of details and fiction in realistic works of Nikolai Mylnikov and Mikhail Vladykin. There is an innovative embodiment of women beauty image of contemporary epoch in Elena Mykhina's creative art. These tendencies are due to the epoch of creation of portraits: Nikolai Mylnikov and his everyday realism in the first half of the ninetieth century, Mikhail Vladykin and his "Soviet" interpretation of portrait genre in the first third of twentieth century as well as symbolism and artistry of contemporary portrait in Elena Mykhina's works.

Keywords: portrait, Yaroslavl artists, province, Nikolai Mylnikov, Mikhail Vladykin, Elena Mykhina, artistic image.

Введение. Портретный жанр вискусстве всегда вызывал большой интерес художников. На наш взгляд, прежде всего тем, что подразумевает определенную амбивалентность, включающую в себя два аспекта. С одной стороны, объективное отражение внешнего облика модели: воспроизведение внутренних качеств, в совокупности составляющих текст эпохи[1, с. 7], которой этот портрет принадлежит; с другой стороны — авторский взгляд художника на личность модели. Необходимо также отметить, что портрет априори ориентирован на правдоподобие: создаваемый автором художественный образ, не равный герою, по большей части отражает основные внутренние и внешние особенности человека. Так, по мнению М. С. Кагана, индивидуальное в образе портретируемого преобладает над общим, и справедливо это в том случае, если за образом скрывается реальный прообраз, прототип.

Однако это закономерно, по большей части, для реалистичного портрета, авангардные произведения искусства, относящиеся к этому жанру, безусловно, заключают в себе больше авторского вымысла и творческой интерпретации личности модели.

Портретный жанр в творчестве русских художников встречается повсеместно: от одиночных портретов (портреты Марии Ермоловой, Константина Коровина, Иды Рубинштейн художника В. А. Серова) до композиционно сложных групповых портретов (И. Е. Репин «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения», Б. М. Кустодиев «Групповой портрет художников общества "Мир искусства"»).

Весьма актуальной нам представляется проблема интерпретации жанра портрета в творчестве ярославских художников, поскольку провинциальная культура представляет собой совершенно особый пространственно-временной континуум, подчас являющийся резервным фондом русской культуры. Выявление особенностей интерпретации портрета ярославскими мастерами представляется нам важным, поскольку, с одной стороны, они отражают специфику ярославской истории и культуры повседневности разных периодов, а с другой — служат выявлению особенностей ярославской школы живописи.

При изучении заявленной в статье проблематики творческой личности и творческой деятельности в целом мы опирались на

работы Т. И. Ерохиной[2], Т. С. Злотниковой[3], Н. Н. Летиной [4], Н. А. Хренова [5]. Творчеству ярославских художников посвящены статьи как местных авторов, не претендующие на научность, а поэтому имеющие определенную публицистическую модальность: Л. Драча [6], В. Елисеевой [7], И. Лопатина [8], М. Полывяной [9], так и исследователей, впервые вводящих в научный оборот факты, связанные с творчеством ярославских художников — А. А. Алехиной [10], Н. П. Голенкевич [11], Н. М. Тарабукина [12].

Мы также обращались к исследованиям, посвященным провинции, которые можно разделить на исторические — содержащие информацию по социокультурному и историко-культурному развитию ярославской провинции второй половины XIX — начала XX в.: М. В. Александровой [13], Н. В. Дутова [14], Е. А. Ермолина [15], В. М. Марасановой [16], Н. В. Обнорской [17], Ю. Г. Саловой [18]; и теоретические исследования, посвященные феномену провинции, — О. Г. Беломоевой [19], Е. Я. Бурлиной [20], Н. И. Ворониной [21], Е. В. Дзякович [22], Т. С. Злотниковой [23].

Методы исследования, теоретическая база. Методология исследования базируется на сочетании двух магистральных методов исследования представленного материала: методы поиска общих черт и методы поиска индивидуальности. С одной стороны, мы используем типологический метод исторической культурологии, который позволяет выявить общие тенденции развития портретного жанра в творчестве ярославских художников названных эпох. С другой стороны, используя метод генерализирующей индивидуализации культурных черт, выявить типично «ярославское» в работах исследуемых художников.

Материалом исследования является, прежде всего, творческое наследие ярославских художников: Н. Мыльников — серия портретов купцов Рахмановых, 1826, серия портретов купцов Соболевых, 1834; М. А. Владыкин — портреты Н. Критского, П. Мосягина, 1914; Е. Мухина — «Маркиза», «Полька-бабочка», 2009. Мы определили данные художественные произведения как наиболее репрезентативные в контексте творческой деятельности ярославских художников. К материалам исследования можно также отнести мемуарную литературу, которая включает в себя как переписку самих художников со своими учениками, так и мемуары членов семей и друзей художников. Статьи в изданиях местной печати о творческом и жизненном пути ярославских художников: «Северный рабочий»,

«Северный край», «Ярославский календарь», «Золотое кольцо». Каталоги выставок художников: «Каталог выставки ярославских художников и юбилейная выставка М. Владыкина» (1936); каталоги выставки Е. Мухиной «Радость бытия», 2015, «Бабье лето», 2009.

Результаты исследования и их обсуждение. Интерпретацию жанра «портрет» в творчестве ярославских художников предлагается рассмотреть на примере работ Николая Мыльникова (первая половина XIX в.), Михаила Владыкина (первая треть XX в.) и Елены Мухиной (начало XXI в.). Николай Мыльников является классиком провинциального портрета, его работы составили потрясающую галерею портретов ярославских купцов, сформировавших особый «ярославский» тип зажиточного торговца. Михаил Владыкин — творец рубежа XIX—XX вв. — представлял собой символ художественной и образовательной среды города этого времени, совмещая в своем облике две грани: художника и педагога. Елена Мухина — художник начала XXI века, типичный представитель современного искусства, стилистическая направленность которого до сих пор весьма дискуссионная. Художники разных периодов ярославской живописи и портреты, созданные ими, представляют собой разную степень совмещения объективного отражения реальности и художественного вымысла, что и позволит на основе анализа живописного материала сделать вывод о специфике интерпретации этого жанра в творчестве мастеров.

Николая Мыльникова можно считать «классиком» провинциального купеческого портрета, потому что его работы представляют собой образец для подобного рода феномена. Существуют предположения, позволяющие нам считать, что Николай Мыльников, находясь в Москве, был вхож в мастерские Ивана Аргунова и Василия Тропинина. Данный факт подтверждают и некоторые детали его произведений, имеющие общие черты с живописной манерой вышеназванных художников.

В 1826 г. Мыльников создает серию портретов московских купцов Рахмановых, в процессе работы над которой художником был выработан алгоритм «купеческого» портрета: фигуры персонажей представлены монументально и величественно, а детальная проработка костюма является одним из важных компонентов портретного облика. Показательной также является манера создания художником своих работ: он не стремится выйти за пределы однажды выработанной схемы — фигуры на портретах статичны, пространство фона не заполнено интерьером, изображение которого было мод-

ным в то время. Творец также старается не загружать портреты декоративными, не несущими определенного смысла аксессуарами. Мы можем говорить об определенном типологическом портрете, выработанном Н. Мыльниковым.

Портретируемые личности отличаются особой индивидуальностью. Например, портреты купеческой династии Соболевых: данная семья отличалась цепкой хваткой и изворотливостью, пройдя путь от крепостных до купцов второй гильдии [17, с. 9—12]. Соболевы занимались виноторговлей, и география их деятельности выходила за пределы Ярославля.

На портретах Мыльникова, которые сейчас хранятся в собрании Ярославского художественного музея, запечатлена семейная пара купцов Соболевых — Даниил и Матрена. Парные портреты Даниила и Матрены построены по принципу контраста. Даниил как глава семейства выражает волевое активное начало: торс дан в повороте 3/4, лицо обращено к зрителю. Создается ощущение энергичного действия, подчеркиваемого жестом руки. Обращаясь к биографии Даниила Соболева, мы находим объяснение всем деталям, отраженным в портрете, которые выражают волевое, активное и энергичное начало. Он вторым из семьи после вдовствующей матери и первым из детей отделился от братьев со своей долей капитала. Стал единственным из всей семьи старообрядцем поморского толка, что, с одной стороны, отдалило его от семьи, а с другой — характеризует как человека принципиального, цельного и верного своим принципам, даже несмотря на несогласие с семьей. Вплоть до собственной смерти в 1852 г. он был настоятелем Андрониевской пустыни, то есть был во всех смыслах активным, деятельным и самостоятельным человеком [17, с. 9—12].

В портрете его супруги Матрены изображение жестикуляции отсутствует, активный жест супруга словно останавливается и замирает. Она как будто бы «в кокон» завернута в светлую шаль, скрывающую руки, цветная кайма, сливаясь с фоном, акцентирует внимание зрителя на развернутом к нему округлом, добродушном лице женщины. Детальность проработки ее образа подчеркнута элементами одежды: узорчатая шаль, накинутая на плечи, платье неброских тонов, шелковый капот и драгоценности, которые являлись достоянием купеческой семьи — мерцающий жемчуг, перевитый в несколько рядов, количество которых определяло богатство семьи, серьги с крупными камнями, головная повязка украшена брошью. Сложно провести параллель с ее биографией, поскольку о личности

Матрены известно немного: она пережила мужа на двенадцать лет и свои дни окончила в Андрониевской богадельне.

Семейный ансамбль Соболевых завершает портрет сына Александра, написанный на холсте меньшего формата, но поворотом головы связанный с портретами родителей. Даниил был единственным ребенком Соболевых, не умершим во младенчестве, тем не менее портрет изображает бледного, худощавого, по всей видимости, болезненного юношу. Действительно, мальчик скончался в 1837 г. в возрасте шестнадцати лет.

Таким образом, портреты Николая Мыльникова объединяют в себе бытовые детали эпохи и художественное восприятие художником личности модели очень тонко — Мыльников стремится к передаче не сиюминутного настроения, а характера персонажа, особенностей его личности. Документальное отражение эпохи достигается за счет портретных черт внешности и тщательной проработки костюма. Художник старается не идеализировать своих моделей, как это было свойственно, например, художникам-романтикам, он создает бытовые портреты, максимально приближенные к действительности, которые содержат не только внешние, но и внутренние сходства с реальной личностью. Мы можем обозначить данную портретную галерею как своего рода «книгу», повествующую о ярославском купечестве первой половины XIX века, рисующую образ хваткого и зажиточного ярославского купца и его семейства.

Следующий пример соединения детального (документального) и творческой интерпретации представлен в портретах ярославского художника первой трети XX века — Михаила Владыкина. Вокруг себя мастер всегда старался собрать особый творческий круг — художественной и интеллектуальной элиты: например, дружил с Петром Мосягиным, коллегой-художником, в будущем кинооператором, кинематографические работы которого до сих пор хранятся на киностудии «Мосфильм». Также тесно общался с Николаем Критским, сыном знаменитого журналиста-краеведа Петра Критского, — портреты своих единомышленников и создавал ярославский художник [24, с. 35].

Обращаясь к первому портрету Николая Критского (1914), можем отметить, что мужчина, изображенный на полотне, является сыном знаменитого ярославского краеведа — Петра Андреевича Критского, который был не только блестящим исследователем Ярославского региона, но и талантливым педагогом, «человеком в высшей степени общительным, деятельным, предприимчивым...»

[25]. Критский — представитель ярославской интеллигенции, был человеком скромным, интеллектуальным и незаурядным.

М. Владыкин создает образ задумчивого, философски настроенного человека. Автор стремится подчеркнуть мечтательный жест Н. Критского: мужчина рукой поддерживает подбородок и пристально всматривается в открывающуюся перед ним картину жизни. Портретируемый невозмутим, все в его внешнем облике подчеркивает гармонию и спокойствие уверенного в себе человека. Глядя на этот портрет, могут возникнуть ассоциации с главным милиционером всех советских детских книг — дядей Степой — то же спокойствие, вдумчивость, честность и порядочность.

Картина изображает интерьер, дышащий светом и цветом: портретируемый запечатлен на легком, практически золотистом, солнечном фоне. Художник М. Владыкин использует яркие, свежие и сочные оттенки. Николай Критский изображен автором в ослепительно белой рубашке, с выделяющимся на ее фоне галстуком синего цвета, который мы можем интерпретировать как символ глубокой задумчивости.

Портрет невесом, гармоничен, написан словно одним касанием кисти. Данный портрет являет образец камерного, личного, «домашнего», импрессионистического портрета: автор стремится передать непосредственность момента жизни. Мы можем выявить синтез документального начала и художественного образа — стремление автора выразить ключевые особенности личности Николая Критского посредством колорита и композиции (поясной портрет, поза и жест модели).

Совсем иным предстает перед нами другой портрет М. Владыкина — «Портрет Петра Мосягина» 1914 г. Работа существенно отличается от рассмотренного ранее портрета Николая Критского. Перед нами образец почти парадного портрета Петра Мосягина.

О личности портретируемого — Петра Мосягина — известно больше, нежели о Николае Критском, поэтому относительно представленного образа мы более точно можем говорить об интеграции документального и художественного начал. Петр Мосягин в гимназические годы, посещая городские классы рисования под руководством Петра Александровича Романовского, освоил азы художественного творчества и в 1906 г. отправился в Москву, где поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. По свидетельствам краеведов [24, с. 47], выбор жизненного пути, не совпадающего с мнением семьи, стал для художника причиной размолв-

ки с отцом. Молодой темпераментный художник, уехав в столицу, остался без материальной поддержки со стороны своей семьи и был исключен из училища на четвертом курсе, не сумев внести плату за обучение. Талантливый живописец, вернувшись в Ярославль, стал одним из активных организаторов и самых деятельных членов Ярославского художественного общества. Петр Мосягин участвовал в вернисажах и творческих вечерах, вскоре снискав как признание метров, так и симпатии публики [24, с. 55].

Как было отмечено ранее, Петр Мосягин был не только художником, но и кинооператором, а также пробовал себя и в режиссерской и операторской работе. Перечисленные грани его творческой деятельности нашли свое отражение и в его художественных произведениях. Композиционно его работы очень часто напоминают стоп-кадр («Сретенский пролом», 1913, «Улица Подзеленье возле Церкви Спаса на городу», 1918). В цветовом решении мы также можем их ассоциировать с «кинематографическим» видением» [24, с. 55].

Таким образом, многогранность таланта Петра Мосягина (художник, фотограф, кинооператор, режиссер) оставила яркий, в буквальном смысле красочный, след в истории Ярославля.

Именно в таком творческом облике Михаил Владыкин изображает своего друга-единомышленника — Петра Мосягина — творца, создателя, демиурга. Портретируемый запечатлен в полный рост, вполоборота к зрителю, с сигаретой в правой руке, а левую пряча в кармане брюк. Прямой открытый взор Мосягина обращен на зрителя, во всем его облике чувствуется величественность, гордость, уверенность в себе.

Если Николай Критский принадлежал к интеллектуальной среде провинциального Ярославля, то Петр Мосягин является образцом иной ярославской элиты — художественной, артистической, творческой. Он ярок, уверен в себе, независим.

Мы также отмечаем, что, воссоздавая образ реального художника, творческого человека, своего друга, Михаил Владыкин устраивает своего рода «игру» в парадный портрет: с одной стороны, мы не видим ни художественной мастерской, ни художника за работой, с другой — на заднем плане художник оставляет свидетельства принадлежности Мосягина к художественной среде города. Мы обнаруживаем в интерьере картины этюды, тем самым догадываясь, что изображаемый — творческая личность.

Холст передает радость творения, созидания искусства и совершения творческой деятельности собственными руками. Петр Мося-

гин предстает состоявшимся художником, крупным Мастером, уверенным в своих силах и в непобедимой силе искусства.

В портрете Петра Мосягина документальные детали заключаются в раскрытии особенностей личности модели, как и Николая Мыльникова, но Михаил Владыкин создает портрет яркой, уверенной в себе личности в творческой атмосфере уюта, изображенного на картине. Мы можем отметить, что если ключевым для Николая Мыльникова было отразить изворотливость, деловую хватку, ум, зажиточность ярославских купцов, то для Михаила Владыкина принципиальным становится создание образа человека элиты — интеллектуальной (Николай Критский) и творческой (Петр Мосягин).

Третья творческая личность, к работам которой мы обратимся, — это ярославская художница начала XXI века Елена Мухина. Особенность ее портретов заключается в том, что в большинстве своем они все женские. Названия ее персональных выставок — «Объекты любви», «Бабье лето» — также подчеркивают главную тему ее творчества: женская красота, женственность, эволюция представлений о женской привлекательности в искусстве. В контексте ее творчества документальные детали отходят на второй план и являются вторичными. В портретах Елены Мухиной создается обобщенный, собирательный образ женщины и красоты: ни один из портретов не написан с натуры.

Так, например, тонкий юмор проскальзывает в работе «Маркиза»: изображенная женщина полностью обнажена, но на ее голове располагается изящная широкополая шляпа. Из-под полей шляпы игриво стреляют в зрителя насмешливые глаза. На заднем плане надпись: «Мой принц! О, не Вы ли сломали на шляпе Маркизы перо?», что подчеркивает кокетливость, игру. Яркий макияж, густо накрашенные губы, в руках у барышни красного цвета цветок — все эти детали создают образ женщины в поисках своего единственного возлюбленного. Во всех перечисленных особенностях мы можем прочувствовать затаённый юмор художницы, присутствующий, как говорят критики, в большинстве её работ и придающий им особенное очарование и своеобразие.

Следующая работа художницы уже в самом названии содержит юмористическое начало — «Полька-бабочка». Фигура девушки, озорно отплясывающей танец польку, выдержана в голубоватобелых оттенках, в гармонии с тельняшкой моряка, увлечённо играющего на гитаре. Рыжий цвет волос барышни созвучен корпусу ги-

тары и загорелому телу кавалера, вернувшегося, по всей видимости, из жарких стран. Женщина напоминает русалку, только вынырнувшую из воды, и русалочку Ариэль с огненно-рыжими волосамииз мультипликационных фильмов студии Уолта Диснея.

Елена Мухина старается создать обобщённый собирательный образ женской красоты в современном искусстве. Все изображаемые художницей женщины полноватые, тяжеловатые, объемные. Существенной деталью также является размер полотен — они масштабные, как и сами женщины, на них запечатленные. Мы можем только предполагать, что в современной культуре женщина занимает доминирующую позицию, в то время как мужчины в работах Елены Мухиной изображаются редко, а если и присутствуют на полотнах, то в сравнении с женщиной меньше по масштабу, слабее и бледнее, а иногда и как определенное дополнение к женщине — она пляшет, он играет. У нее более активная позиция — движение, но без его игры — динамики не будет.

При внешней документальной проработке женского тела и художественных деталей, внимания к костюму в портретах Елены Мухиной доминирует художественное, символическое, юмористическое, даже карикатурное начало.

Заключение. Таким образом, интерпретация жанра «портрет» в творчестве ярославских художников в аспекте соединения документальных деталей соответствующей художнику эпохи и художественного вымысла позволяет выделить две основные тенденции: традиционное соединение деталей и вымысла в реалистическом творчестве Николая Мыльникова и Михаила Владыкина и авангардное воплощение образа женской красоты современной эпохи в художественном творчестве Елены Мухиной.

Весьма существенной деталью становится, прежде всего, то, что ярославские художники вписывались в контекст общероссийских тенденций развития искусства соответствующего периода. Так, Н. Мыльников ощутимо усиливает камерность в трактовке образа: в портретах снижается декоративность, возрастает роль жеста. М. Владыкин в традициях соцреализма обращается к реалистическому решению портретного образа современника, единомышленника, интеллигента. Е. Мухина в своем творчестве отражает многовекторность творческих поисков художников конца XX в., теряя документальность, приближаясь к фигуративности портрета. Выявленные тенденции обусловлены в первую очередь эпохой создания ра-

бот: вторая половина XIX в. у Николая Мыльникова и его вариант бытового реализма, первая треть XX в. Михаила Владыкина и его «советская» интерпретация жанра портрета, символичность и художественность современного портрета в творчестве Елены Мухиной.

Типично «ярославским» мы, пожалуй, можем назвать только моделей, выбранных художниками для своих портретов. Людей для ярославской истории и культуры особенно значимых и выдающихся: зажиточных купцов, успешных художников, операторов, исследователей.

Библиографический список

- 1. Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма: научная монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. 330 с.
- 2. Ерохина Т. И. Максим Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 217—222.
- 3. Злотникова Т. С. Русские вопросы А. Платонова и Н. Некрасова: отношение к жизни как ментальный парадокс // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 188—197.
- 4. Летина Н. Н., Буренина Н. А. Современный российский медиапроцесс в восприятии ярославской аудитории // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 362—366.
- 5. Хренов Н. А. Современное искусствознание как гуманитарная наука в ситуации культурологического поворота // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12. № 1 (43). С. 98—115.
 - 6. Драч Л. Я для всех и ничей // Северный край. 2006. № 29. С. 7.
- 7. Елисеева В. В мастерских ярославских художников // Северный рабочий. 1946. № 53 (7946). С. 3.
- 8. Лопатин И. В. Михаил Алексеевич Владыкин // Северный рабочий. 1948. № 131 (8540). С. 4.
- 9. Полывяная М. Штрихи к портрету Петра Мосягина // Северный край. 2001. 23 окт. С. 10.
- 10. Алехина А. А. Строгановцы в Ярославском крае // Художник. 1978. № 8. С. 41.
- 11. Голенкевич Н. П. Художественная жизнь Ярославля конца XIX первой трети XX столетия. Творческие объединения. Выставки. Художники. М.: Библиотека искусства, 2002. 109 с.
- 12. Тарабукин Н. М. Материалы для биографии художника Михаила Соколова // Ярославский архив : ист.-краеведч. сборник. М.; СПб., 1996. С. 350—383.
- 13. Александрова М. В. Ярославский литературоведческий текст и социокультурный контекст (XX век) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 309—313.

- 14. Дутов Н. В. Ярославль: история и топонимика улиц и площадей города: краеведческие хроники. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. д-ра ист. н., проф. М. В. Новикова. Ярославль: Российские справочники, 2015. 216 с.
- 15. Ермолин Е. А. Культура Ярославля // Инициатива. Творчество. Поиск. 1998. № 25. 55 с.
- 16. Марасанова В. М. Завод «Красный маяк» в 1917—1928: микроуровень социальной реальности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 4 (50). С. 5—11.
- 17. Обнорская Н. Купцы, которых мы знаем в лицо // Ярославль многоликий. 2000. №2. С. 9—12.
- 18. Салова Ю. Г. Повседневная жизнь в Ярославле в годы гражданской войны // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всероссийской научной конференции. Самара: СамГТУ, 2016. С. 101—105.
- 19. Беломоева О. Г. Этническая культура как единство уникального и универсального // Культурные миры Финно-Угрии: опыт прошлого в моделях будущего: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саранск, 2017. С. 9—14.
- 20. Бурлина Е. Я. «Советский век» в приватных пространствах и глобальном времени // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4 (109). С. 166—172.
- 21. Воронина Н. И. Саранск: город и горожане в зеркале истории. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 180 с.
- 22. Дзякович Е. В., Калмыков А. А. Идентичность места: малая родина, русский мир, геобренд // Вестник МГЭИ (online). 2020. № 1. С. 60—80.
- 23. Злотникова Т. С. О провинциальности русского самосознания: философская традиция и актуальные массовые представления // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 114—126.
- 24. Александрова М. В. Очевидцы столетий: судьбы и события в зеркале ярославской застройки. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. 136 с.
- 25. Колганова В. А. Критский Петр Андреевич. URL: http://demetra.yar.ru/index.php/uglichskij-rajon/istoricheskie-persony/281-kritskij-petr-andree-vich-1865-1922-uchitel-kraeved(accessed 18.06.2020).
- 26. Владыкин М. А. Счастливые незабываемые дни // Северный рабочий. 1939. 1 января №1(5898). С. 2.

References

- 1. Erohina T. I. *Lichnost' itekstv kul'turerusskogosimvolizma* [A person and a text in the culture of Russian symbolism]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Press., 2009. 330 p. (In Russ.)
- 2. Erohina T. I. Maksim Gor'kij: kul'turnyjgerojipamyat' kul'tury [Maxim Gor'kij: a cultural hero and a memory of culture]. *Verhnevolzhskij filologicheskij*

vestnik [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2018, no. 4, pp. 217—222 (In Russ.)

- 3. Zlotnikova T. S. Russkievoprosy A. Platonovai N. Nekrasova: otnoshenie k zhiznikakmental'nyj paradox [Russian questions of A. Platonov and N. Nekrasov: an attitude to life as a mental paradox]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2019, no. 4 (19), pp. 188—197 (In Russ.)
- 4. Letina N. N., Burenina N. A.Sovremennyjrossijskijmediaprocess v vospriyatiiyaroslavskoj auditoria [Contemporary Russian mediaprocess in a perception of the Yaroslavl public]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 4, pp. 362—366 (In Russ.)
- 5. Khrenov N. A. Sovremennoe iskusstvoznanie kak gumanitarnaya nauka v situacii kul'turologicheskogo povorota [Contemporary study of art as a humanitarian science in a situation of cultural anthropology turning]. *Vestnik VGIK* [Bulletin of Film Art], 2020, vol. 12, no. 1 (43), pp. 98—115 (In Russ.)
- 6. Drach L. Ya dlya vsekh i nichej [I am to all and nobody`s]. *Severnyj kraj,* 2006, no. 29, pp. 7. (In Russ.)
- 7. Eliseeva V. V masterskih yaroslavskih hudozhnikov [In an artist's studioof the Yaroslavl artists]. *Severnyj rabochij*, 1946, no. 53 (7946), p. 3. (In Russ.)
- 8. Lopatin I. V. Mihail Alekseevich Vladykin [Mihail Alekseevich Vladykin]. *Severnyj rabochij*, 1948, no. 131 (8540), p. 4. (In Russ.)
- 9. Polyvyanaya M. Shtrihi k portretu Petra Mosyagina [Traits to the portrait of P. Mosyagin]. *Severnyjkraj*, 2001. 23 okt. p. 10. (In Russ.)
- 10. Alekhina A. A. Stroganovcy v Yaroslavskomkrae [The students of the Stroganovcollege in the Yaroslavl region]. *Hudozhnik*, 1978, no. 8, p. 41 (In Russ.)
- 11. Golenkevich N.P. *Hudozhestvennayazhizn' Yaroslavlyakonca XIX pervojtreti XX stoletiya. Tvorcheskieob"edineniya. Vystavki. Hudozhniki.* [The art life of Yaroslavl of the end of XIX the third part of XX centuries]. Moscow: Bibliotekaiskusstva, 2002. 109 p. (In Russ.)
- 12. Tarabukin N. M. Materialy dlya biografiihudozhnika Mihaila Sokolova [Content for MihailSokolov biography]. *Yaroslavskiy arkhiv: ist.-krayevedch. sbornik.* Moscow; Saint Petersburg, 1996, pp. 350—383 (In Russ.)
- 13. Aleksandrova M.V. Yaroslavskij literaturovedcheskij teksti sociokul'turnyj kontekst (XX vek) [The Yaroslavl literary studies text and the social-cultural context (XX century)]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 6, pp. 309—313 (In Russ.)
- 14. Dutov N. V. *Yaroslavl': istoriya i toponimika ulic i ploshchadej goroda : kraevedcheskie hroniki.* [Yaroslavl: history and toponymies of city's streets and squares:regional natural history narrative]. Yaroslavl, PublRossijskiespravochniki, 2015, 216 p. (In Russ.)
- 15. Ermolin E. A. Kul'turaYaroslavlya[The culture of Yaroslavl]. *Iniciativa. Tvorchestvo. Poisk*, 1998, no. 25, 55 p. (In Russ.)

- 16. Marasanova V. M. Zavod "KrasnyjMayak" v 1917—1928: mikrouroven' social'nojreal'nosti [The «KrasnyjMayak» factory in 1917—1928: a microlevelof social reality]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universitetaim. P. G. Demidova*, Seria Gumanitarnye nauki, 2019, no. 4 (50), pp. 5—11. (In Russ.)
- 17. Obnorskaya N. Kupcy, kotoryh my znaem v lico[Tradespeople, who we know by sight]. *Yaroslavl' mnogolikij*, 2000, no. 2, pp. 9—12. (In Russ.)
- 18. Salova Yu.G. Povsednevnayazhizn' v Yaroslavle v godygrazhdanskojvojny [Daily live in Yaroslavl in the years of the Civil war]. *Chelovek i obshchestvo v usloviyah vojn irevolyucij materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii.* Samara, SamSTU, 2016, pp. 101—105. (In Russ.)
- 19. Belomoeva O.G. Etnicheskayakul'turakakedinstvounikal'nogoiuniversal 'nogo [The ethnic culture as a union of extraordinary and universal]. *Kul'turnye miry finno-ugrii: opytproshlogo v modelyah budushchego Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* Saransk, 2017, pp. 9—14. (In Russ.)
- 20. Burlina E. Ya. "Sovetskijvek" v privatnyhprostranstvahiglobal'nomvrem eni [The "Soviet century" in private spaces and global time]. *Yaroslavskij pedago gicheskijvestnik*[Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, no. 4 (109), pp. 166—172. (In Russ.)
- 21. Voronina N. I. *Saransk: gorodigorozhane v zerkaleistorii* [Saransk: city and citizens in the mirror of history]. Saransk, Mordov University Press, 2019, 180 p. (In Russ.)
- 22. Dzyakovich E. V., Kalmykov A. A. Identichnost' mesta: malayarodina, russkijmir, geobrend[The identity of media: small motherland, Russian world and geobrand]. *Vestnik MGEI*, 2020, no. 1, pp. 60—80. (In Russ.)
- 23. Zlotnikova T. S. O provincial'nostirusskogosamosoznaniya: filosofskayat radiciyaiaktual'nyemassovyepredstavleniya [About provinciality of Russian consciousness: philosophical tradition and important massiveperceptions]. *Vestnik slavyanskih kul'tur* [BulletinofSlavicCultures], 2019, vol. 54, pp. 114—126. (In Russ.)
- 24. Aleksandrova M. V. *Ochevidcystoletij: sud'byisobytiya v zerkaleyaroslavs kojzastrojki*[Eyewitnesses of centuries: destinies and events in a mirror of Yaroslavl building]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Press, 2010, 136 p. (In Russ.)
- 25. Kolganova V. A. *Kritskij Petr Andreevich* [Kritskij Petr Andreevich]. Available at: http://demetra.yar.ru/index.php/uglichskij-rajon/istoricheskie-persony/281-kritskij-petr-andreevich-1865-1922-uchitel-kraeved (accessed 18.06.2020).
- 26. Vladykin M. A. Schastlivye nezabyvaemye dni [Happy unforgettable days]. *Severnyj rabochij*, 1939, no. 1(5898), p. 2. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.022:81'243

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-164

В. М. Гурленов, Ю. И. Трофимова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Как пользоваться знаниями о возрастных психологических особенностях при планировании и реализации урока иностранного языка

В процессе обучения студентов педагогического направления профиля «Иностранный язык» пониманию сущности урока иностранного языка и, следовательно, адекватному его планированию встает проблема учета психологических особенностей школьников соответствующего возраста при решении конкретных профессиональных задач. При этом обучающий обходит стороной проблему проецирования знаний возрастной психологии на учебный предмет и на решение конкретных методических задач. Если опытный учитель решает эти проблемы интуитивно, то студент, идущий на практику, и начинающий учитель испытывают значительные затруднения в понимании причин успешности/неуспешности урока.

В статье раскрывается стратегия адаптации знаний возрастной психологии к учебному предмету «Иностранный язык» и далее к решению конкретных методических задач обучения иностранным языкам. Прежде чем приступить к планированию урока иностранного языка/фрагмента урока, обучающему предлагается раскрыть и уточнить его следующие моменты: какие релевантные психологические особенности необходимо **учитывать** при решении данной конкретной задачи, какие релевантные психологические особенности **тормозят** овладение школьниками данной деятельностью, на основе каких релевантных психологических особенностей предпочтительно

[©] Гурленов В. М., Трофимова Ю. И., 2020

строить обучение при решении данной конкретной задачи и какие релевантные психологические особенности необходимо развивать в процессе овладения школьниками данной деятельностью. В статье приводятся примеры 1) адаптации знаний возрастной психологии к специфике учебного предмета «Иностранный язык» и 2) к решению двух конкретных методических задач. Предлагаемая процедура прикладной интерпретации знаний наук, детерминирующих методику учебных предметов, могла бы привести к полезному осмыслению организации и проведения школьного урока.

Ключевые слова: урок иностранного языка, младший школьник, релевантные возрастные психологические особенности, учитывать психологические особенности, строить обучение на основе психологических особенностей, психологические особенности, тормозящие обучение, психическое состояние.

V. M. Gurlenov, Y. I. Trofimova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

How to Use Age and Psychological Characteristics When Planning and Implementing a Foreign Language Lesson

In the education process of pedagogical students majoring in Foreign languages to understand the essence of a foreign language lesson, and consequently, its adequate planning, arises the problem of taking into account psychological characteristics of schoolchildren of the appropriate age in addressing particular professional goals. In doing so, a student sidesteps the issue of implementing the developmental psychology knowledge in the academic subject as well as while addressing particular methodological tasks. While an experienced teacher effectively deals with such problems viscerally, a student, an apprentice teacher, and a beginning teacher face significant difficulties in understanding the causes of a lesson success/failure.

The article reveals the strategy of tailoring the developmental psychology knowledge to fit the academic subject "Foreign Language" and further to fit the implementation of particular methodological tasks in foreign language teaching. Prior to planning a foreign language lesson students are proposed to disclose and clarify the following: what relevant psychological peculiarities should be taken into consideration in addressing this specific challenge, what relevant psychological peculiarities jeopardize the process of language acquisition by the schoolchildren, what relevant psychological peculiarities should preferably be used as a base in addressing this particular methodological task and what relevant psychological peculiarities should be developed in the process of schoolchildren acquisition of the activity. The article provides examples of 1) adjustment of the developmental psy-

chology knowledge to the academic subject and 2) solution of two particular methodological tasks. The proposed procedure can promote a better understanding of outlining and delivery of foreign language teaching.

Keywords: foreign language lesson, junior pupil, relevant psychological peculiarities, take psychological peculiarities into consideration, develop psychological peculiarities, educate pupils in accordance with psychological peculiarities, psychological peculiarities which jeopardize the process of language acquisition, psychological state.

Введение. В процессе обучения студентов педагогического направления профиля Иностранный язык пониманию сущности урока иностранного языка и, следовательно, адекватному его планированию встают многие проблемы. Одна из них, которая, на наш взгляд, незаслуженно задвигается на второй план при моделировании урока, это проблема учета психологических особенностей школьников соответствующего возраста при решении конкретных профессиональных задач. Справедливости ради следует сказать, что учителя имеют хорошее представление о психологических особенностях каждого отдельного возрастного периода и хорошо применяют эти знания в своей педагогической деятельности. Однако когда приходится осмыслять, в чем кроется успех или неуспех обучающих действий учителя в процессе формирования конкретных навыков или развития определенных умений, далеко не всегда, среди прочих причин, усматривается влияние релевантных психологических особенностей обучающихся в виде векторов, положительно или отрицательно воздействующих на эффективность овладения школьниками конкретными действиями или деятельностями. Как правило, если встает необходимость объяснить учебное поведение школьника его психологическими особенностями, то в лучшем случае их перечисляют без всяких комментариев, как одновекторные явления, приписываемые учеными данному возрасту.

Этот факт был замечен нами в практике планирования урока иностранного языка студентами, овладевающими азами методики обучения иностранным языкам. При составлении конспекта урока студентам предлагалось вносить в его содержание сведения о психологических особенностях школьников данного возрастного периода. Однако вскоре выяснилось, что:

— во-первых, перечисляемые психологические особенности не соотносились напрямую с решением конкретных задач урока;

— во-вторых, было непонятно, как эти особенности влияют на успешность овладения школьниками иноязычной речью и ее аспектами.

Студентам было предложено предварять планирование урока раскрытием и уточнением следующих моментов в следующей редакции:

- 1) релевантные психологические особенности, которые необходимо **учитывать** при решении **данной конкретной задачи**: 1), 2), 3)
- 2) релевантные психологические особенности, на основе которых предпочтительно **строить** обучение при решении **данной конкретной задачи**: 1), 2), ...;
- 3) релевантные психологические особенности, **тормозящие** овладение школьниками **данной деятельностью**: 1), 2), 3) ...;
- 4) релевантные психологические особенности, которые необходимо развивать в процессе овладения школьниками данной деятельностью: 1), 2), 3)

Как видно, в этой редакции схемы моделирования урока иностранного языка обозначены векторы, положительно или отрицательно влияющие на успешность деятельности школьников, а также на личные возрастные особенности, подлежащие учету при решении конкретной методической задачи.

Оказалось, что студенты, справляясь достаточно неплохо с задачей выделения психологических особенностей школьников определенного возраста, делали это в виде их простого перечисления. Они не задумывались, во-первых, над тем, как поступать с четырьмя вышеперечисленными векторами (что и как учитывать, что тормозит, на чем строить и что развивать в процессе обучения иностранному языку). Во-вторых, и это оказалось еще более сложной задачей, как их учитывать при решении каждой конкретной методической задачи.

Методы исследования, теоретическая база. В работе применен метод экстраполяции данных возрастной психологии на методическую действительность урока иностранного языка вкупе с методом целенаправленного наблюдения. Теоретической базой исследования послужили работы В. С. Мухиной [1], Б. С. Волкова [2] и других психологов, работающих в области возрастной психологии.

Результаты исследования и их обсуждение. Представляется, что данная проблема должна решаться в два этапа. Первый этап за-

ключается в том, чтобы знания, полученные из курса возрастной психологии, спроецировать на предмет «Иностранный язык» и раскрыть содержание четырех вышеназванных векторов. Второй этап состоит в том, чтобы полученные знания спроецировать на решение конкретной методической задачи.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере решения некоторых задач в процессе обучения иностранному языку младших школьников.

Вначале приступим к решению задач первого этапа.

Первая психологическая особенность детей этого периода развития заключается в том, что у них достаточно хорошо развиты речевые навыки и умения на родном языке. Ярко выражена потребность в общении [см.: 1, с. 332]. Другими словами, в их родноязычной речи хорошо представлена речевая апперцепционная основа, которая позволяет им владеть довольно беглой речью на родном языке. Уточним, что апперцепцию в нашем случае следует понимать как 1) зависимость восприятия (регсертіо) от опыта человека (в нашем случае — речевого) и как 2) воздействие этого опыта на его восприятие¹.

Безусловно, это стремление к общению необходимо использовать в качестве мотивирующего импульса в процессе обучения иноязычной речи и на этом естественном для данного возраста порыве строить обучение устной речи. Однако отсутствие иноязычной апперцепционной основы (иноязычного речевого опыта) значительно тормозит желание проявить себя в иноязычном общении. Школьник просто вынужден «спотыкаться» на каждом шагу порождения речи из-за недостатка средств выражения, а при восприятии речи — испытывать неудобства при неузнавании фрагментов речи и, как следствие, вынужден отказываться от общения. Известно, что речевой опыт освобождает человека от необходимости думать над тем, как сказать (какими речевыми формами), и предоставляет возможность сосредоточиться на том, что сказать (цели общения). На чем, в таком случае, основывать процесс овладения иноязычной речью и что необходимо развивать? Наилучшим способом овладения основами иноязычной речи будет вовлечение школьников в процесс переноса речи в множество аналогичных ситуаций с одним и тем же контекстным наполнением: Сначала обсуждаем предстоящий день рождения Красной Шапочки, потом Винни-Пуха,

¹ Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/89/%D0%90%D0%9F%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%9F%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 30.08.2019).

потом Вани (ученика класса), потом мой день рождения (учителя). Так развивается очень ценный опыт эмоционально-речевого переживания тождественных жизненных ситуаций. Более того, замечено, что дети стремятся вновь и вновь испытать желание оказаться в подобных ситуациях. Такое стремление школьников многократно переживать то, что им нравится делать, можно назвать эмоциональным предвосхищением [3, с. 96].

Следующая особенность речи младшего школьника состоит в том, что она преимущественно ситуативна¹. Другими словами, она представляет собой речевые (рациональные и эмоциональные) импульсивные реакции-желания² на внешние по отношению к школьнику стимулы. Младший школьник любит задавать вопросы и отвечать на них. Он предпочитает характеризовать то, что он видит и слышит, причем его характеристики носят преимущественно эмоционально-оценочный характер. Его реплики немногословны. Все это необходимо учитывать при моделировании урока иностранного языка в младшей школе. На этой особенности речи школьника можно строить обучение диалогической речи, но только в том случае, если учитель ставит задачу работать над ее импульсной эмоционально-оценочной стороной. Эта же особенность будет значительно тормозить развитие монологической контекстной речи, а также становление рационально-осмысленной стороны диалога (выявление причин и следствий, аргументация, выражение мнения, детализации и т. п.). Это то, что необходимо развивать. Строить же процесс овладения иноязычным монологом и рационально-осмысляемым диалогом следует на постоянном и выраженном ориентировании речи ребенка на партнера по общению.

Следующая особенность психики ребенка данного возраста — богатое воображение [4]. Оно играет большую роль, чем в жизни взрослого человека [1, с. 346]. **Учитывать** эту особенность ребенка уже необходимо потому, что в процессе обучения иностранному языку оно, без применения соответствующих приемов обучения, достаточно плохо поддается эффективному контролю со стороны учителя. Не секрет, что учителя, чтобы предупредить нарушение дисциплины, предпочи-

¹ В данном контексте ситуация понимается как комплекс внешних обстоятельств-раздражителей. Мы отвлекаемся здесь от более глубинного понимания ситуации как факта раздражимости, происходящей как от внешних, так и внутренних импульсов-раздражителей [3].

 $^{^{2}}$ «Ситуативные импульсивные желания» — выражение В. С. Мухиной [1, с. 311].

тают не побуждать школьников обращаться к их воображению. Оно ситуативно, следовательно, спонтанно и непродуктивно, и эта его особенность, если ее не взять на вооружение, значительно тормозит процесс обучения. Однако, как подчеркивает В. С. Мухина, «в младшем школьном возрасте ребенок в своем воображении уже может создавать разнообразнейшие ситуации» [1, с. 342]. На этой особенности воображения ребенка данного периода развития необходимо строить обучение. Чтобы обуздать буйство воображения ребенка, необходимо представить его содержание во внешних репрезентантах (кроки, макеты, лаконичные сюжеты в картинках, схемы, предметы и т. п.), которыми можно манипулировать [см. об этом: 2, с. 96]. Так создаются базовые, исходные ситуации, инициирующие речь школьников (например, день каких-нибудь характерных папы, мамы, сына/дочери). Затем школьникам предлагается прием развивающейся ситуации: вообразить день семьи ежиков (предъявляется иллюстрация), семьи лисичек (предъявляется иллюстрация) и т. д. Это и будет процессом, управляющим развитием творческого воображения ребенка. В диалогической речи акцент на развитие воображения можно делать на ролевом разыгрывании развивающихся ситуаций, предполагающих перевоплощение в героев разнообразных воображаемых миров.

Внимание ребенка младшего школьного возраста также имеет свои особые черты, которые подлежат безусловному учету. Оно всецело зависит от интереса, который ребенок проявляет в своей активности [1, с. 341]. Тормозящим фактором является, несомненно, преобладание непроизвольного внимания [там же]. Строить обучение иностранному языку можно, используя неожиданные и нестандартные раздражители, принимая во внимание тот факт, что при этом необходимо устранять лишние раздражители [см. об этом: 2, с. 85], воссоздающие образ мотивирующей ситуации. Так, вместо живописной фотографии, предназначенной учителем для развития монологической описательной речи, детали которой, как показывает практика, отвлекают школьников от овладения запланированной учителем структуры целевого монолога, предпочтительнее использовать не менее выразительный иллюстративный набросок, поэлементно соответствующий образу, который должен воплотиться в желаемую иноязычную речевую форму. Очень хорошие результаты дает развитие иноязычной речи по рисункам самих школьников. Очень важно при этом как можно чаще использовать мотивацию «Слабо тебе!» (Ты же можешь!, Попробуй вспомнить!, Это знает (Ваня)!, Это может (Света)!). Речь идет об обращении к волевой сфере личности, которая и будет в данном случае объектом развивающего обучения.

Чтобы удерживать внимание школьников, полезно прибегать к ритуальным моментам в процессе обучения. Ритуал — это постоянно и регулярно совершаемые действия, которые становятся священнодействием в силу того, что они приобретают особый завораживающий смысл, объединяющий группы людей. Ритуал всегда приятен для тех, кто в него вовлечен. Ритуальные моменты, как правило, с энтузиазмом воспринимаются школьниками. Перечислим некоторые из них: ритуал приветствия, ритуал извинения, ритуал «спасибо/пожалуйста, ритуал совместной оценки (похвалы), ритуал «обращение к экспертам» и под. У каждого яркого, энергичного учителя рождаются свои ритуалы, которые вызывают в ребенке возникновение желаемого каждым учителем состояния эмоционального предвосхищения. Если разобраться, рефлексивные моменты в уроке (иностранного языка) должны становиться ритуальными, и на них очень эффективно строить формирование произвольного внимания и развивать произвольное запоминание.

Запоминание младшего школьника является, прежде всего, непроизвольным, что, безусловно, необходимо учитывать в обучении иноязычной речи. Тот факт, что как раз ситуация «руководит» речевой активностью школьника, а не содержание его речи, уже подчеркивался выше. С одной стороны, это является тормозящим фактором для развития произвольного запоминания. Однако эта зависимость от внешних раздражителей, как говорят психологи, является более продуктивной в этом возрасте [1, с. 342]. Бесспорно, многие фрагменты обучающего процесса иностранному языку необходимо строить на явлении, которое в психологии известно под названием импринтинг, или мгновенное запечатление. «Чем более молод организм и более нова для него ситуация, тем более велик шанс возникновения психологического импринтинга» [6]. В нашем случае речь должна идти о моделировании учителем нестандартных речевых ситуаций, способствующих возникновению импринтинга: сказочных, воображаемых, неожиданных, таинственных, забавных, смешных, нелепых и под. Вместе с тем необходимость развивать произвольное запоминание очевидна. На чем можно строить этот процесс? Прежде чем дать ответ, определим, что побуждает человека запоминать нечто. Очевидно, что запоминание ради запоминания бессмысленно. Запоминают ради того, чтобы: наметить шаги для достижения цели, актуализировать опыт различного происхождения, вспомнить чтолибо для решения определенной задачи, расставить что-либо в определенном порядке в зависимости от условий задачи, принять решение о нужности/ненужности чего-либо в определенном смысловом целом и т. д. Если при опоре на естественное для младшего школьника непроизвольное запоминание необходимо воссоздавать нестандартные речевые ситуации, то формирование произвольного запоминания строится на перетекающих друг в друга развивающихся ситуациях, о которых упоминалось выше. Эти ситуации, как можно понять, взаимосвязаны, а сущность этой взаимосвязи называется сюжетом. Для того чтобы осуществить процесс произвольного запоминания, в сюжет необходимо внести интригу, другими словами, учебное продвижение по нему должно быть окутано для ребенка некоторой тайной, загадочностью, что побуждает его к решению возникающих на уроке противоречий сюжета¹. Отсюда и характерные побуждающие ситуативные императивы: Для того чтобы ... перечислим ..., переспросим ..., расставим ..., расположим ..., уберем ..., добавим ..., догадаемся ..., сначала, потом, затем, наконец ..., вспомним о Такой обучающий процесс, воплощенный в интригующем сюжете, который может распространяться и на серию уроков иностранного языка, известен как дидактическая игра.

Общеизвестно, что память младшего школьника носит конкретно-образный характер. Это значит, что цель запечатлевается в нем не в виде логического императива, а в форме наглядного предметного образа: образца фразы/текста, которые должны появиться, рисунка, который нужно подписать и т. п. Этот факт также подлежит учету, и на нем необходимо строить обучение порождению иноязычной речи.

Следующей особенностью психики младшего школьника, которую необходимо учитывать, является его высокая подражаемость. Если принять во внимание то, что многое в овладении чужим языком строится в большей степени на имитации (прежде всего, в освоении звуковой и интонационной стороны речи), то этим благодатным свойством психики ребенка данного возраста необходимо широко пользоваться и строить на нем обучение при формировании навыков в стадии условно-речевых упражнений (тренировки). Однако это же свойство является, несомненно, тормозящим фактором, когда учитель начинает работу над развитием речевых умений. Если

 $^{^{1}}$ Сюжет не обязательно должен быть сказочным, воображаемым. Сюжет может быть интригующим и на традиционных уроках без необходимости перевоплощения.

навык — это автоматизм, то умение — это смысловая деятельность. У школьника данного возраста существуют проблемы в построении осмысленной речи. Ему гораздо проще воспроизвести заученный, но непонятный для него текст, чем построить индивидуальное осмысленное высказывание. Чтобы речепорождение стало осмысленным, нужна особая работа над предваряющим его процессом понимания. Строить такую работу можно на совместном со школьниками выявлении, как можно «пройти» индивидуально одну и ту же речевую ситуацию, или как можно ее оречевить с разными коммуникативными целями, или как изменится иноязычная (впрочем, и родноязычная тоже) речь в разных вариантах одной и той же ситуации.

Мышление ребенка данного возраста, и это необходимо учитывать, наглядно-образное. Как указывает В. С. Мухина, «этот возраст сензитивен к обучению, опирающемуся на наглядность», «в мышлении ребенка господствует логика восприятия» [1, с. 337]. По правде говоря, на уроке иностранного языка нет специальной цели развивать мышление как процесс решения задач. Вопрос ставится по-другому: необходимо формировать иноязычное и инокультурное речемышление, суть которого состоит в адекватном оречевлении национальным языком возникающих в психике человека цепочки образов, возникающих в процессе предметно-практической, мыслительной или коммуникативной деятельности [о мышлении и речемышлении в обучении иностранным языкам см.: 7]. Как можно понять, наглядность будет той основой, на которой необходимо строить обучение. Тормозящим моментом будет обусловленность мышления ребенка «центрацией» или восприятием мира вещей и их свойств с единственно возможной для ребенка реально занимаемой им позиции» [1, с. 337]. Ребенку трудно принять другую, отличную от него, позицию в процессе общения или решения задач. Вот почему дети этого возраста отказываются играть роли «плохих персонажей» (Бабы-Яги, например). В отношении того, что следует развивать, необходимо заметить, что урок иностранного языка является отличным плацдармом для развития большинства мыслительных операций, которые содействуют становлению самого мышления. Вот свод этих операций-инструментов, обслуживающих мыслительные процессы: сравнение, противопоставление, обобщение, конкретизация, интерпретация, выделение главного (определение главной мысли) и второстепенного, выделение смысловых частей, добавление, уточнение, выявление противоречий, неточностей, отождествление, различение, отбор, классификация, группирование и др. Список приведен для того, чтобы можно было ориентироваться, чем содержательно следует заполнять коммуникативные ситуации урока, если учитель задается целью работать над становлением мыслительных операций.

Далее необходимо затронуть одну отличительную особенность психики младших школьников, которая очень помогает учителю иностранного языка в формировании навыков и развитии иноязычной речи и на которой, безусловно, можно **строить** обучение. Ребенок, как отмечает В. С. Мухина, прислушивается к речи и дает эмоциональную оценку тому, чем он овладевает [1, с. 330]. Выделение и подчеркивание эмоциональной стороны речевого акта как в речи учителя, так и в речи школьников способствует развитию языкового чувства ребенка. Переживание детьми психических состояний, которые названы нами состояния эстетического императива, необходимо приветствовать на уроках иностранного языка: Это красиво!, Это необычно!, Это непривычно!, Это не то, чему я обучен! и под. Они почти всегда совмещаются с психическими состояниями волеизлияния: Я попробую! Я смогу!, У меня получится!

В данном исследовании не подверглись рассмотрению особенности личностного развития младшего школьника, которые могут лечь в основу следующей статьи.

Перейдем ко второму этапу решения заявленной проблемы. Покажем это на примере решения двух конкретных методических задач.

- **1-я задача**. Учителю необходимо сформировать навык использования в речи звука изучаемого языка, который отсутствует в родном языке обучающихся. При этом он должен:
- учитывать: 1) способность ребенка дать эмоциональную оценку тому, чем он овладевает; 2) высокую подражаемость ребенка; 3) ситуативную обусловленность речи ребенка; 4) примат непроизвольного запоминания; 5) отсутствие иноязычной апперцепционной основы;
- понимать, какие факторы **тормозят** решение задачи: 1) отсутствие иноязычной апперцепционной основы (для речевого этапа работы над звуком);
- **строить** работу, опираясь: 1) на высокую подражаемость ребенка); 2) готовность ребенка переживать эмоционально-оценочные состояния в процессе овладения особенностями иноязычной речью; 3) стремление ребенка к общению;
- **развивать**: 1) произвольное внимание (на этапе «знакомства» со звуком; 2) смысловую контекстную речь (на этапе речевых упражнений).

- **2-я задача.** Учитель ставит задачу развития монологической речи школьника. При этом он должен:
- **учитывать**: 1) отсутствие иноязычной апперцепционной основы; 2) выраженную ситуативность речи; 3) богатое воображение ребенка; 4) высокую подражаемость ребенка;
- **строить** обучение: 1) на ориентировании речи ребенка на партнера по общению; 2) ориентировании речи школьника на наглядные образы—цели;
- понимать, какие факторы **тормозят** достижение цели: 1) отсутствие иноязычной апперцепционной основы; 2) выраженная ситуативность речи; 3) неразвитость смыслового запоминания и индивидуально осмысляемой речи;
- **развивать:** 1) эмоциональное предвосхищение переживания тождественных речевых ситуаций; 2) планирование структуры желаемого монолога (произвольное запоминание).

В качестве вывода следует особо отметить, что знания возрастной психологии, не спроецированные на учебный предмет (в нашем случае *Иностранный язык*), лишь косвенным образом раскрывают специфику обучения иностранному языку школьников определенного возраста. Более того, в понимании и объяснении конкретного фрагмента обучения необходима еще одна конкретизация — соотнесение знаний с решением конкретной учебной задачи.

Заключение. Подводя итоги, необходимо отметить, что предлагаемые процедуры прикладной интерпретации знаний наук, детерминирующих методику учебных предметов, могли бы привести к полезному осмыслению организации и проведения школьного урока. Если такие две процедуры осуществить относительно каждого возрастного периода развития школьника, то можно создать пособие, которое будет востребовано студентами, овладевающими азами учительского мастерства, а также учителями (иностранного языка), начинающими свою профессиональную жизнь.

Библиографический список

- 1. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.
- 2. Волков Б. С., Волкова Н. В. Возрастная психология : в 2 ч. Ч. 2. От младшего школьного возраста до юношества / под ред. Б. С. Волкова. М.: Владос, 2005. 343 с.

- 3. Трофимова Ю. И. Формирование полиязычной готовности первоклассников при обучении родному, региональному и иностранному языкам: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Сыктывкар, 2009. 176 с.
- 4. Битянова М., Азарова Т., Афанасьева Е., Васильева Н. Работа психолога в начальной школе. М.: Совершенство, 1998. 352 с.
- 5. Гурленов В. М. Концепция функционально-познавательного подхода Б. П. Годунова в развитии // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. С. 6—9.
- 6. Ведмеш Н. А. Импринтинг. URL: https://psihomed.com/imprinting/(дата обращения: 03.03.2020).
- 7. Гурленов В. М. Мышление и речемышление в обучении иностранным языкам // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. 2017. № 2 (24). С. 76—85.

References

- 1. Muhina V. S. *Vozrastnaya psihologiya. Fenomenjlogiya razvitiya: uchebnik dlya studentov visshih uchebnih zavedenii* [Developmental psychology. Phenomenology of development: course book for students of higher educational establishments] Moscow, Academia Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
- 2. Volkov B. S., Volkova N. V. *Vozrastnaya psihologiya. V dvuh chastyah. Chast'* 2. Ot mladshego shkol'nogo vozrasta do yunoshestva [Developmental psychology. In two parts. Part 2. From primary school age to adolescence]. Moscow, Vlados Publ., 2005. 343 p. (In Russian)
- 3. Trofimova Y. I. *Formirovanie poliyazichnoi gotovnosti pervoklassnikov pri obuchenii rodnomu, regional'nomu I inostrannomu yazikam.* Dokt. dis. [The formation of first-grade learners' polylingual reediness when learning mother tongue, regional language and foreign language. Doct. diss.]. Syktyvkar, 2009. 176 p. (In Russian)
- 4. Bityanova M., Azarova T., Afanas'eva T., Vasil'eva N. *Rabota psihologa v nachal'noy shkole* [The work of psychologist in primary school]. Moscow, Sovershenstvo Publ., 1998. 352 p. (In Russian)
- 5. Gurlenov V. M. Kontseptsiya funktsional'no-poznavatel'nogo podhoda B. P. Godunova v razvitii [The conception of functional-cognitive approach by B.P. Godunov in development] *Problemi modernizatsii yazikovogo obrazovaniya. Inostranniye yaziki* [Problems of language education modernization. Foreign languages.] Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press, 2018, pp. 6—9. (In Russian)
- 6. Vedmesh N. A. *Imprinting* [Imprinting] (In Russian). Available at: https://psihomed.com/imprinting/ (accessed 03.03.2020)
- 7. Gurlenov V. M. Mishlenie i rechemishlenie v obuchenii inostrannim yazikam [Thinking and speech-thinking in foreign language teaching] *Čhelovek. Kul'tura i Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2017, no. 2(24), pp. 76—85 (In Russian).

УДК 371.378

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-177

О. И. Зезегова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Становление и развитие системы сетевой формы реализации образовательных программ в зарубежных и российских моделях образования¹

В статье рассматривается методология, зарубежный и российский опыт применения сетевой формы реализации образовательных программ. Методологические основания развития сетевой формы опираются на теорию коннективизма. В российских моделях образования следует разделять понятия «сетевая форма реализации образовательных программ» и «дистанционное обучение», что зафиксировано в российском законодательстве. Сетевая форма реализации образовательных программ получила свой правой статус в ст. 15 Закона об образовании и Письме Минобрнауки России «О методических рекомендациях». Сетевая форма применима в тех случаях, когда для повышения качества образования необходимо привлечь кадровые, материально-технические, интеллектуальные и другие ресурсы сторонних организаций. Сетевая форма реализации образовательных программ предусматривает освоение обучающимися образовательной программы как с использованием дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, так и частичного их использования, и без их применения. Практический зарубежный опыт определен двумя моделями: первая — сеть различных образовательных организаций и иных организаций (отраслевые институты, научно-производственные объединения, промышленные предприятия и бизнес-компании), функционирующих под одним брендом; вторая модель — сеть независимых организаций. Зарубежная практика допускает реализацию образовательных программ как одного уровня, так и различных уровней подготовки. Российская практика реализации сетевой формы также имеет два варианта: интеграция образовательных программ; использование ресурсов иных организаций. Таким образом, осуществить интеграцию образовательных программ разноуровневых образовательных учреждений в России нельзя, так как они регулируются различными образовательными стандартами. Второй вариант воз-

[©] Зезегова О. И., 2020

¹ Статья была представлена на XIV Международной научной конференции «Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» (6—7 декабря 2019 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

можен в случае заключения договора об использовании ресурсов образовательных и иных организаций.

Ключевые слова: сетевое обучение, коллаборационистское обучение, сетевое совместное обучение, электронное обучение, мобильное обучение, дистанционное обучение, интерактивное обучение, консорциум, международное образовательное законодательство, российское образовательное законодательство.

O. I. Zezegova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Formation and Development of the Phenomenon Interaction System in Foreign and Russian Education Models

The article is devoted to the methodological, legislative and practical foreign and Russian experience in applying the network form of implementation of educational programs. The methodological foundations are the theory of connectivity. In Russian education models, the concepts "network form of implementing educational programs" and "distance learning" should be separated, which is fixed in Russian legislation. The network form of educational programs received its legal status in article 15 of the Education Act and in the Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation "On methodological recommendations". The network form is applicable in cases when it is necessary to attract personnel, material, intellectual and other resources of outside organizations to improve the quality of education. The network form of educational programs involves studying the development of an educational program using distance learning technologies and e-learning, their partial use, or without their application. Practical foreign experience is defined by two models: the first is a network of various educational institutions and other institutions (branch institutes, scientific-production associations, industrial enterprises and business companies) operating under one brand; the second model is a network of independent organizations. Foreign practice allows the implementation of educational programs of the same level and different levels of training. Russian practice of implementation of the network form also has two options: integration of educational programs; use of resources of other organizations. Thus, it is impossible to pursue the integration of educational programs of different levels of educational institutions in Russia because they are governed by different educational standards. The second option is possible in the case of a contract on the use of resources of educational and other types of organizations.

Keywords: network learning, collaboration, collaborative network learning, e-learning, mobile learning, distance learning, online learning, consortium, international educational legislation, Russian educational legislation.

Введение. Появление в российском законодательстве явления «сетевая форма реализации образовательных программ» связано с развитием образовательных технологий, стремлением повысить качество образования, обеспечением доступности образования, использованием передовых практик в образовательном процессе с применением достижений науки и опыта зарубежных стран. В настоящее время идет процесс практического внедрения этой инновационной формы в российскую систему образования.

Целью исследования является рассмотрение становления и развития явления и системы сетевого взаимодействия в зарубежных и российских моделях образования, а также проведение анализа нормативных актов, регулирующих сетевую форму реализации образовательных программ в России.

Методы исследования, теоретическая база. В зарубежной научной литературе 1970—1980-х гг. сетевое взаимодействие понималось как способ интеграции экономических субъектов, основанный на горизонтальных структурах. Методологически сетевое образование опирается на коннективизм Дж. Сименса и С. Даунса, основная идея сводится к пониманию мыслительных и поведенческих реакций как сети многообразных взаимосвязанных элементов.

Первоначально в научный оборот вошел термин distance learning, который, по мнению D. D. Aggarwal [1], O. Peters [2], превратился в самостоятельную форму дистанционного обучения. Сетевая форма обучения, понимаемая как непрерывное и коллективное взаимодействие (collaborative network learning) компаний и учебных заведений с применением информационной среды, нашла отражение в работах А. К. Gerlak, T. Heikkila [3], L. Khight [4], L. Perriton, V. Hodgson [5], M. Reil, I. Harasim [6].

Ланкастерский университет рассматривает сетевое обучение как обучение, в котором информационные технологии используются для установления связей между студентами, преподавателями, учебным сообществом, учебными ресурсами. Обучающиеся углубляют свои знания, работая с online-материалами и интерактивно взаимодействуя с людьми синхронно, асинхронно или смешанно через текст, голос, графику, видео, общие рабочие области или комбинации этих форм, самостоятельно контролируют себя и процесс обучения.

В русскоязычной научной литературе первоначально использовались понятия: сетевое обучение, взаимное обучение, дистанционное обучение, сетевая форма профильного обучения, сетевая форма в интерактивном обучении, сетевое взаимодействие, совместная образовательная программа. В 2000-е гг. на постсоветском пространстве были опубликованы первые статьи о сетевом обучении, которое представлялось их авторам как дистанционное обучение.

После публикации Закона об образовании и появления законодательной новеллы «сетевая форма реализации образовательных программ» возникли новые направления дискуссии: изучаются правовые аспекты [7], описывается опыт реализации сетевого взаимодействия в зарубежных [8; 9; 10] и российских [11; 12] вузах, оценивается качество реализации образовательных программ в сетевой форме [13]. Вновь обращаются к проблеме определения и применения понятий [14; 15], заявляя о необходимости разделения терминов сетевая форма, дистанционное обучение.

Научная новизна работы заключается в том, что на основании выполненного автором исследования проведен сравнительный анализ опыта реализации сетевого обучения в России и за рубежом; дано обоснование понятию «сетевая форма реализации образовательных программ» в научной литературе и законодательстве; поставлены проблемы практической реализации сетевой формы в образовательных учреждениях.

В процессе работы применен теоретический анализ научных достижений в области изучения проблем сетевой формы реализации образовательных программ в России и за рубежом. В ходе исследования были применены следующие специальные методы: сравнительно-правовой, который позволяет сопоставить законодательные нормы различных стран; метод конкретно-правового анализа, позволивший исследовать различные аспекты сетевой формы реализации образовательных программ в высших учебных заведениях России.

Результаты исследования и их обсуждение. Сетевое обучение, на наш взгляд, следует связать с парагогикой, основанной на концепции коннективизма, главная суть которой сводится к тому, что обучение в современном информационном обществе строится в условиях постоянно меняющейся и динамично развивающейся «учебной паутины» и на принципах «равный равному» [16, с. 85]. При этом значительное место в рамках сетевой среды обучения уде-

ляется самостоятельности изучения материала, в том числе в дистанционной форме, поэтому сетевое обучение целесообразно применять на высших ступенях получения образования.

Практическая реализация образовательных программ в сетевой форме требует законодательного протоколирования. Первым шагом законодательного оформления сетевого взаимодействия стал Маастрихтский договор, где оговаривались вопросы социального партнерства в сфере образования. В дальнейшем этот процесс разрабатывался Болонской декларацией Европейского пространства высшего образования, четыре из семи положений которой имеют отношение к реализации образовательных программ в сетевой форме. Третьим шагом стало принятие коммюнике Комиссии Европейского парламента, Совета Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов «Европейский бюджет 2020», которое позволило стремительно осуществлять интернационализацию европейского высшего образования.

Тенденции сетевого взаимодействия в странах ЕС были обобщены в докладе «Импорт образования в страны Европейского союза» [17]. Рассмотрим эти тенденции. Во-первых, это передача части функций и полномочий в рамках сетевого формата: по приему студентов по результатам олимпиад и конкурсов, разработка программ международного обмена, составление курсов, организация независимой оценки качества образования работодателями, содействие трудоустройству выпускников через кадровые агентства. Вторая тенденция связана с определением моделей взаимодействия между образовательными организациями сети: концентрированная сеть, распределенная сеть и модель цепи [18, с. 147]. Следующая тенденция — международное кросс-университетское обучение, предполагающее, что модули и курсы выбираются обучающимися в нескольких университетах для получения образовательной программы. При этом студент имеет возможность выбрать не только дисциплину, но и преподавателя [8, с. 11]. Четвертая — многосторонние соглашения, в результате которых создаются образовательные консорциумы с целью обмена студентами и получения двойных дипломов. Пятая тенденция — это открытие сетевых университетов в странах с доступной стоимостью обучения (Китай, Вьетнам) с участием французских, японских, немецких, американских, английских партнеров [9, с. 29]. Шестая тенденция предполагает оптимизацию и экономию средств путем объединения материально-технических (лаборатории, библиотеки, технические

средства обучения, «облачные ресурсы», общежития и т. д.) и человеческих (преподаватели, учебно-вспомогательный и административный персонал) ресурсов [10, с. 108].

Указанные тенденции учитываются при проектировании сетевых форм реализации образовательных программ в России. Модели взаимодействия определены законодательно и осуществляются на основе договора, основные положения которого строго регламентированы. Существуют четыре формы договора: Договор между российской образовательной организацией и иностранной образовательной организацией и иностранной образовательной программ; Договор о сетевой форме реализации образовательных программы варианта интеграции образовательных программы варианта интеграции образовательной программы варианта использования ресурсов иных организаций; Договор о сетевой форме реализации дополнительных образовательных программ.

Методическими рекомендациями по организации образовательной деятельности с использованием сетевых форм реализации образовательных программ разделяется партнерство между двумя образовательными организациями, имеющими лицензию на реализацию программ высшего образования и между образовательной организацией и иной организацией. Практическая реализация описывается четырьмя вариантами, однако этот перечень не является исчерпывающим: 1) Модель включения модулей образовательных программ других организаций, осуществляющих образовательную деятельность; 2) Модель «индивидуальный выбор»; 3) Модель «вуз — предприятие»; 4) Модель «базовая организация — академический институт — предприятие».

Прямого запрета на заключение сетевого договора между образовательными организациями разного уровня нет. Но следует помнить, что есть два варианта реализации сетевой формы: интеграция образовательных программ и использование ресурсов иных организаций. Таким образом, осуществить интеграцию образовательных программ разноуровневых образовательных учреждений нельзя, так как учебные планы формируются на базе различных образовательных стандартов. Второй вариант возможен. В этом случае заключается договор о сетевой форме реализации образовательных программ об использовании ресурсов иных организаций. Такой же договор будет заключаться и в случае сетевого взаимодействия с организациями, не осуществляющими образовательную деятельность.

Исполнение договора о сетевой форме реализации образовательных программ между образовательными организациями одного уровня может быть представлено тремя способами: дистанционно; частичное использование дистанционных образовательных технологий; непосредственное взаимодействие педагогических работников с обучающимися. В двух последних случаях возникает необходимость нормативного обеспечения прав студентов при их академической мобильности (право на отсрочку от призыва на военную службу; право на получение стипендий, материальной помощи и других денежных выплат, предусмотренных законодательством об образовании; бесплатный доступ к библиотечноинформационным ресурсам, к учебной, производственной, научной базе образовательной организации; предоставление общежития; право пользования лечебно-оздоровительной инфраструктурой, объектами культуры и спорта). Все перечисленное должно быть предусмотрено локальными актами вузов-партнеров.

Второй вариант «Индивидуальный выбор» нацелен на развитие проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Университетам рекомендуются разработанные онлайн-курсы, например, на платформах «Открытое образование», «Универсариум» и др. В условиях дистанционного обучения в 2020 г. преподаватели направляли студентов к подобным ресурсам. Такую практику следует рассматривать как сетевое взаимодействие. Для осуществления сетевой формы реализации образовательных программ необходимо заключить договор о сотрудничестве между университетом — создателем электронных курсов и университетомреципиентом. В методических рекомендациях, подготовленных ассоциацией «Открытое образование», говорится о возможности включения разработанных курсов в учебные планы университетов в качестве замены учебных дисциплин. Университет-реципиент для этого должен разработать локальные акты, регламентирующие порядок прохождения электронного обучения студентов на цифровых платформах и порядок зачета результатов освоения дисциплин.

Два последних варианта «вуз — предприятие» и «базовая организация — академический институт — предприятие» в нормативноправовом плане не вызывает вопросов, так как эти отношения реализуются через заключение договора о сетевой форме реализации образовательных программ об использовании ресурсов иных организаций. При этом идет речь не только о материально-технических ресурсах, но и интеллектуальном потенциале научных работников академических

институтов и практическом опыте промышленных партнеров по сетевому взаимодействию. Правовые проблемы могут возникнуть в плоскости защиты прав интеллектуальной собственности и регистрации патентов на изобретения, если в создании такого интеллектуального продукта непосредственно участвовали все сетевые партнеры. В данном случае можно рекомендовать оформлять дополнительные соглашения, регламентирующие интеллектуальную собственность и ее защиту в условиях сетевых взаимоотношений.

Заключение. Изучив многообразие терминов, мы пришли к выводу о необходимости разделения их содержательно и дидактически. Дистанционное обучение — это технология, которая может применяться при сетевой форме реализации образовательных программ. Сетевое взаимодействие — это более широкое понятие, чем сетевая форма, поскольку подразумевает горизонтальные связи, которые юридически не оформлены.

В правовом поле следует использовать понятие «сетевая форма образовательных программ». Практическая реализация возможна путем заключения договора о сетевой форме реализации образовательной программы двух и более учебных заведений, реализующих один уровень подготовки в вариантах совместной образовательной программы и интеграции образовательных программ. Под совместной образовательной программой, следуя логике законодателя, должны понимать образовательные программы, реализуемые совместно российской образовательной организацией и иностранной образовательной организацией. Интеграция образовательных программ возможна при участии двух и более российских вузов в реализации обучения в сетевой форме. Во всех остальных случаях подписывается договор о сетевой форме реализации образовательной программы с целью использования ресурсов иных организаций: с организациями, не осуществляющими образовательную деятельность, перечень которых регламентирован законом об образовании; с образовательными организациями, которые предоставляют свои ресурсы. При реализации сетевой формы обучения российские учебные заведения сталкиваются с трудностями нормативно-правового, финансово-экономического и организационно-управленческого характера, которые возникают вследствие несовершенства законодательства и отсутствия опыта реализации инновационной формы обучения.

Библиографический список

- 1. Aggarwal D. D. History & Scope îf Distance Education. NewDelhi: Sarup&Sons, 2007. 663 p.
- 2. Peters O. Distance Education: The Industrialization of Teaching and Learning. L.; N. Y.: Routledge, 1994. 272 p.
- 3. Gerlak, T. Heikkila T. Building a Theory of Learning in Collaborative Institutions: Evidence from the Everglades Restoration Program // Journal of Public Administration Research and Theory. 2011. № 21. P. 619—644.
- 4. Khight L. Network Learning: An Empirically Derived Model of Learning by Groups of Organization // Human Relation. 2005. N° 58. P. 369—392.
- 5. Perriton L., Hodgson V. Positioning Theory and Practice Question(s) within the Field of Management Learning // Management Learning. 2013. Vol. 44. N^2 2. P. 144—160.
- 6. Reil M., Harasim I. Researsh Perspectives on Network Learning // Machine-Mediated.1994. Vol. 4. N^2 2—3. P. 91—113.
- 7. Коршунова Н. В. Сетевые формы взаимодействия образовательных организаций: проблемы реализации образовательного права // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 63—69.
- 8. Неборский Е. В. Критерии качества деятельности преподавателей в университетах США // Актуальные вопросы современной педагогики : материалы IX Междунар. науч. конф. Самара, 2016. С. 10—12.
- 9. Краснова Г. А., Белоус В. В. Сетевые университеты: зарубежный опыт и международные тенденции // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2016. \mathbb{N}^{0} 4. С. 22—30.
- 10. Меликян А. В. Основные характеристики международных сетей университетов // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 100-117.
- 11. Тепляшина Е. А., Петрова М. М., Салмина А. Б., Развина О. С. Опыт сетевой формы реализации образовательных программ в аспирантуре // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 4. С. 118—129.
- 12. Токмовцева М. В., Карабанова О. В. Сетевое взаимодействие образовательных организаций на основе «Школа-Колледж-Вуз». М., 2015. 194 с.
- 13. Ходырева Е. А. Особенности оценки качества реализации сетевых образовательных программ высшего образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 6. С. 57—66.
- 14. Соколова А. С. Сетевое и дистанционное обучение в современной России: различие понятий // Исторические, политические, философские и юридические науки. 2016. № 5. С. 197—199.
- 15. Хмаренко Н. И., Сысоев П. В. К проблеме определения понятия «сетевое обучение» // Профессиональная подготовка студентов технического вуза на иностранном языке: теория и практика: сборник материалов Всероссийского научно-методологического семинара. Томск, 2015. 194 с.

- 16. Корнели Дж., Данофф Ч. Дж. Парагогика: синергия самостоятельной и организованной самостоятельной деятельности // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. № 11. С. 84—97.
- 17. Brandenburg U., McCoshan A., Bischof L., A. Kreft, Leichsenring U. S., Neuss F., Morzick B., Board S.N.A, Scott P., Uvalić-Trumbić S., de Wit. H. Final Report «Delivering Education across Borders in the European Union» // Implementing Framework Service Contract EAC 02/2010 (lot 3) And Specific Contract EAC/2012/0152, European Union, 2013. 860 p.
- 18. Popova I. N. Te designing networkingeducational organizations as a condition of efectiveness of the implementation of programs of the General and additional education // Innovations in education. Vol. 4. Vienna, 2014. P. 135—151.

References

- 1. Aggarwal D. D. *History & Scope if Distance Education*. NewDelhi: Sarup&Sons, 2007. 663 p.
- 2. Peters O. *Distance Education: The Industrialization of Teaching and Learning.* L.; N. Y.: Routledge, 1994. 272 p.
- 3. Gerlak, T. Heikkila T. Building a Theory of Learning in Collaborative Institutions: Evidence from the Everglades Restoration Program. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2011, no. 21, pp. 619—644.
- 4. Khight L. Network Learning: An Empirically Derived Model of Learning by Groups of Organization. *Human Relation*, 2005, no. 58, pp. 369—392.
- 5. Perriton L., Hodgson V. Positioning Theory and Practice Question(s) within the Field of Management Learning. *Management Learning*, 2013, vol. 44, no. 2, pp. 144—160.
- 6. Reil M., Harasim I. Researsh Perspectives on Network Learning. *Machine-Mediated*, 1994, vol. 4, no. 2—3, pp. 91—113.
- 7. Korshunova N. V. Setevye formy vzaimodejstviya obrazovateľnyh organizacij: problemy realizacii obrazovateľnogo prava [Network forms of interaction of educational organizations: problems of implementation of educational law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no. 7, pp. 63—69 (In Russian).
- 8. Neborskij E. V. Kriterii kachestva deyatel'nosti prepodavatelej v universitetah SSHA [Criteria for the quality of teaching at US universities]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf.* [Topical issues of modern pedagogy: materials of the IX Intern. scientific. conf]. Samara, 2016, pp. 10—12 (In Russian).
- 9. Krasnova G. A., Belous V. V. Setevye universitety: zarubezhnyj opyt i mezhdunarodnye tendencii [Networked universities: foreign experience and international trends]. *Vestnik RUDN. Seriya Informatizaciya obrazovaniya* [RUDN Bulletin. Series Informatization of education], 2016, no. 4, pp. 22—30 (In Russian).

- 10. Melikyan A. V. Osnovnye harakteristiki mezhdunarodnyh setej universitetov [Main characteristics of international university networks]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2014, no. 3, pp. 100—117 (In Russian).
- 11. Teplyashina E. A., Petrova M. M., Salmina A. B., Razvina O. S. Opyt setevoj formy realizacii obrazovatel'nyh programm v aspiranture [Experience of the network form of implementation of educational programs in graduate school]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2017, vol. 19, no. 4, pp. 118—129 (In Russian).
- 12. Tokmovceva M. V., Karabanova O. V. *Setevoe vzaimodejstvie obrazovateľnyh organizacij na osnove «Shkola-Kolledzh-Vuz»* [Networking of educational organizations based on "School-College-University"]. Moscow, 2015, 194 p. (In Russian)
- 13. Hodyreva E. A. Osobennosti ocenki kachestva realizacii setevyh obrazovatel'nyh programm vysshego obrazovaniya [Features of assessing the quality of implementation of network educational programs of higher education]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific-methodical electronic journal "Concept"], 2019, no. 6, pp. 57—66 (In Russian).
- 14. Sokolova A.S. Setevoe i distancionnoe obuchenie v sovremennoj Rossii: razlichie ponyatij [Network and distance learning in modern Russia: the difference between concepts]. *Istoricheskie, politicheskie, filosofskie i yuridicheskie nauki* [Historical, political, philosophical and legal sciences], 2016, no. 5, pp. 197—199 (In Russian).
- 15. Hmarenko N. I., Sysoev P. V. K probleme opredeleniya ponyatiya «setevoe obuchenie». *Professional'naya podgotovka studentov tekhnicheskogo vuza na inostrannom yazyke: teoriya i praktika: sbornik materialov Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminara.* Tomsk, 2015. 194 p. (In Russian)
- 16. Korneli Dzh., Danoff Ch. Dzh. Paragogika: sinergiya samostoyatel'noj i organizovannoj samostoyatel'noj deyatel'nosti [Paragogy: the synergy of independent and organized independent activity]. *Problemy upravleniya v social'nyh sistemah* [Management problems in social systems], 2014, vol. 7, no. 11, pp. 84—97 (In Russian).
- 17. Brandenburg U., McCoshan A., Bischof L., A. Kreft, Leichsenring U. S., Neuss F., Morzick B., Board S.N.A, Scott P., Uvalić-Trumbić S., de Wit. H. Final Report «Delivering Education across Borders in the European Union». *Implementing Framework Service Contract EAC* 02/2010 (lot 3) And Specific Contract EAC/2012/0152, European Union, 2013, 860 p.
- 18. Popova I. N. Te designing networkingeducational organizations as a condition of efectiveness of the implementation of programs of the General and additional education. *Innovations in education*. Vol. 4. Vienna, 2014, pp. 135—151.

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-188

Е. В. Сердюк

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

О последовательных содержательных контекстах при обучении монологической речи в языковом педагогическом институте

Изменения в общественном сознании людей приводят к смещению акцентов в обучении иностранному языку на самообучение. Ведущими категориями становятся самоорганизация, самоконтроль, самооценка, саморегуляция, самопознание, саморазвитие, самомотивация. Тенденция к предоставлению большей самостоятельности студентам входит в противоречие с необходимостью управлять развитием умений монологической речи со стороны преподавателя. Очевидно, что такое управление невозможно без использования в работе над монологом опор. Опорами могут выступать графические элементы, структурные схемы (геометрические фигуры), рисунки, опорный конспект, инфографика, логико-синтаксическая схема, полный план, слова как смысловые вехи, различные афоризмы, ключевые слова, презентация, а также их комбинации. Традиционно считается, что при обучении говорению должен существовать так называемый этап снятия опор, однако более логичным и эффективным будет использование таких опор, которые бы уже существовали в нашем речемышлении. Задача преподавателя состоит в нахождении и актуализации данных матрии, которые в работе называются контекстами. В статье рассматриваются последовательные содержательные контексты, которые являются речемыслительными опорами становящейся монологической речи студентов — будущих учителей английского языка. Приводится классификация данных контекстов, созданная на основе анализа учебных пособий, используемых на втором году обучения в институте иностранных языков Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Задачами второго курса практики устной речи (английский язык) является прежде всего формирование прочных грамматических навыков устной речи. Поэтому упражнения для обучения студентов монологической речи на основе выделенных контекстов строятся на базе функционально-познавательного подхода с использованием функциональных грамматически-ориентированных упражнений.

_

[©] Сердюк Е. В., 2020

Ключевые слова: контекст, монологическая речь, языковой институт, опоры, факт, действие, событие.

E. V. Serdyuk

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Successive Semantic Contexts in Teaching Monologue in the Pedagogical Language Institute

The changes in the social perception of people lead to the transfer of the emphasis from teaching a foreign language to self-learning. The major categories are self-organization, self-control, self-evaluation, self-regulation, self-understanding, self-development, self-motivation. The tendency to giving more freedom to students contradicts the necessity to manage the development of monologue skills by the teacher. Evidently, such management is impossible without the use of supporting elements/ These can be graphic elements, structural schemes (figures), pictures, draft, infographics, logical-syntactical scheme, full plan, keywords, different quotations, presentation, as well as their combinations. Traditionally it is believed that during teaching oral speech there should be a special stage of removal supporting elements though it would be more logical and effective to use the support already existing in our mentality. The aim of the teacher is to find and foreground this matrix which is called a context in the article. In the article successive semantic contexts are perceived as supporting elements of becoming monologue speech of the students-prospective teachers of the English language. The article gives the classification of the contexts created on the basis of the analysis of the textbooks used in the second year at the Institute of Foreign Languages in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. The aim of the speech practice in the second academic year is the formation of stable grammar skills. Therefore the exercises on the basis of the matrix are built upon functional-cognitive approach with the use of functional grammar-oriented exercises.

Keywords: context, monologue speech, language institute, supporting elements, fact, action, event.

Введение: Современные стандарты образования в вузе предъявляют высокие требования к качеству подготовки будущих учителей иностранного языка. Грамотная, выразительная, эмоциональная речь учителя всегда является примером для учащихся, мотивирует их к изучению языка. В настоящее время наблюдается общее снижение качества речи абитуриентов, что ставит перед преподавателями института иностранных языков задачу поиска новых решений и технологий в обучении прежде всего монологической речи. Остановим-

ся на повествовании как наиболее часто встречающейся форме речи на втором году обучения. Известно, что композиционно-речевые формы как типовые структуры, схемы формальных черт присущи мышлению каждого и люди владеют ими интуитивно. «Речевые формы являются своеобразными целостностями, они характеризуются собственными качествами, которые не сводятся к качествам составляющих их предложений, а определяются структурной связью предложений. Именно структура придает этим целостностям устойчивую форму» [1, с. 75]. Созвучные определения находим в работах М. М. Бахтина: «Когда мы строим свою речь, нам всегда преподносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы, и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [2, с. 266]. Чтобы управлять процессом обучения монологической речи, данные «целостности» необходимо обозначить или назвать. В нашем понимании это целое можно представить как контекст, который играет роль речевой матрицы и является методически значимым феноменом в процессе обучения иностранному языку. Таким образом, целью данного исследования является поиск, выявление и называние контекстов в учебных текстах, используемых на втором курсе обучения практике устной речи английского языка, с целью управления становящейся иноязычной речевой деятельностью обучающихся.

Методы исследования, теоретическая база. Анализ защищенных диссертационных исследований, в которых обычно представлены самые актуальные тенденции педагогической мысли, за последние пять лет (2015—2020 гг.) по специальности 13.00.02 *Теория и методика обучения и воспитания* для языковых педагогических факультетов позволяет выделить следующие направления научной работы:

1. По-прежнему являются перспективными междисциплинарные исследования, интегрирующие разработки в области педагогики, методики обучения, культурологии, филологии, этнографии, регионоведения, кибернетики, музыки: А. А. Дудин (2018 г.), А. В. Назарова (2018 г.), С. Х. Умарова (2016 г.), В. Д. Гришенко (2015 г.), Е. И. Шеваршинова (2016 г.), А. В. Попова (2015 г.), О. Л. Серебренникова (2019 г.).

- 2. Использование разных подходов к обучению: фреймовый подход (М. Н. Пашкова, 2017 г.), когнитивно-компетентностное обучение (Е. Н. Тарасова, 2016 г.), межкультурный подход (О. С. Хосаинова, 2017 г.).
- 3. Сейчас, как никогда ранее, стали актуальными технологии, обеспечивающие автономию студентов: формирование учебной самостоятельности (Д. Е. Онорин, 2018 г.), учебной автономии (М. Е. Каскова, 2016 г.), обучение на основе принципа автономной деятельности студентов (С. В. Дудушкина, 2015 г.), оптимизация самостоятельной работы студентов (Л. Д. Торосян, 2015 г.), индивидуальные иноязычные образовательные траектории (Т. О. Краснопеева, 2019 г.).

В свете данных исследований считаем целесообразным проводить поиск эффективных методов управления преподавателем становящейся монологической речью студентов младших курсов — будущих учителей английского языка, учитывая самостоятельный характер порождения монологического высказывания.

В основу исследования легли следующие направления научной мысли:

- денотатного представления речемышления (Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, Г. Д. Чистякова, Т. С. Серова, А. И. Новиков);
- организации текстообразования по схеме текстовый субъект текстовый предикат (Л. П. Доблаев);
- представления речемышления в виде схем, мыслительных картинок, фреймов, сценариев, отражающих мир в виде концептов (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. В. Лукашевич, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и др.);
- контекстной стереотипизации речемышления (Г. В. Колшанский, А. В. Брушлинский, В. М. Гурленов).

Одним из значений термина «контекст» (от лат. contextus — соединять) является «the words and sentences that come before and after a particular word» (слова и предложения, которые стоят до и после определенного слова). В терминах психологии речемышления контекст можно рассматривать как цепочку последовательно возникающих образов, представляющих ситуацию.

¹ Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/ (accessed 16.12.2019).

Рассмотрим определение контекста как методически значимой величины. Как и В. М. Гурленов, мы понимаем контекст как «естественную, закрепляемую практикой и языком располагаемость/ выстраиваемость образов-раздражителей (содержательных и вербальных) в речемышлении в определенном порядке, представляющую собой стереотипизированный итог психической ориентации индивида в окружающем его мире в процессе его жизненного пути» [3, с. 81]. Контексты как навыковые компоненты речемышления и будут являться в учебном процессе единицами управления обучением монологической речи.

Методические контексты строго регламентируют процесс обучения, являясь опорами на условно-речевой стадии овладения иностранным языком. Проблема, следовательно, будет заключаться в том, чтобы монологические тексты, предназначенные для обучения монологу, были бы представлены в виде некоторого числа контекстов.

Результаты исследования и их обсуждение. Для выявления методически значимых контекстов монологической речи был проанализирован учебник для студентов педагогических вузов под ред. В. А. Аракина (второй год обучения), а также *New Headway English Course Student's Book* (составители *Liz & John Soars*, уровень *Upper-Intermediate*) издательства *Oxford University Press*, *2014*, который часто используют для обучения взрослых английскому языку.

Программа второго года обучения английскому языку студентов педагогического направления предполагает тщательную и, чаще всего, педантичную работу над видо-временными формами глагола. Именно на втором курсе речь будущих учителей английского языка становится правильно структурированной, связной, логичной, выразительной, понятной. Тематическое наполнение курса (темы «Каникулы», «Болезни и их лечение», «Путешествия») более ориентировано на овладение речевой формой повествования. Рассмотрим последовательные содержательные контексты.

Последовательный содержательный контекст можно определить как стандартную выстраиваемость (последовательность) образов-раздражителей в сознании человека, не противоречащую его представлению о жизненных процессах.

Содержание внешнего и внутреннего мира в речемышлении может раскрываться в следующих последовательных контекстах:

- 1. Контекст-биография представлен в следующих вариантах:
- повествовательный контекст **события**:

Michelangelo was born near Arezzo in 1475, but he considered Florence to be his home town.

He began to carve a figure of David from a huge block of marble in 1501. He finished it in 1504, when he was 29.

He worked on this every day for four years from 1508 till 1512.

Микеланджело родился под Арезо в 1475, но он считал Флоренцию своим родным городом.

Он начал вырезать фигуру Давида из мраморной глыбы в 1501 году. Он ее закончил в 1504, в возрасте 29 лет.

Он работал каждый день в течение четырех лет с 1508 по 1512 годы.

хронологический контекст — даты:

In 1271, when he was 17, he sett off for China.

He arrived back home in 1295.

В 1271 году, в возрасте 17 лет, он оправился в Китай. Он вернулся домой в 1295 году.

• последовательный контекст — этапы жизни:

At the beginning of his literary career Maugham was greatly influenced by French naturalism.

Later on, his outlook on life changed. It became cool, unemotional and pessimistic.

В начале своей литературной карьеры Моэм находился под влиянием французского натурализма. Позже его взгляд на жизнь поменялся. Он стал холодным, сдержанным и пессимистическим.

2. Контекст—хронология (периодность):

Starbucks Coffee, Tea and Spice, as it was originally known, roasted its first coffee beans in 1971.

... a decade later, their fourth store in Seattle opened.

Within the next ten years, Schultz had already opened 150 new stores...

<u>Today</u> Starbucks is one of the world's most recognized brands.

Старбакс, Чай и Специи, как первоначально называлась эта компания, обжарил свой первый кофе в 1971 году.

... спустя 10 лет открылся четвертый магазин в Сиэтле.

В течение следующих 10 лет Шультц открыл 150 новых магазинов.

Сегодня Старбакс является одним из самых узнаваемых брендов в мире.

3. Контекст-фактология

В последовательных контекстах фактология может быть представлена фактами, событиями и действиями. Дадим им определения.

Действие — «произвольный акт, акция, процесс, подчиненный представлению о результате, образу будущего, т. е. процесс, подчиненный осознаваемой (сознательной) цели»¹.

Факт (от лат. factum — сделанное) — «действительное, невымышленное явление, происшествие, событие» [Там же, статья $\Phi a \kappa m$].

Предполагаем, что в рамках личностно-ориентированного подхода к обучению иностранному языку следует рассматривать прежде всего жизненные события, т. е. события жизненного пути личности. Вслед за С. Л. Рубинштейном основным критерием события определим его судьбоносность, т. е. способность события зримо повлиять на жизненный путь личности. Под событиями в статье понимаются «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека» [4, т. 2, с. 248].

Анализ методически значимых контекстов показал, что **действия** могут осуществляться:

— в одном временном плане:

I tried to examine myself.

I felt my pulse.

I tried to feel my heart. I could not feel my heart.

I patted myself all over my front, from what I call my waist up to my head but I could not feel or hear anything.

I tried to look at my tongue. I stuck it out as far as ever it would go, and I shut one eye and tried to examine it with the other.

I could only see the tip, but I felt more certain than before that I had scarlet fever.

Я попытался осмотреть себя.

Я проверил пульс.

Я попытался почувствовать сердие. Я не смог.

Я ощупал себя с того места, которое называется талией, до головы, но я не почувствовал и не слышал ничего.

Я попытался посмотреть на язык. Я высунул его как можно дальше, закрыл один глаз и попытался осмотреть его другим.

Я увидел только кончик, но был абсолютно уверен, что у меня скарлатина.

в разных временных планах:

¹ Большая психологическая энциклопедия. URL: https://psychology.academic.ru/ статья *Действие* (accessed 16.12.2019).

I tried to feel my heart. I could not feel my heart. It had stopped beating.

I <u>had walked</u> into the reading-room a happy, healthy man. I crawled out a miserable wreck.

Я попытался почувствовать сердце. Я не смог. Мое сердце остановилось.

Я вошел в читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз жалкой развалиной.

— **в экзистенциальных ситуациях** (отражающих явления обыденной жизни):

I got down the book and read all I came to read:

I idly turned the leaves and began to study diseases

I ...began to get interested in my case

I looked through the twenty-six letters I sat and thought Я взял книгу и прочитал все, за чем пришел.

Я лениво перелистнул страницы и начал изучать болезни

Я ... заинтересовался в моем случае

Я просмотрел все 26 букв

Я сидел и думал

Факты и их качественные изменения:

...the company <u>gradually returned</u> to profitability.

Apple's fortunes <u>were transformed</u> <u>again</u> with the development of the Ipod

...<u>soon became</u> a must-have gadget

Компания <u>постепенно вернулась</u> к прибыли.

Состояние компании Apple <u>опять</u> изменилось с развитием Айпода

... <u>скоро стал</u> необходимым устройством

События:

Hemingway, Ernest ... began to write fiction about 1923...

During the Civil War Hemingway visited Spain as a war correspondent.

Эрнест Хемингуэй ... начал писать рассказы в 1923 году...

Во время гражданской войны Хемингуэй посетил Испанию как военный журналист.

His impressions of the period and his sympathies with the Republicans found reflection in his famous play "The Fifth Column" (1937), the novel "For Whom the Bell Tolls" (1940) ...

Его впечатления и симпатии республиканцам нашли отражение в знаменитой пьесе «Пятая колонна», рассказе «По ком звонит колокол»...

In 1954 he was awarded a Nobel Prize for literature.

...and the very last novel "Islands in the Stream" (1970) published after the author's death. В 1954 ему вручили Нобелевскую премию по литературе.

...его последний рассказ «Острова в океане» был опубликован после смерти автора.

4. Контекст-эволюция (возрастная, эволюция отношений, научно-технический прогресс)

Согласно проведенному анализу последовательный контекстэволюция в любом проявлении (эволюция возраста, отношений или научно-техническая эволюция) отвечает на три вопроса:

- Что изменилось?
- Почему изменилось?
- Что будет дальше?
- а) контекст «Что изменилось?»:

And this figure is increasing rapidly, with three or four new stores being opened every single day! (И эти цифры быстро растут, три или четыре магазина открываются каждый день!)

б) контекст «Почему изменилось?»:

Starbucks' continued success ...shows that its blend of commercialism and comfy sofas is still proving an irresistible recipe for world domination. (Продолжающийся успех Старбакс ... показывает, что сочетание коммерции и удобных диванов до сих пор является безотказным рецептом мирового доминирования).

в) контекст «Что будет дальше?»:

But of course, Friends will last forever. (Но, конечно, Друзья будут идти всегда).

5. Контекст—маршрут

Tommy Willis is in Fiji.
He's on a nine-month backpacking trip
round south-east Asia.
Since then, he's been to <u>Vietnam, Hong</u>
<u>Kong, South Korea,</u> and <u>Japan</u>.
He's looking forward to ...setting off
again for <u>Australia</u>.

Томми Уиллис на <u>Фиджи</u>. Он путешествует по <u>юго-восточной</u> Азии последние 9 месяцев. С тех пор он был во <u>Вьетнаме, Гонконге, Южной Корее</u> и <u>Японии</u>. Он ждет с нетерпением свою поездку в <u>Австралию</u>.

6. Контекст—последовательность действий *«Сначала, за*тем, потом, наконец»

I remember going to the British Museum <u>one day</u> to read up the treatment for some slight ailment.

... and then, in an unthinking moment, I idly turned the leaves and began to study diseases, generally.

...<u>then</u> in despair I again turned over the pages.

<u>Then</u> I wondered how long I had to live.

Then he opened me and looked down me,

After that, he sat down and wrote out a prescription...

Помню, как <u>однажды</u> я пошел в Британский музей, чтобы прочитать о лечении небольшого недомогания.

<u>Затем</u>, не задумываясь, я лениво перевернул страницы и начал изучать болезни в общем.

...затем в отчаянии я снова стал листать страницы

<u>Потом</u> мне стало интересно, сколько мне осталось жить.

Затем он обследовал меня

<u>После этого</u> он сел и выписал рецепт

7. Контекст—повторяемость действий в прошлом *«Раньше бывало...»*

He was always magnetic.

And why his magnetism had never made him successful on the London stage was <u>always</u> a mystery to me. Ему <u>всегда</u> был присущ магнетизм.

Для меня <u>всегда</u> оставалось загадкой, почему его харизма не принесла ему успеха на сцене в Лондоне.

Заключение. Данная классификация наглядно показывает, что каждому последовательному контексту соответствует свое грамматическое и лексическое наполнение. Например, реализация последовательного контекста Факты и их качественные изменения невозможна без использования глаголов, передающих идею трансформации (to become — становиться, to transform — видоизменять, модифицировать, to return — вернуться); наречий (gradually — постепенно, again — опять, soon — скоро), а также видо-временной формы Past Simple прошедшее простое. Реализация последовательного контекста-фактология в одном временном плане требует от обучающихся использования видо-временной формы Past Simple прошедшее простое, а контекст-фактология в разных временных планах заставляет употреблять в устной монологической речи видо-временную форму Past Perfect прошедшее совершенное. Выявление данных речевых матриц дает преподавателю инстру-

мент для формирования прочных и одновременно гибких грамматических навыков, а также позволяет заложить основу для создания грамматически-ориентированных упражнений и придает обучению монологической речи управляемый характер. Предложенная классификация может быть продолжена и дополнена контекстами при анализе других источников.

Библиографический список

- 1. Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- 2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- 3. Гурленов В. М. Формирование иноязычного речемышления студентов II курса французского отделения языкового педагогического факультета на основе функционально-познавательного подхода. Сыктывкар: Изд-во Коми пединт-та, 2002. 84 с.
- 4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.

References

- 1. Brandes M. P. *Slilistika teksta* [Stylistics of the text]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., INFRA-M Publ., 2004. 416 p. (In Russian)
- 2. Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: To the philosophical basics of humanitarian sciences]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
- 3. Gurlenov V. M. Formirovaniye inoyazychnogo rechemyshleniya studentov II kursa frantsuzskogo otdeleniya yazykovogo pedagogicheskogo fakul'teta na osnove functsional'no-poznatel'nogo podkhoda [Formation of foreign thinking of the second-year students at the French department of the pedagogical faculty on the basis of the functional-cognitive approach]. Syktyvkar, Komi Pedagogical Institute Press, 2002. 84 p. (In Russian)
- 4. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshei psikhologii* [The basic of common psychology]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 328 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Афанасьева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Afanasyeva Tatiana Alexandrovna, Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor of the Philosophy, Culture-studies and Sociology Department of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia), e-mail: voskressenskaya@mail.ru

Васильева Екатерина Викторовна, кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Vasileva Ekaterina Viktorovna, Ph.D. in Arts, Associate Professor, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: ev100500@gmail.com

Гурленов Владимир Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия).

Gurlenov Vladimir Mikhailovich, PhD in Pedagody, Associate Professor, Head of the German and French Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: vmgurlenov@gmail.com

Добрецова Светлана Александровна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Dobretsova Svetlana Alexandrovna, Candidate of Culture-studies, Senior Lecturer of the Culture-studies Department of Yaroslavl State University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia), e-mail: svetik-dobrecova@rambler.ru

Емельянов Алексей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева (Иваново, Россия)

Yemelyanov Alexey Anatolyevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev (Ivanovo, Russia), e-mail: marveille777@ yandex.ru,

Зезегова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам,

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Zezegova Olga Ivanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, e-mail: oizezegova@mail.ru

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия);

Ivanishcheva Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Philology and Media-Communications Department of the Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia), e-mail: oivanishcheva@gmail.com

Иткулов Сергей Зуфарович, кандидат культурологии, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева (Иваново, Россия)

Itkulov Sergey Zufarovich, Candidate of Culture-studies, Associate Professor of the Department of General Education, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev (Ivanovo, Russia), e-mail: italian.sergey79@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович, студент 5 курса факультета мировой культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, специальность «культурология» (Санкт-Петербург, Россия).

Kirillov Igor Viktorovich, 5-th year student of the Department of World Culture of Saint Petersburg State Institute of Culture, Culture-studies major (Saint Petersburg, Russia), e-mail: os84@yandex.ru

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия).

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture of St.-Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russia), e-mail: ivaleon@mail.ru

Макаров Евгений Борисович, выпускник Балтийского федерального университета имени И. Канта по направлению «Социология управления» (магистратура), 2019 г., независимый исследователь (Калининград, Россия)

Makarov Evgeniy Borisovich, Master-degree graduate of Kant Baltic Federal University, Sociology of Management major, 2019 Independent Research Worker (Kaliningrad, Russia), e-mail: makarov.eu@gmail.com

Найденов Николай Дмитриевич, профессор, доктор экономических наук, Российский университет кооперации, Сыктывкарский филиал (Сыктывкар, Россия)

Naydenov Nikolay Dmitrievich, Professor, Doctor of Economic Sciences, Syktyvkar Branch of Russian University of Cooperation (Syktyvkar, Russia), e-mail: Nikolaynaydenov@yandex.ru

Пахомов Сергей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философской антропологии и истории философии, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Pakhomov Sergey Vladimirovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Institute of Philosophy of Man, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), e-mail: sarpa68@mail.ru

Ройттер Герхард, филолог, член Немецкой Евангелическо-лютеранской общины св. Анны и св. Петра, соавтор экспозиции об истории Петрикирхе (Санкт-Петербург, Россия).

Roitter Gerhard, Philologist, member of German Evangelical and Lutheran Congregation of St. Ann and St. Peter, co-author of the exposition devoted to history of St. Peter's Church (Saint Petersburg, Russia), e-mail: avenida-spb@list.ru

Сердюк Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Serdyuk Elena Vladimirovna, PhD in Pedagogy, Associate professor of the English Department of the Institute of Foreign Languages, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: serdukelena@mail.ru

Трофимова Юлия Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка института иностранных языков, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия).

Trofimova Yliya Ivanovna, PhD in Pedagogy, Associate professor, Head of the English Department of the Foreign Languages Institute, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: adrom@mail.ru.

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

Nº 3(37) 2020

Редактор Л.В.Гудырева Корректор Е.М.Насирова Верстка и компьютерный макет А.А.Ергаковой Выпускающий редактор Л.Н.Руденко

Подписано в печать 18.09.2020. Дата выхода в свет 28.09.2020. Печать ризографическая. Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Формат 60×84/16. Усл. п. л. 11,8. Уч.-изд. л. 11,4. Заказ № 122. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81